

3

1971

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Александр КАЗАНЦЕВ — Фазы (Гибель Фазы)	2
Анджей ЗБЫХ — Слишком много клоунов .	50
Морган РОБЕРТСОН — Аргонавты	146

№ **3** (63)

1971
ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Александр КАЗАНЦЕВ

Ф А Э Т Ы

(ГИБЕЛЬ ФАЗНЫ)

Научно-фантастический роман в трех частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАКАЛ

ВОЛНА

Пойдет рассказ про время дальше, миллион, а то и больше лет назад, про планету иную, цветущую, но перенаселенную. Звалась она Фазной.

Единственная дочь диктатора Властьмании, древнего континента той планеты, носила по матери имя Ясна. Отец ее, Яр Юпи, ждал сына, однако дочь полюбил без памяти. И все чудилось ему, что вырастет она, выйдет замуж и уйдет от него. И когда, по обычаю, понадобилось дать взрослой дочери имя, не придумал он ничего лучшего, как назвать ее Мада, что означало Влюбляющаяся. Фамилии на Фазне давались по именам планет и звезд. К примеру, Мар или Юпи, Альт или Сирус.

Мада Юпи походила на мать. Ее называли прекрасной. Лицо ее ставило художников в тупик: живое, всегда меняющееся, то веселое, то ясное, то задумчивое. Воплощала она в себе лучшую породу длиннолицых, но овал ее лица был умерен и мягок, нос прям, а губы строго сжаты.

Эту синеглазую фазтессу (так звались там подруги фазтов) и встретил на Великом Берегу гость Властьмании Аве Мар. Девушка выходила из воды, выбрав мгновение, когда вал прибоя разбился о берег и в шипящей пене уползал обратно.

Аве пожалел, что он не скульптор. Все, что он слышал о Маде от своего горбатого секретаря Куция Мерка, было бледно, скупо, тускло по сравнению с тем, что он увидел сам.

Пожилая полная фазтесса из круглоголовых вбежала в воду и укутала выходящую мягкой пушистой простыней.

Мада не обратила на Аве никакого внимания, хотя со слов спутницы знала о нем немало. Расторопная няня поставила на песок складной стул, и Мада села на него, драпируясь в простыню, как в платье древних.

Куций Мерк заметил впечатление, произведенное Мадой на Аве и, выпячивая свой горб, нагнулся к нему.

— Не показать ли местным туземцам? — И с многозначительной улыбкой на умном и недобром лице он протянул Аве небольшую гладкую доску.

Сидя на песке и любуясь Мадой, Аве рассеянно отозвался:

— Вот не думал, что мы захватили это с собой!

— Здесь прекрасная гордячка Мада Юпи, — подзадоривал секретарь.

Аве Мар встал. Благодаря его внушительному росту, длинной крепкой шее и прищуренным глазам казалось, что он смотрит поверх всех голов.

Повинуясь, как ему казалось, собственному побуждению, он взял у Куция доску и смело вошел с ней в воду.

Спутница Мады, не спускавшая с Куция глаз, зашептала ей на ухо:

— Посмотри-ка, Мада! Чужестранец из Даньджаба, о котором я тебе рассказывала, прихватил с собой какую-то дощечку.

Несмотря на волнобой, сооруженные здесь для облегчения купания во время прибоя, валы яростно разбивались о берег. Но за препятствием волны были поистине гигантскими, как в открытом океане. Они вздымались одна за другой, вспениваясь на гребнях.

— Куда он плывет? — тревожилась спутница Мады. — Не позвать ли спасателей?

— Он плавает лучше, чем ты думаешь, — рассеянно заметила Мада.

— Зачем же взял доску? Смотреть страшно.

Но все же она смотрела не отрываясь.

Аве доплыл до волнобоя и перебрался через него. Теперь он привлек к себе внимание многих купающихся.

— Почему ты решила, что это и есть тот чужестранец? — спросила Мада.

— По его спутнику. Круглоголовый, как и я, к тому же горбатый, а гордится, словно гуляет по пляжу Даньджаба. Обидно за наших. Неужто никто ему не покажет, как надо плавать!

— Нет, я не хочу, — сказала Мада, наблюдая, как исполинские валы вскидывали на гребни чужеземного гостя.

И вдруг все отдыхающие на пляже зашевелились.

Неизвестный пловец, выбрав момент, когда особенно большой вал поднял его на гребень, вскочил на ноги и замахал

А ЧТО, ЕСЛИ?..

В долгой моей жизни бывали у меня встречи, о которых нельзя забыть. Такой была встреча в конце 1961 года с великим датским ученым Нильсом Бором, с тем, кто разработал первую планетарную модель атома с ядром-солнцем и с электронами-планетами вокруг него, с тем, кто создал квантовую механику, перевернул современную ему науку, открыл новую эру познания мира. Эти величайшие открытия были сделаны в течение первых десятилетий XX века, и Копенгаген стал тогда «Меккой физики», куда стремились многие ученые разных стран, чтобы посоветоваться с Нильсом Бором о своих открытиях и поисках.

Когда фашизм напал на народы Европы, чтобы растоптать их культуру, унижить науку, уничтожить мечту о мудром человечестве будущего, Дания стала одной из первых покоренных им стран. И фашистские генералы сразу же начали охотиться за Бором — он нужен был им для создания сверхмощ-

руками, словно хотел взлететь, как птица. Но он не взлетал, а просто удерживал равновесие на скользкой дощечке. Так он стоял на пенной верхушке и с пугающей скоростью неся к берегу, одетый пеной и брызгами. Казалось невероятным удержаться на движущейся водяной горе. Но безумец не только устоял, он, задорно смеясь, стал скатываться с крутого водного склона, потом позволил волне снова вскинуть себя на хребет.

Переполненный пляж ахнул, видя дерзкое мастерство заморского пловца.

— Однако я должна посмотреть, как это делается, — решительно сказала Мада, сбрасывая с себя «древнее одеяние» и передавая его на руки встревоженной спутнице.

— Что ты, родная! — запротестовала та, забыв свой недавний совет. — Пришибет он тебя своей доской. Да и пристало ли дочери самого Яра Юпи плыть с ним рядом?

Мада побежала в воду, нырнув в нахлынувшую волну. Темная шапочка, сделанная из упругого материала, оберегающего от воды густые волосы, замелькала среди пенных гребней.

Мада доплыла до волнобоя и забралась на него. Отсюда она увидела, что заморский пловец возвращается с дощечкой в океан, чтобы снова начать скачку на пенных гребнях. Девушка помахала ему рукой, хотя он не мог ее видеть.

Вряд ли на Великом Берегу был еще кто-нибудь, столь же искусный в плавании, как Мада. Океанские волны поднимали ее на хребты и силились отбросить назад. Но она не привыкла отступать, чего-нибудь пожелав. Она решила непременно встать на эту волшебную дощечку, и не было силы в мире, которая могла бы ее остановить.

ного оружия, которое помогло бы Гитлеру поставить на колени народы всей планеты.

Великий физик поступил единственно так, как ему подсказывала совесть: несмотря на возраст, вместе с семьей он покинул родину.

В последующие годы Нильсу Бору пришлось участвовать в создании атомной бомбы — тогда было немалое опасение, что она появится раньше в фашистском лагере...

Уже после нашего свидания с Нильсом Бором я побывал в Хиросиме и Нагасаки, там, где встали проклятые атомные грибы, и видел последствия этого ужасного преступления американской военщины. Я говорил с людьми, которые боятся за судьбу только что родившихся детей, ибо даже через двадцать лет сила радиации или убивает их, или уродует. В больнице я видел страшные картины отчаяния, уродства, безнадежности людей, повинных лишь в том, что они случайно оказались на опасном расстоянии от эпицентра взрыва.

Это военное преступление было бессмысленно жестоко, тем более что Советская Армия, уже разгро-

Иноземец уплывал от берега и не оглядывался.

Мада всего лишь миг видела незнакомца с доской, входившего в воду. Но сейчас, плывя за ним в море, она отчетливо представляла себе его атлетическую фигуру в набедренной повязке, крепкие, вздувающиеся под кожей мышцы, мальчишеский затылок и кудрявую голову.

И вдруг Мада увидела его. Он стоял на пенном гребне. Вода словно кипела под ним, а он с безрассудной лихостью заскользил вниз по водному склону прямо на Маду.

В последний миг заметив ее, Аве подпрыгнул, а Мада нырнула, пройдя под доской.

Ей показалось, что волна рухнула на нее, но это доска чуть задела ее.

Мада вынырнула и огляделась. Незнакомец, выпрыгивая из воды, встретился с ней взглядом. Он радостно засмеялся и сразу поплыл к ней, прихватив по пути доску.

— Держись! — еще издали крикнул он.

Мада ничего не расслышала, но улыбнулась в ответ, понимая, что он спешит ей на помощь. А когда он подплыл, сказала:

— Я хочу встать на это, — и указала на доску.

— Аве Мар с радостью поможет...

— Маде Юпи.

— Ты узнаешь, что такое радость, сила, счастье!

Стоявшие на берегу следили за тем, что делается за волнобойми. И вздох пронесся по пляжу, когда все увидели, что на гребне волны появились во весь рост сразу две фигуры,

мившая фашистскую Германию, добивала Квантунскую армию и до капитуляции Японии оставались считанные недели. Но американский империализм решил ценой жизни сотен тысяч неповинных детей, женщин и стариков показать, что США, имея такое страшное оружие, являются хозяевами планеты.

А потом началась тонка вооружений. Она вызвала протесты миллионов защитников мира — протесты против дальнейшего усовершенствования и накопления ядерного оружия и его испытания.

Во время беседы с Нильсом Бором, которую вели в Центральном Доме литераторов в Москве писатели-фантасты, писатели-ученые, А. П. Казанцев задал вопрос:

— Вот появилась водородная бомба... Скажите, если ее взорвать в глубинах океана, и водород мгновенно перейдет в гелий, возможен ли взрыв всего океана?

Вопрос, по совести, для меня был неожиданным, но ответ Нильса Бора я запомнил. Он посмотрел на собеседника медленным и внимательным взглядом и сказал:

— Ну что же... Если в глубинах океана взорвется сверхмощное ядерное устройство, такая катастрофа

Рисунки Ю. МАКАРОВА

держась друг за друга и, очевидно, стоя на дощечке каждый одной ногой. Это казалось чудом. Обнявшись на виду у всех и не падая, они неслись на пенном хребте к берегу.

Никогда Мада не получала такого наслаждения.

И все-таки, когда Мада и Аве, миновав волнобой, возвращались с доской к переполненному пляжу, Маде стало не по себе. Если бы вчера кто-нибудь сказал ей, что она способна на такое безрассудство, она рассмеялась бы.

Аве в одной руке держал доску, а другой готов был помочь Маде, если ее собьет с ног волной прибоя. Но Мада опередила его и, с хохотом проскочив через отбегающую волну, первой выбежала на берег. Она словно показывала, что ей, дочери диктатора, дозволено все!

Встревоженная спутница укутала ее пушистым одеянием.

— Как было хорошо! Как было хорошо, если бы ты только знала, Мать Луа!

— Как не знать, — проворчала та. — Я чуть жива, тебя ожидаючи. Случись что с тобой, я уж непременно была бы казнена по повелению Яра Юпи (да будет он счастлив, великий!).

— Хорошо, что ты жива и сможешь теперь мне кое в чем помочь.

Мать Луа строго посмотрела на воспитанницу.

— Боюсь догадаться, родная.

О намерениях своей воспитанницы Мать Луа догадалась верно. Мада всегда мечтала о настоящем фазте, мужественном, благородном, чистом. Малокультурные фазты среди «высших», кичившиеся своей с древности застывшей цивилизацией, оттачивали ее грубостью, спесью и презрением к круглоголовым,

возможна... — И, помолчав, добавил: — Хотя некоторые ученые и отрицают это. Но как бы то ни было, все равно ядерное оружие надо запретить.

Оказывается, вопрос этот был задан Нильсу Бору неспроста. Между орбитами Марса и Юпитера существует кольцо астероидов — бесформенных обломков возможно когда-то существовавшей планеты. А. П. Казанцев, известный писатель-фантаст, искал подтверждения владевшей им тогда гипотезы, что эти обломки являют собой трагический результат взрыва какой-то неведомой нам планеты.

Замысел нового произведения зарождается у писателя тогда, когда его захватывает какая-либо неотвязная мысль. И вот А. П. Казанцев взялся наконец за роман о гибели планеты, названной им «Фаэна», где произошло нечто подобное тому, о чем мы говорили с Нильсом Бором. И какой бы сказкой ни выглядели ядерные войны, погубившие Фаэну, какая бы сверхфантастика ни была в романе — все же этот нарисованный писателем трагический эпизод истории космоса имеет прямое отношение к нашим земным делам.

ИмперИАлисты, обладатели ядерных бомб, в стре-

детей которых когда-то лечила ее мать. Чужестранец, как рассказала про него няня, был чужд всех мрачных предрассудков «высших», он был ученым Даньджаба, не побоявшимся там порвать с «наукой смерти», пойти наперекор всем. Именно о таком фазте могла бы мечтать Мада, а он ко всему тому оказался еще и ловким, смелым, красивым.

Фаэтам вообще было свойственно взаимное влечение друг к другу «с первого взгляда», в чем они не всегда признавались сами себе.

Дочь Яра Юпи оправдала данное ей отцом имя — влюбилась в одетого пеной гостя и, по мнению Матери Луа, потянула рассудок.

— Подумай, родная! Будь то любой длиннолицый — куда ни шло. А тут ведь скажут — полукровка. Презрение да ненависть! Одумайся, родная! Я учила тебя правде о всех фаэтах, так ведь не для этого же!..

— Нет, — решительно ответила Мада. — Будет так, как я хочу. Ты пойдешь, няня, к его спутнику и скажешь, как мы увидимся с Аве.

— Где ж увидятся таким заметным! Схватит его Охрана Крови. Не желай ему зла.

— Будет так, как я сказала. Другие не смогут на нас смотреть. Мы с ним встретимся в саду дворца.

— В саду за Стеной? — с тревогой повторила Луа.

— Ты проведешь их через «кровную дверь».

Мать Луа поникла. Но Мада не обращала на нее внимания, со вскинутым подбородком идя впереди.

«Кровная дверь»! Это было одно из самых надежных уст-

мительной гонке вооружений пытаются играть судьбой всей нашей планеты. Не говоря уже о том, что над ней круглосуточно проносятся самолеты с ядерным устройством и (к позору кичливого Пентагона!) то и дело роняют бомбы то у берегов Испании, то у Гренландии, то неведомо нам еще где, — тот факт, что сотни миллиардов долларов тратятся на усовершенствование адского оружия, тревожит всех здравомыслящих людей земного шара.

А что, если?.. Кто знает, какую еще смерть придумают для планеты безумствующие ученые по указке сумасшедших вояк Пентагона, к выгоде торговцев смертью? Дьявольская ненависть к нам, социалистическому лагерю, не остановится ни перед чем, не говоря уже о невозможности избежать конфликтов внутри капиталистического лагеря.

Для дела защиты мира, для сохранения нашей планеты необходимо ежедневно, повсеместно, всеми средствами показывать людям, что может их ждать. Поэтому я приветствую появление романа А. П. Казанцева «Фаэты» («Гибель Фаэны»), как одно из средств, которое может привлечь новые отряды во всемирную армию защиты мира.

Леонид СОБОЛЕВ

ройств Логова, как называли Дворец диктатора. Яр Юпи давно уже был обуреваем манией преследования. Ему казалось, что всюду плетутся заговоры с целью убить его. Потому уже много циклов он безвыездно жил на территории Логова, никогда не показываясь за его стенами. С подчиненными он общался только с помощью экранной связи. Он не доверял никому. Охрану в важнейших местах несли автоматы, пропускавшая лишь определенных фазтов с записанными биотоками головного мозга.

«Кровной дверью» могли пользоваться лишь самые близкие к диктатору фазты. Другого «ключа» к подобной двери не было, и ни один посторонний фазт не мог ее открыть.

И вот Матери Луа предстояло провести в сад за Стеной чудеземцев. Она знала, что ее воспитанница решений не меняет. Кроме того, ей и не хотелось препятствовать Маде.

Надо ли говорить, что молодой фазт Аве также влюбился в прекрасную Маду? По натуре своей склонный к крайностям, он снова и снова переживал мгновения, когда обнимал чудесную фазтессу, стоя с ней на доске. Его бросало в жар, но он ума не мог приложить, как увидеть вновь свою желанную, которая оказалась дочерью Яра Юпи.

Куций Мерк кряхтя, словно нес тяжелую ношу, брел за патроном. Он несколько не удивился, заметив, что няня отстала от своей воспитанницы и занялась шнуровкой обуви.

Пропустив Аве вперед, горбун задержался около круглого-ловой, а та, не разгибаясь, чуть слышно сказала:

— Как взойдет в небе сверкающий Юпи, веди своего патрона к Грозной Стене, к руинам старой часовни.

Куций Мерк кивнул головой, ухмыльнулся и догнал хозяина.

— Успех — это зависть неудачников. Свидание назначено у старых руин при свете ярчайшей звезды Юпи.

Аве порывисто обернулся:

— Смеешься?

— Смех не помогает в моей профессии. Куций Мерк слишком хороший... помощник.

По капризу диктатора Грозная Стена вокруг его Логова разрезала пополам развалины маленького храма. Руины маскировали и без того неприметную «кровную дверь». Стена в нижней части раздвигалась, подчиняясь биотокам мозга, записанным в программе электронных автоматов.

Волнуясь, Мать Луа дала двери мысленный приказ, и та открылась.

Стоявшие в полуразрушенном портике Аве и Куций Мерк быстро прошли в образовавшийся проем. Луа последовала за ними, и Стена сомкнулась за ее спиной. Только руины с внутренней стороны Стены указывали, где искать исчезнувшую дверь.

Аве огляделся. Он находился в густом саду. Гибкие лианы свисали, как стерегущие добычу змеи. За мохнатыми стволами деревьев таился мрак, казавшийся густым и вязким. Ночное светило Луа, имя которой носила няня, еще не всходило,

а ярчайшая из планет Юпи лишь серебрила верхушки деревьев. Под ними было темно, как в беззвездную ночь.

Сердце стучало в груди молодого фазта.

У Куция Мерка пульс бился мерно. Он проник в Логово, «куда и змея не проползет»...

ДВА БЕРЕГА

Только за полцикла до встречи с Мадой на Великом Берегу Аве Мар впервые встретился с Куцием Мерком, своим секретарем.

Парокат Аве Мара остановился в тот день на горном перевале континента «культурных» Даньджаба.

У Аве захватило дух. Открывшийся с высоты океан словно поднялся на самое небо. Туманная полоса горизонта казалась линией высоких облаков.

Внизу лежал Город Дела. Небоскребы стояли концентрическими кругами. Они соединялись кольцевыми и радиальными улицами-аллеями, по обе стороны которых зеленели парки и поблескивали озера. Из центра города до самых облаков доставал небоскреб, похожий на коническую ось чудовищного «колеса деловой жизни».

Аве вернулся в машину и нажал ногой на педаль, открывая клапан котла высокого давления. Паровой привод медленно двинул машину с места, разгоняя до нужной скорости.

Парокаты недавно, но быстро заменили устаревшие машины с двигателями сжигания. В свое время те отравляли выхлопными газами воздух городов. Истребленное ими горючее могло бы служить химическим сырьем для одежды и других предметов быта.

Аве Мар, несясь с огромной скоростью по великолепной дороге, пересек внешнюю круговую аллею, на которой располагались конические башни домов Города Дела.

Коническими они казались только издали. На самом деле они были уступчатыми. Их спиралью опоясывала дорога для парокатов, которые, взбираясь по ней, достигали любого этажа.

Конический небоскреб был как бы обернут спиральной дорогой по всем этажам с въездами в гаражи у каждой квартиры.

Внутри конических башен, обернутых этой «жилой спиралью», размещались магазины с коридорными выходами на спиральную дорогу, рестораны, кафе, а также театры и концертные или просмотровые залы. А в самом центре этого многослойного строения находились производственные помещения мастерских и деловые конторы.

Гаражи помещались под жилыми комнатами, в которые вела самоходная лестница.

Что же касается простых фазтов, работавших в мастерских, то они, не имея машин, почти никогда не спускались из своих тесных квартир, не зная иного мира, кроме спиральной дороги небоскреба.

Аве остановил парокат. Двери гаража сами собой открылись и закрылись за ним, когда он въехал.

Машина не требовала никакого ухода, всегда готовая к работе с нужным давлением пара в котле. Нагревательное устройство из вещества распада было как бы частью машины, «клизняваясь» вместе с нею.

Аве Мар был в подавленном настроении. Он нагрязнул к одному из своих друзей. Но тот созывал у себя тайное собрание и Аве на него не пригласил. Аве понял все и тотчас уехал.

На обратном пути он видел жалкие хибарки фазтов, работавших на полях. Ему стало стыдно перед самим собой, что у него над гаражом несколько жилых комнат, в которых никто его не ждет.

Он не знал тесноты, но знал одиночество и мог лишь по экранной связи вызвать мать. Ах, мама, мама! Находясь даже на огромном расстоянии, она безошибочно догадывалась, каково на сердце у сына, и всегда первая появлялась у экране.

Аве понуро встал на побежавшие вверх ступеньки.

В чем смысл жизни, если впереди тупик, из которого фазтам нет выхода? Безумие искать его в истребительных войнах. Это понимают многие фазты...

Но почему друзья не доверяют ему? Все вместе они могли бы не молчать! Разве он не разделяет учения Справедливости? Но он не нужен им... Никому не нужен...

Аве вошел в первую из своих круглых комнат и замер в изумлении. Ему навстречу поднялся широкоплечий, коренастый горбун с настороженной улыбкой на жестком лице.

— Легкости и счастья! — сказал незнакомец. — Я Куций Мерк! Правитель Добр Мар вручил ключ от этой квартиры как секретарю своего сына.

Аве горько усмехнулся.

— Отец беспокоится, что сына загрызла тоска?

— Отец подумал о большем.

— Избавит это от горечи?

— Разве худо побывать на древнем материке Властьмании? Культурная дикость и высокая техника в руках варваров, называющих себя «высшими»? Одно это чего стоит!

— Что толку от таких мечтаний? Я работал с Умом Сатом. Мне, знатоку распада вещества, не позволял уехать за океан. Мы живем во времена пустоты, неверия, накала...

— Как секретарь я помогу во всем, даже в поездке на континент варваров.

Сказав это, горбун скрылся в другой комнате. Вскоре он вернулся, неся сосуды с напитками и два баллончика со сжатым дурманящим дымом, которым в минуты отдыха любили дышать «культурные». Одежда Куция Мерка натягивалась на горбу, словно сшитая на другую фигуру.

Аве удивился, как быстро освоился здесь его новый знакомый. Запущенная квартира преобразилась. Включенные еще до прихода хозяина механизмы навели чистоту.

Затягиваясь дымом, молодой фазт разглядывал Куция Мерка.

— Если бы съездить на Властьманию, — говорил он в раздумье, — пока тоска еще не убила желания...

— Желания надо осуществлять. Иначе не стоит желать. Заокеанские фазтессы очень красивы.

— Какое это может иметь значение! Даже знание бессильно вывести фазтов из тупика. Бездушное политиканство, бездумное поклонение догмам! Твердолобые не желают слушать ничего, что им не знакомо!.. — Аве, переживая непризнание своих идей, срывал теперь свою обиду.

— Великий закон инерции! Инерция преодолима приложением энергии. Закон стоит толковать шире.

— Куций Мерк подготовлен, несомненно, более, чем для обязанностей секретаря.

— Преодолеть инерцию надо и в самом себе. — И Куций Мерк выпустил замысловатый клуб дыма.

Горбун определенно удивлял Аве Мара. Но ему предстояло удивляться все больше и больше.

Куций приходил теперь к Аве Мару ежедневно и без устали рассказывал о легендарном континенте древнейшей цивилизации. Оказывается, он прекрасно знал Властьманию, был знаком с ее историей, искусством, архитектурой, видимо, не раз бывал там, прекрасно говорил на языке «варваров», как называл обитателей Властьмании.

— Смотри и удивляйся. Глубина невежества и высота знания, чужая техника и дикие теории «высших», трущобы круглоголовых уродов и легендарная Мада Юпи.

— Дочь диктатора? — нехотя поинтересовался Аве.

— Воспитана культурнейшей няней из круглоголовых. Стала Сестрой Здоровья, лечит детей вопреки отцовскому «учению ненависти». Отец ее так любит, что сносит любые причуды.

— Какова же она из себя? — рассеянно спросил Аве.

Куций оживился:

— Длинные ноги бегуна, но женственные. Линии ее тела — для мрамора. Мягкое сердце и спесивая гордость. Трудно снизить ее расположение.

— Похоже, что Куций Мерк добивался этого.

Горбун с горькой усмешкой показал на свой горб.

— У Куция Мерка слишком тяжелая ноша в жизни.

Он теперь совсем избавил Аве Мара от повседневных забот по хозяйству, много рассказывал о Властьмании, но о Маде больше не вспоминал.

Аве Мар сам завел разговор о возможной поездке за океан.

Куций Мерк словно ждал этого:

— Места на корабле заказаны.

Аве Мар стоял на палубе морского корабля и смотрел вдаль. Сейчас океан не поднимался в небо, как при взгляде с перевала, но он был так же безграничен и так же поражал воображение.

Ум Сат доверил своему ученику страшную тайну об этом океане. Всякая тайна тяготит, а эта, касающаяся судьбы всех фазтов, особенно угнетала Аве.

Куций осторожно допытывался о причине плохого настроения Аве, но тот отговаривался обидой на ученых, не признавших его идей о возможной жизни на других планетах.

Горбун хитро ухмылялся и подшучивал над молодым фазтом, уверяя, что истинная причина в том, что он еще не влюбился.

«Континент варваров» показался на горизонте. Острые стрелы словно вынырнули из воды. Над морем поднимались причудливые здания древнего материка, где дома строились не круглыми, а прямоугольными (какая нелепость!). Они беспрядочно тянулись к небу в неимоверной тесноте. Постепенно они слились в груды неправильных остроугольных столбов, напоминав нагромождение кристаллов.

К океанскому кораблю, почти выскакивая из воды, летел охранный катер. Предстояла процедура проверки. Куций Мерк нашел своего хозяина, чтобы быть рядом.

На палубу поднимались длиннолицые, с крючковатыми носами. Все они были в единообразном угловатом платье с поднятыми у спины воротниками и короткой темной пелеринкой, переходящей в прямоугольную, тоже темную полосу на груди.

— Эй ты, горбатое отродье пожирателей падали! Посторонись перед Охраной Крови! — гортанно крикнул первый из длиннолицых, поравнявшись с Куцием Мерком. — Тебе придется убираться отсюда на свой вонючий остров.

Аве Мар, специально изучивший язык Властьмании, покраснел от возмущения, но, увидев предостерегающий, искоса брошенный взгляд Куция, промолчал.

А Куций Мерк выпятил горб в поклоне и смиренно склонил голову, заговорив в неприсущей ему манере на местном языке.

— Быть может, офицер Охраны Крови поинтересуется узнать, что ничтожный круглоголовый, которого он видит перед собой, всего лишь секретарь знатного путешественника, ясномыслящего Аве Мара, сына правителя Даньджаба.

Длиннолицый, носивший в подражание диктатору Яру Юпи бороду, презрительно взглянул на Куция.

Аве Мар протянул ему свои жетоны.

— Проворного сына правителя Добра Мара можно узнать и без жетонов, — щегольнул и офицер старинной манерой речи. — Что же касается этого презренного круглоголового калеки, то ему надлежит, как цепью, быть прикованным к своему хозяину, служа ему, как то предначертано самой природой. — И офицер направился к другим пассажирам.

Куций Мерк побегал за ним, униженно прося вернуть жетоны. Офицер бросил их на палубу, и они, зазвенев, покатались, едва не угодив за борт. Куций Мерк нагнулся, чтобы перехватить их, даже встал на колени.

Офицер грубо рассмеялся:

— Вот так и приветствуй страну «высших», в позе ящерицы, от которой недалеко ушел.

— Да продлятся здесь счастливые дни, — смиренно ответил Куций Мерк.

Океанский корабль входил в гавань, со всех сторон окруженную огромными, нелепо прямоугольными домами, среди которых Аве Мар сразу узнал несколько знаменитых храмов,

построенных в древности и возвышавшихся тогда над всеми зданиями. Ныне город поднялся, заслонив их.

Так вот он каков, Город Негил!

Некоторые из исполнских брусков соединялись между собой причудливыми многоэтажными мостами улиц, пересекающихся на разных уровнях.

Аве подумал, что рассматривает лесную кучу, которую у него на родине насыпают маленькие многолапые насекомые.

Это впечатление Аве Мара от приморского города «высших» еще более усилилось, когда они с Куцием Мерком оказались на берегу. Толпа спешащих фазтов сдавила, затолкала их. Здесь, кроме парокатов, были также и устаревшие машины сжигания. Смесь разнородных экипажей, шума и отравляя воздух, мчалась перед полузадохнувшимся Аве, грохотала у него над головой на диковинных мостах между тяжелыми искусственными скалами домов.

В тесном подъемном ящике Аве и Куций, прижатые в угол другими фазтами, поднялись в отведенную им крохотную комнату самого дорогого «Дворца приезжающих».

Когда Куций Мерк распаковывал вещи, Аве стоял у щелевидного окна и смотрел на чужой мир. Пока что он не видел никакой романтики старины, к которой стремился с детских лет. Все здесь резало глаз, начиная с одеяния грубых «охранников крови» и кончая неудобными углами тесной комнатенки.

— Не стоит терзать зрение варварскими постройками, — сказал Куций Мерк. — Завтра будем на Великом Берегу.

Появился низенький круглоголовый слуга и спросил, что пожелают приезжие на обед: растительную или животную пищу с кровью, и не хотят ли они, как все путешествующие, осмотреть густонаселенные кварталы города, не соблаговолят ли еще что-либо приказать ему?

Куций Мерк счел необходимым проявить традиционную любознательность, и они с Аве, не успев отдохнуть, потащились в знаменитые кварталы круглоголовых.

Аве, даже зная трущобы родного континента, не представлял, что в такой грязи и тесноте могут жить фазты. На улице можно было дышать, только когда она переходила в подвесной мост. Там же, где она была зажата домами, проходила между ними туннелями, улица становилась как бы частью домов. Жители квартир держали двери открытыми. Фазты, не стесняясь прохожих, занимались своими домашними делами, сидели за столом вместе с ребятишками, успевшими родиться до запрета круглоголовым иметь детей, ели какую-то нехитрую, но остро пахучую снедь, укладывались в кровати. Фазтессы раздевались, словно находились за глухими стенами, расчесывали волосы или искали друг у друга в голове паразитов. Они высовывались в открытые двери и, громко крича, переговаривались с обитателями других квартир на втором или третьем этаже. Там и тут чуть выше голов прохожих на веревках, перекинутых через улицу, сушилась потная одежда жителей, большинство из которых не знало, придется ли им потеть на работе и завтра.

Аве очень хотелось зажать нос, когда он, сопровождаемый Куцием, бежал из этих зловонных кварталов, которые про-

славились выставленной напоказ бедностью. Только сто три дня просуществовала Власть Справедливости и не успела помочь их обитателям...

«Так в чем же выход? — спрашивал сам себя Аве. — Неужели в чудовищном законе диктатора, запретившего этим семьям иметь детей?»

Неужели же лишь для того, чтобы увидеть все это, он с самого детства стремился сюда, за океан?

Но на другой день он увидел Великий Берег и Маду.

ПОВЕЛИТЕЛИ

Дворец диктатора Яра Юпи был частью Храма Вечности, в котором богослужение после забвения фазтами религии прекратилось. Ныне Грозная Стена отделяла храм от переделанных для диктатора строений монастыря. Устремленный ввысь шпиль черного камня походил на торпеду с зарядом распада. Древние зодчие не подозревали, что предвосхищают очертания будущего оружия. Еще меньше могли они вообразить, что в подземельях под Храмом Вечности будет размещен Центральный пульт управления защитной автоматикой на случай войны распада. Автоматы могли обрушить на Даньджаб смертоносную стаю торпед распада.

Над этой страшной автоматикой в былом святилище храма с теряющимися в высоте черными колоннами заседала сессия Мирного космоса. Ее председатель Ум Сат из Даньджаба, открывший в свое время распад вещества*, жестоко ошибся, обнародовав это открытие сразу на обоих континентах. Великий круглоголовый, как его называли, первый на планете знаток вещества, решил, что он столь же великий знаток жизни. Думая, что одновременное появление сверхмощного оружия на обоих континентах создаст «равновесие страха», он надеялся, что война станет невозможной. Однако накал отношений между континентами усиливался. Ум Сат угадывал в этом лишь одну из причин — перенаселение и вражду из-за тесноты. Но вражда из-за барышей была куда более опасной. Перенаселение лишь делало все виды вражды еще более обостренными. Владельцы на обоих континентах, силой подавляя недовольство тружеников, силой же грозили и друг другу через океан. Им казалось, что они смогут за счет своих соперников не только увеличить барыши, но и малой подачкой умиротворить недовольных в своей стране.

Ум Сат с ужасом убеждался в неизбежности войны распада и считал себя ответственным за нее. Потому он стремился теперь найти для всех выход в открытии новых космических «материков», мечтая о частичном переселении на них фазтов и в сеобщем умиротворении.

Тяжелая ответственность, разочарование, забота и усталость наложили отпечаток на лицо старого фазта. Его высокий лоб

* Под распадом вещества фазты разумели ядерные реакции расщепления и синтеза, в результате которых, как известно, наблюдается дефект массы, то есть вещества становится меньше, оно как бы «распадается», выделяя огромную энергию.

под густой гривой волос был изрезан глубокими морщинами. Огромные печальные глаза смотрели с мудрой добротой и пониманием. И вместе с тем у него был безвольный подбородок, словно подпертый щетиной усов.

Несмотря на трагическую ошибку Ума Сата, его все-таки уважали за огромные достижения в области знания и безусловную честность стремлений. Потому знатоки знания с обоих континентов встретили его в зале с величайшим почтением.

Но другого всем известного на планете фаэты, находившегося сейчас в какой-нибудь сотне шагов от Храма Вечности за стеной Логова, никто не уважал, но все боялись.

Диктатором Яр Юпи стал в черные дни подавления Властью Справедливости.

Перед рождением дочери он был всего лишь неприметным торгошом, промышлявшим среди круглоголовых. Чтобы угодить клиентам, он и взял в услужение Мать Луа к осиротевшей Маде. Няня заменила ей родную мать в памятное время, когда гнев угнетенных вырвался наружу. Восстание сотрясло тогда Властьманию, лишило владельцев власти и владений.

Затаясь в жгучей ненависти, они не желали смириться с поражением. У них был звериный опыт борьбы каждого с каждым. Ведь они всегда насмерть схватывались и с тружениками, и между собой. Однако теперь они готовы были забыть о собственных распрях.

Владельцы были по обе стороны океана. Но со времени открытия и заселения нового континента Даньджаба фаэты там жили без древних предрассудков, для которых не оказалось благоприятной почвы. Получилось так, что и круглоголовые и длиннолицые стали пользоваться в новых условиях равными правами и возможностями заставлять других работать на себя. Как бы то ни было, но это повело к быстрому росту если не культуры, то техники Даньджаба. Изделия «культурных», как стали величать себя его обитатели, неизменно оказывались лучше и доступнее, чем у «варваров» Властьмании. И владельцы Даньджаба постарались наводнить своими товарами старый материк. Владельцы же Властьмании, с грубыми и примитивными способами изготовления предметов, оказались перед угрозой краха. Как бы ни угнетали они своих тружеников, барыши ускользали у них из рук. Тогда они ощетинились ненавистью ко всему, идущему из Даньджаба. И лишь поражение в борьбе с Движением Справедливости временно отодвинуло счеты с заокеанскими владельцами на задний план.

Когда Яр Юпи объявил свое «учение ненависти», он лишь слышал о существовании Совета Крови, не подозревая о его составе. Вызванный однажды на его тайное заседание в каком-то подземелье, Яр Юпи был поражен, узнав под балахонами восседавших двух крупных владельцев мастерских и одного владельца обширнейших полей.

— Наш выбор пал на тебя, Яр Юпи, — объявил владелец полей. — Твое «учение ненависти» способно объединить, ибо ничто так не объединяет, как общая ненависть. С ее помощью Движение Крови должно задавить Движение Справедливости.

Но не забывай, что «чистота крови», — многозначительно добавил он, — хоть и «высший идеал», но все же только оружие для подавления власти негодяев.

— Движение Крови оправдывает свое название, — заверил Яр Юпи, уже считая себя одним из его вожаков.

Владельцы переглянулись.

— Мы разделяемся с круглоголовыми и здесь и за океаном, — воодушевился будущий диктатор.

— Ты торговал среди круглоголовых, твоя жена лечила их детей, — вкрадчиво начал один из владельцев мастерских, откинув свой капюшон. — Нам это выгодно, потому что, как бы громко ты ни кричал о ненависти, заокеанские владельцы все же смогут довериться скорее всего тебе, умевшему ладить с круглоголовыми. Ты отправишься за океан и убедишь их в том, что случившееся у нас случится завтра и у них. Пусть они помогут нам разделаться с властью «охотников до справедливости», сохранив тем самым собственные владения. Пусть перебросят отрядам твоих головорезов хорошее оружие. Ты сумеешь его применить. И теперь... и после. Ты понял? — И владелец мастерских опустил на лицо балахон с прорезями для глаз.

Яр Юпи все прекрасно понял. Коварный и хитрый, он сделал свое «учение ненависти» главным оружием против Власти Справедливости. Он даже не постеснялся огласить свой бредовый план захвата всей планеты длиннолицыми. ЗАОкеанские владельцы посмотрели на это сквозь пальцы. Им важнее всего было помочь лихому вожаку разделаться с ненавистной властью тружеников, а если он при этом будет греметь пустой фразой о завоеваниях, то пусть делает свое дело.

Бывший торговец сумел не только обмануть заокеанских владельцев, но и сплотить вокруг себя банды головорезов, жаждающих добычи. Неустойчивых же он отвлекал от защиты их же собственных интересов «погоней за круглоголовыми». Словом, он сделал все, что от него требовалось.

Власть Справедливости была разгромлена. Ее руководители из числа тружеников, а также немало фазтов с круглым овалом лица были уничтожены. Континент утонул в крови. А на гребне кровавой пены Яр Юпи был вознесен на высший пост. Совет Крови сделал ловкого и угодливого лазочника диктатором Властьмании, рассчитывая на его послушание. Никто, кроме него, не знал, кто входит в Совет Крови и чьи интересы он защищает.

Покончив с бунтом тружеников, новый диктатор объявил круглоголовых (в своем большинстве тружеников) неполноценными. Во имя борьбы с перенаселением планеты он запретил им иметь детей. Смертная казнь грозила и новорожденным и родителям. Но трудиться круглоголовые должны были вдвое больше остальных. Вместе с тем употребление заокеанских изделий было объявлено несовместимым с принципами крови. Владельцы Властьмании вздохнули облегченно: их барыши были ограждены.

ЗАОкеанские же владельцы спохватились слишком поздно. Яр Юпи не только лишил их барышей на старом континенте, но

и грозил войной распаду — полным уничтожением. Не оставалось ничего другого, как самим готовиться к такой войне, защищая прежде всего свою власть и барыши.

Военачальники обеих сторон, страшась войны распада, намеревались нанести удар первыми. Чтобы он был и последним, они требовали наращивания вооружений распада. Владельцы обоих континентов, прикрываясь фразами о миролюбии, заставляли свои мастерские работать все иступленнее.

После крушения наивного расчета великого знатока знаний Ума Сата на мирное «равновесие страха» он стал выступать теперь с требованием полного уничтожения всех запасов оружия распада и запрещения его применения. Многие трезвые умы поддерживали его.

В напряженной предвоенной обстановке Яру Юпи все чаще приходилось слышать имя Ума Сата, открывшего распад вещества, а теперь вызывающего к совести фаэтов, чтобы его «закрыть».

Диктатору доносили и об «опасных разговорчиках»: «Если круглоголовые могли дать планете такого фаэта, как Ум Сат, то как же можно объявить их неполноценными? Почему круглоголовые не только должны работать вдвое больше других, но и на протяжении жизни одного поколения обязаны уступить свое место на Фаэне длиннолицым?»

В этих «наглых» вопросах Яр Юпи ощущал угрозу!

Страшась нового Восстания Справедливости, диктатор потерял покой. Им овладела мания преследования. Он уже не выходил из Логова, где вел показную аскетическую жизнь. Одинаково не верил ни круглоголовым, ни длиннолицым, даже владельцам из Совета Крови, которым он служил и которым мог стать неудобным.

Чтобы как-то сплотить бурлящий в гнев народ, он усиливал подготовку к войне распада, суля отмену запрета круглоголовым иметь детей после ее успешного завершения и расселения победителей на освобожденном континенте.

Наряду с этим он глушил недовольство труженников авантюристическими планами переселения круглоголовых на планету Мар, где они будут свободны от всех запретов (словно в одном только перенаселении было дело).

Потому он поощрял завоевание космоса и способствовал созданию около планеты Мар космической базы «Деймо». У «культурных» уже существовала там база «Фобо». И Яр Юпи даже согласился провозгласить космос «мирным», поскольку интересы владельцев в основном скрещивались на Фаэне.

Но великий знаток знания Ум Сат, умевший проникать в сокровенные тайны вещества, не умел проникать в глубины беспринципной политики. Для него «проблема перенаселения планеты» действительно заслоняла собой все остальные проблемы, хотя, по существу, она лишь обостряла и тяготы труженников, и борьбу их с владельцами, да и вражду владельцев между собой. Очевидно, для того чтобы быть подлинным мудрецом, еще недостаточно быть знатоком какой-нибудь одной области знания.

Никто не ожидал увидеть осторожного и расчетливого Яра Юпи на сессии Мирного космоса. Слишком он боялся покушений. Но, видно, недаром Яр Юпи выбрал место для сессии вблизи Логова. Храм Вечности был соединен с бывшим монастырем подземным ходом.

Во время заседания Яр Юпи внезапно появился из стены с двумя внушительными роботами-охранниками.

Это был высокий, статный фазт с длинным безусым лицом, темной бородкой, крючковатым носом, узким жестким ртом и подозрительным взглядом бегающих глаз, смотревших из-под зигзага ломаных бровей. Его специально подбритый под лысину яйцеобразный череп считался среди «высших» безукоризненной формы. В выражении лица у него было что-то птичье, хищное. Он одевался, как и все офицеры Охраны Крови. Эта организация пронизывала все общество континента, отравив сознание многих длиннолицых якобы прирожденным их превосходством над всеми другими фазами. Высшим офицером Крови и был диктатор.

Яр Юпи обратился к присутствующим с напыщенной речью, говоря о врожденном стремлении «высших» к миру, о согласии с проектом расселения фазтов по другим планетам, чтобы избежать войны на Фаэне.

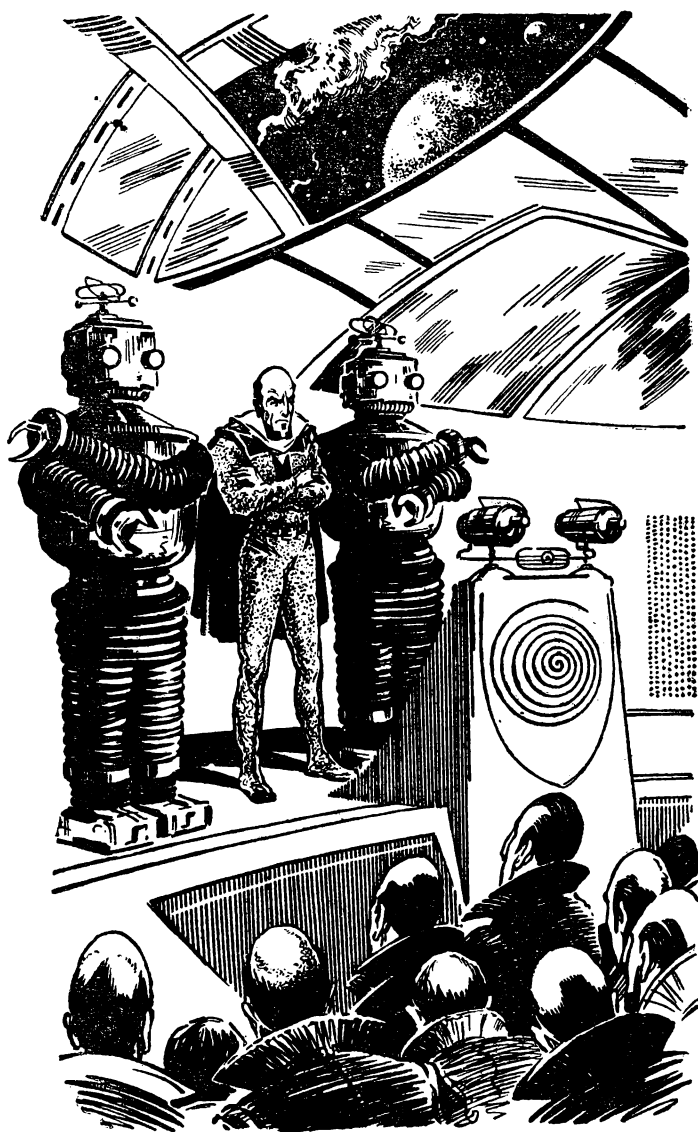
И он преподнес в дар Мирному космосу готовый к немедленному старту межпланетный корабль «Поиск» вместе с опытным командиром-звездонавтом, предложив Уму Сату возглавить экспедицию на Зему.

Затем он объявил о решении Совета Крови считать Ума Сата «почетным длиннолицым» с правами «высшего из высших». Основанием послужило изыскание историков Крови, якобы установивших, что фамилия Сат в честь планеты, отмеченной благородным кольцом, давалась лишь чистейшим длиннолицым.

Ум Сат был ошеломлен. Экспедиция на Зему становилась реальностью (на Даньджабе только спорили, сколько средств выделить для постройки межпланетного корабля на Зему, а он уже мог возглавить такую экспедицию), но... это фальшивка «историков»! Диктатор не погнушался ею, чтобы отнять у круглоголовых их Ума Сата! Первым побуждением Знатока знания было отвергнуть дары диктатора, другой на его месте так и сделал бы, но он сдержался. Ведь он был за умиротворение, за расселение фазтов в космосе. Как же отказать фазтам в разведке Земы, могущей открыть им новую родину? Имеет ли он право проявлять личное или расовое самолюбие во вред всему обществу фазтов? Не разумнее ли показать реальность космического переселения и переключить интерес владельцев мастерских с изготовления торпед для войны распада на космические корабли?

И Ум Сат, преодолевая себя, принес в ответной речи благодарность Яру Юпи и за передаваемый Мирному космосу межпланетный корабль, и за высокое, присвоенное ему, Уму Сату, звание. Он пообещал подумать о возможности личного участия в экспедиции.

Он презирал сам себя, но считал, что приносит великую жертву.

Диктатор усмехнулся и вместе с охранными роботами скрылся в проеме Стены. Заокеанская техника действовала безотказно.

Ум Сат объявил в работе сессии Мирного космоса перерыв. Ему нужно было прийти в себя, оправдаться перед самим собой. Конечно, он остался все тем же круглоголовым — правда, внутренне смятенным, опустошенным и еще обретшим совсем ненужные ему права.

Но эти права оказались особенно нужными его бывшему ученику и любимцу Аве Мару.

Отец Аве Мара, Добр Мар, правитель Данджаба, не находил себе места в круглом кабинете со сводчатым потолком. Он был девяносто шестьдесят вторым правителем, поселившимся здесь.

Угловатый подбородок и костистая челюсть на его умном лице говорили о воле и энергии; тонкие, опущенные к углам губы — о заботах; мешки под глазами и облысевшая голова с остатками седеющих волос — о нелегкой жизни. Имя Добр (Добрый) он получил к совершеннолетию. До этого он носил имя отца — Страшный Мар, с добавлением «Второй-младший».

Правитель думал о сыне, находившемся на континенте варваров, где каждое мгновение мог произойти взрыв...

И невольно во всех подробностях вставала в его памяти картина проклятого дня, когда, полцикла назад, он решился на поступок, которому сейчас не мог найти ни оправдания, ни прощения.

Робот-секретарь доложил тогда, что в приемной ждет Куций Мерк. Со времени, когда предыдущий правитель был застрелен в этом кабинете собственным секретарем, Великий Круг постановил, чтобы во Дворце правителя работали лишь роботы-секретари. И вот теперь «умный шкаф» показал на экране Куция Мерка; ожидая приема, тот не видел, что за ним наблюдают, но все равно был настороженно собран. Типично круглоголовый, он обладал овалом лица, напоминавшим диск Луа, вечного спутника планеты Фазны. Узкие глаза его косились на дверь.

Между Добрым Маром и Куцием Мерком были сложные отношения. Только Куций знал путь, каким пришел правитель к власти. Добр Мар прежде был «другом правителя» и по закону должен был занять место правителя в случае его смерти.

Никто так не поносил «невменяемого» убийцу, как Добр Мар. Он поклялся вести страну по тому пути, по которому вел ее покойный правитель: вековая вражда с Властьманией будет смягчена, все возможное будет сделано для умиротворения планеты, чтобы избавить фазтов от ужасов войны.

Куций Мерк незадолго до убийства предшественника Добра Мара передал ему страшные условия, на которых тот может стать правителем, — первому начать войну распада.

Но заняв место предшественника, Добр Мар не спешил проводить безумную политику «невменяемых», требовавших выиграть войну применением оружия распада.

Добр Мар правил Данджабом, изыскивая работу и жилища угрожающе растущему населению. Он стремился ослабить накал в отношениях между континентами, провел закон о старых вещах, подлежащих уничтожению (чтобы приобретались новые), и добился того, что Яр Юли, удовлетворенный сокращением ввоза заокеанских изделий, вынужден был даже пойти на совместные действия в космосе.

...Добр Мар догадывался, зачем пришел Куций Мерк и что он скажет ему: ведь правитель все еще не выполнил «особые условия». А накануне предстоящих выборов Добр Мар должен был бояться возможных разоблачений. А что, если первому нанести удар?

Войдя в кабинет, Куций Мерк остановился. Приземистый, но складный, широкоплечий, почти без шеи, он походил на борца перед схваткой.

Схватка состоялась. Добр Мар доверительно подошел к нему.

— Советников Великого Круга тревожат добытые Куцием Мерком сведения, что варвары сумели освоить и даже усовершенствовать когда-то приобретенную у нас автоматику и она стала опасной.

— Правитель прав. Автоматика опасна. В Логове — мой надежный агент.

— Где гарантия, что автоматика не сработает случайно?

— На Данджабе почти такая же.

— Этого мало! У варваров не должно ее остаться. Таково решение Великого Круга.

— Преклоняюсь перед волей первых владельцев. Но автоматика варваров — под Логовом. Туда и змея не проскользнет.

— Змея, но не Куций Мерк. К тому же у него там «надежный агент».

Куций Мерк понял все: Добру Мару нужно показать владельцам, что он выполняет их условия, а заодно избавиться от Куция Мерка, послав его на невыполнимое задание.

После своего неизбежного провала Куций Мерк уже не сможет помешать Добру Мару снова быть избранным, ибо только он один мог бы это сделать.

Ни одна морщина не дрогнула на лице Куция Мерка. Он почтительно сказал:

— Ясно: проникнуть в Логово и уничтожить его вместе с автоматикой зарядом распада. — Мгновение подумав, он добавил почти небрежно: — Нужно надежное прикрытие.

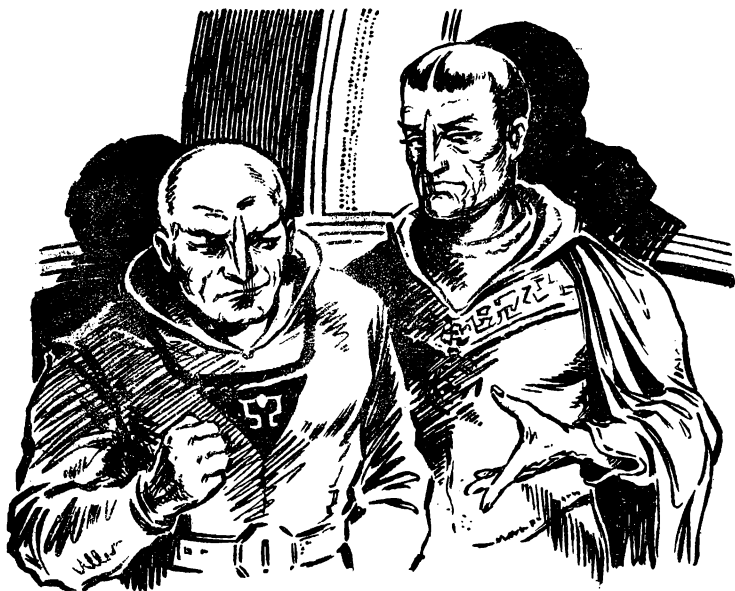
— Прекрасно, — согласился правитель, обойдя подковообразный стол и усаживаясь в удобное кресло, где сидели многие его предшественники и где он собирался еще долго сидеть.

— Прикрытие — Аве Мар.

— Аве Мар, сын? — Добр Мар резко встал с кресла.

Чтобы скрыть гнев, он отвернулся. Этот опытный разведчик ведет с ним недостойную игру, рассчитывает, что отец не рискнет жизнью сына.

Добр Мар до того, как он трижды выставял свою кандидатуру в правители Даньджаба и терпел провал, пока не согласился стать «другом правителя», владел огромными плодородными полями. Его сын Аве родился в полях, близко к природе. Свое имя Аве (Приветствующий) он получил, став юношей. Мальчишкой он бегал с полуголодными детьми круглоголовых, работавших на полях отца. Он не только удил с ними рыбу, чтобы помочь хоть раз насытиться, лазил по деревьям за пи-

тательными почками, но и, как все до него поколения ребят, играл в войну.

Добр Мар гордился сыном, хотя тот и унаследовал от бабушки, круглоголовой, вьющиеся волосы, а от матери девичьи загнутые ресницы и ясный взор. Отцу не очень нравилось, что сын слишком восторженно смотрит на мир, наивно веря в справедливость и древние законы чести. Жизнь не раз наказывала его за эту старомодность. Но отцу льстило, что сын боготворит его за деловитость и миролюбие. Однако сын совершал необдуманные поступки: покинул своего учителя Ума Сата, «не желая служить науке смерти», открыто высказывался против того, что на обоих континентах решающую роль играли владельцы полей и крупных мастерских, получавшие выгоду от пере-

населенных земель и труда тех, кто работал на владельцев. К счастью, ему, как это знал отец из секретных донесений, никак не удавалось примкнуть к «подледному течению» молодежи, грозившему вырваться и здесь, на Данджабе, новым Восстанием Справедливости. При Аве не раз произносились крамольные речи приверженцев учения Справедливости, но он не считал нужным сообщать о них отцу. Аве знал о тайных собраниях, участники которых в знак приветствия касались левой рукой правой брови. Но он не попадал на эти сборища. Видимо, труженики все-таки не доверяли ему, как сыну правителя. Отцу не приходило в голову, что друзья Аве Мара могли беречь его как способного знатока знания. После ухода от Ума Сата Аве посвятил себя проблеме возможной жизни фазтов на других планетах. Добру Мару были известны, но малопонятны его доказательства, будто авторитеты звездоведения не правы, утверждая, что жизнь невозможна нигде, кроме Фазны, поскольку остальные планеты или слишком удалены от светила, или, подобно Мерку, Венс и Земе, испепелены его лучами. Фазтам некуда было бежать с их планеты, если не считать малопригодного для жизни сурового Мара, предназначенного диктатором континента варваров для ссылки круглоголовых. И оказывалось, что единственным средством очищения планеты для грядущих поколений может быть только война. Аве же утверждал, что на Земе вовсе не обязательно ожидать высокий уровень тепла только потому, что планета близка к светилу Сол. Решает не близость к светилу, а содержание углекислоты, которая создает «парниковый эффект», препятствующий излучению планетой в космос избытка тепла. Этому эффекту якобы и обязана Фазна тем, что на ней могла развиться жизнь. На ее небосводе светило восходило лишь самой яркой звездой, в то время как на Земе оно должно выглядеть ослепительным диском. И Аве доказывал, что будь на Земе углекислоты соответственно меньше, чем на Фазне, там не окажется парникового эффекта, излишнее тепло сможет излучаться, и на ее поверхности могут развиваться любые жизненные формы.

Взгляды Аве были отвергнуты авторитетами как нелепица. И он разочаровался в знатоках знания, в ученых, в самом себе, пал духом и затосковал.

Отец лишь пожимал плечами. Он хотел бы иметь более приспособленного к жизни сына, хотя и любил и жалел его. И вот теперь Куций Мерк требовал жертвы. Ради выполнения задания правитель Добр Мар должен был рискнуть жизнью сына.

Куций Мерк рассчитывал наверняка, считая, что правитель отступит, но ошибся. Тому тоже некуда было деваться.

Вспоминая все это, Добр Мар, «защитник права и культуры», не находил себе места. Он не знал, как обернется дело на Властьмании, будет ли выполнено безумное задание, будет ли, наконец, уничтожен опасный Куций Мерк, останется ли жив Аве.

ХРАМ ВЕЧНОСТИ

Каждый вечер после появления в небе сверкающего Юпи над Грозной Стеной Мать Луа приводила к своей воспитаннице нетерпеливого Аве.

Вместе с горбуном, всегда сопровождавшим хозяина, она оберегала их. Между собой няня и секретарь не ладили. Горбун добивался, чтобы Мать Луа куда-то провела его, но та страшилась.

Однажды Аве пришел в сад грустный, словно на него накопалась былая хандра.

— Что с тобой? — тревожно спросила Мада.

Аве Мар признался, что завтра должен покинуть Великий Берег. Путешественникам нельзя дольше задерживаться близ Дворца диктатора. Куций заметил слежку.

Молодые фазты, как и в первый раз, стояли в тени деревьев. Мада положила голову на грудь Аве и заплакала. Он гладил ее волосы, не зная что сказать. То, что они любят друг друга и не мыслят разлуки, разумелось само собой.

Мада посмотрела на Аве снизу вверх, запрокинув голову. Его кудрявая голова заслоняла звезды.

— Все устроится, — утешал он. — Надо использовать некоторые странности твоего отца, его приверженность к древним обычаям. Он ссылается в своем учении на прежних монархов, даже вспоминает, что брак детей враждующих царей отдалял войны. Я отправлюсь к своему отцу, буду просить его обратиться к Яру Юпи с предложением нашего с тобой союза.

Мада отрицательно покачала головой.

— Как? Нам пожениться сейчас? — отгадал ее мысль Аве.

— Да. Раньше, чем ты уедешь.

Мада сказала это твердо, почти властно.

— Значит, нынче ночью? — несколько растерянно спросил Аве. — Но кто в состоянии поженить два полюса вражды?

Мада рассмеялась, хотя ее лицо было еще мокро от слез. Аве своеобразно говорил на чужом языке.

— Ты просто не знаешь обычая «высших». Это круглоголовые женятся с разрешения властей. А мы, длиннолицые, свободны. Любой из «высших», чей возраст превосходит сумму возрастов влюбленных, может провозгласить их мужем и женой.

— Но где найти такого старца? Аве у «высших» только гость.

— Что означает «гость»? — с вызовом спросила Мада. — Что, ты бессилён найти выход?

Аве вспыхнул:

— Я был учеником самого Ума Сата, первого ученого планеты. Тот достаточно стар и находится здесь.

— Но он круглоголовый, — разочарованно протянула Мада.

— Ум Сат только что провозглашен на Властьмании «почетным длиннолицым». Он равен «высшим среди высших».

Мада оттолкнула Аве, но удержала его руки в своих, любясь им:

— Беги к нему! Ты истинный фаэт и сможешь убедить его.

Горбатый Куций Мерк, низко кланяясь, ввел в келью к Уму Сату молодого фаэта.

— Аве Мар? Вернулся к учителю? — приветствовал старик вошедших, встав с кресла им навстречу.

— К учителю — в труднейшее мгновение жизни.

— Ты говоришь так, словно речь идет о смерти или жизни.

— Нет! — энергично замотал головой Аве. — Много больше! О счастье!

Старик пристально посмотрел в лицо любимца.

— Вот как? Но чем помочь?

— Используя права, дарованные Советом Крови, Ум Сат по закону «высших» имеет право соединить навеки Аве Мару и ту, которую тот полюбил сильнее жизни.

— Ясномыслящий Аве Мар избрал не менее чем дочь диктатора Яра Юпи, прекрасную Маду, не очень считаясь с преградами, — на витиеватом языке Властьмании вставил Куций Мерк.

— Как? Круглоголовому Сату воспользоваться правами угнетателей? — возмутился старик.

— Речь идет не просто о любви, — снова вмешался Куций Мерк. — Брак сына и дочери вождей двух континентов поможет избежать войны... Так говорится в учении Яра Юпи.

Хитрец знал, чем убедить Ума Сата. Старик задумался:

— Он говорит разумно. Сгорая от стыда, я не отверг дара варваров только потому, что думал, как избежать войны.

— Так используй свои права и помоги нам стать счастливыми! — откликнулся Аве.

— Что надо сделать? — спросил старик.

— Церемония совсем проста. Свидетелями будут няня Мады и Куций Мерк.

— И этого достаточно? — удивился ученый.

— Да, ибо возраст Ума Сата превышает сумму возрастов влюбленных, и он имеет право их соединить.

— Создателю учения о веществе, отрицателю религий прошлого, — улыбнулся старик, — придется выполнять чуть ли не роль недостойного жреца...

— Притом в святилище былого храма, — вставил Куций Мерк.

— Тогда пусть этот брак действительно послужит миру и до поры до времени останется в тайне, — решил ученый. — После возвращения Аве в Даньджаб брак будет обнародован. И пусть он поможет отцу договориться с Ярм Юпи, если тот действительно следует традициям древних монархов.

— Да будет так! — возвестил горбун.

— Я уговорю отца. Он политик и не упустит возможностей, — горячо поддержал Аве. — Однако церемония непременно должна состояться нынче ночью.

— Зачем такая спешка? — нахмурился Ум Сат.

— Увы, но путешествующие, даже знатные, все же не могут задерживаться вблизи Дворца диктатора. К тому же... так просила Мада.

— Нет фазтессы прекрасней и умней! Учитывает все, — заметил Куций Мерк.

— Что ж, — пожал плечами Ум Сат. — Святилище свободно. А старикам не так уж много надо спать.

Аве молча обнял старика. Тот посмотрел на него печальным долгим взглядом.

«Кровная дверь» снова открылась. Мать Луа, как обычно, ждала Аве и Куция в том же полуразрушенном портике. Все вместе они прошли в древний монастырский сад, освещенный теперь слабым светом Луа. Свисающие лианы уже не походили на змей, они напоминали шнуры роскошных занавесей, разделивших сад. Деревья выглядели колоннадами галерей. Пахло прелью и еще чем-то странным и нежным — может быть, цветами, которые со страстью разводил Яр Юпи.

Мада ждала любимого и бросилась ему навстречу, едва он показался из проема «кровной двери».

— Он согласился?

— Ум Сат создавал до сих пор реакции распада, теперь (да простится это Куцию Мерку!) ему придется совершить реакцию противоположную, — пошутил Куций Мерк, усмехнулся, но тотчас растянул рот в угодливой улыбке.

В саду потемнело. Серебристый свет померк. За внешней стеной заблистали молнии, бросая тяжелые черные тени на заросли кустарника. Одно из деревьев, словно вырываясь из тьмы, само вспыхивало, сверкая белой корой.

Издалека донеслось рычание. Казалось, огромная грохочущая машина мчалась под откос и сорвалась наконец в пропасть, оглушив и ослепив всех словно взрывом распада.

Мада прижалась к Аве.

Стало совсем темно, исчезли и колоннады аллея, и белокожее дерево.

— Какая гроза! — восхищенно прошептала Мада.

— Вымокнем до нитки. Обходить Грозную Стену до Храма Вечности, — заметил горбун.

— Может быть, отложить до завтра? — осторожно спросил Аве.

— Никогда! — воскликнула Мада. — Разве остановят нас громы небесные? А что до дождя, который может испортить наши платья, то о них позаботится няня.

— О платьях? — осведомился Куций Мерк, протянув ладонь и ощущая на ней первые капли. — Да, позаботиться надо.

— Нужна мне такая забота, — проворчала Мать Луа. — Я лучше проведу посуху.

— Что имеется в виду? — насторожился Куций Мерк.

— Все очень просто, — объяснила Мада. — Отсюда в Храм Вечности ведет старинный подземный ход. Им пользовались прежде жрецы, а сейчас пройдем мы. Няня все знает и будет открывать встречающиеся двери.

— Ход ведет из сада? — допытывался Куций.

— Да, в него можно пройти где-то совсем близко. Няня покажет.

Дождь начался, и сразу сильный. Все побежали, спотыкаясь о корни деревьев. Впереди Луа, за ней Куций, потом Мада и Аве.

— Вот сюда!

— Пожалуй, здесь несколько не темнее, чем снаружи. Мать Луа показала себя резвухой, — подшучивал Куций Мерк.

— Шагай, шагай, горбун. Тебе-то не надо нагибаться. Невзрачен старый ход. Не обессудьте, — говорила Мать Луа, ведя всех за собой.

— Все лучше, чем под дождем, — отозвался Куций.

Аве ощущал запах сырости. Стена, которой он коснулся рукой, была влажной и липкой. Другой рукой он крепко сжимал пальцы Мады.

— погоди, — слышался впереди голос Луа. — Надо на-прячься.

— Не помочь ли почтенной даме что-нибудь поднять?

— Мне надо сосредоточиться

Оказывается, Мать Луа должна была усилием воли открыть какую-то дверь, отзывавшуюся на биотоки ее мозга.

Молодые фазы увидели впереди светлый прямоугольник, на фоне которого отчетливыми силуэтами появились фигуры Луа и горбуна.

Следом за ними Мада и Аве вошли в просторный, отделанный пластиком подземный коридор.

— Ого! — сказал Куций Мерк. — Древние жрецы знали толк в материалах. Чего доброго, догадались изготовить и современные фрески.

— Тогда придется пойти напрямик во Дворец диктатора. Он любитель фресок. А налево — к Храму Вечности.

Куций Мерк наклонился и пощупал рукой толстый кабель в красной оплетке.

Мада крепко сжала в своей маленькой ладони пальцы Аве.

Шаги фазтов гулко отдавались под низким потолком.

Аве подозрительно оглянулся назад, где коридор делал поворот. Свет, сам собой загоравшийся при их появлении, там уже погас.

Два раза прямо перед фазтами вставала глухая стена, и оба раза под влиянием мысленного приказа Матери Луа преграда исчезала, образуя проход.

— Не хотел бы я тут остаться без нашей стройной спутницы, — заметил Куций Мерк.

— Неужели мостю из Даньджаба больше нечего сказать? — с упреком сказала Луа.

Тайный ход имел ответвления, но Луа уверенно проходила их, ведя спутников хорошо известным ей путем.

Наконец, она снова остановилась перед глухой Стеной и напряженно посмотрела в центр спирального орнамента. Этого оказалось достаточно, чтобы Стена раздвинулась и Луа пропустила вперед молодых фазтов и Куция Мерка, затем и сама вошла в уже знакомое нам святилище.

Мада держалась ближе к Аве. Ей не было страшно идти подземным ходом, а здесь древний храм и его святилище с невидимым потолком действовали на ее воображение.

Что-то шевельнулось в полутьме, и раздался голос:

— Приветствую счастливых! Я догадывался, что из-за непогоды вы воспользуетесь тоннелем, которым приходил на сессию диктатор Властьмании.

Мада Юпи в волнении смотрела на высокую фигуру великого знатока знания, стоявшего на возвышении. Она невольно подумала о Главном жреце храма, который с этого же места произносил свои заклинания. И голос его так же отдавался тогда под темными сводами, как сейчас, когда заговорил Ум Сат, обращаясь к молодым фазтам.

Старый знаток знания тактично и просто совершил несложную брачную церемонию, закончив ее словами:

— Да будет так!

Голос его многократно отдался в глубине святилища, словно там отозвались древние жрецы.

Потом Луа Сат поочередно обнял молодых фазтов и пожелал им счастья.

Аве хотел проститься с Мадой, но вмешался Куций, обменявшись многозначительным взглядом с Матерью Луа.

— Разве не стоит пройти подземным ходом, чтобы проводить молодую жену? Она выпустит нас через «кровную дверь».

— Через нашу «кровную дверь»! — подхватила Мада, смотря на Аве.

Мать Луа покорно стояла подле Куция, словно зависела теперь во всем от него.

И снова Аве поступил, казалось, по собственному желанию, выразив готовность пройти подземным коридором.

Мать Луа тяжело вздохнула. Всю жизнь она отдала Маде, чтобы сделать ее похожей не на отца, а на мать. Что-то ждет девочку впереди?..

Куций Мерк был доволен и не скрывал этого.

КРОВЬ

Яр Альт, сверхофицер Охраны Крови, гордился тем, что ко дню совершеннолетия проявил такой характер, что получил имя своего дяди по матери, самого диктатора Яра Юпи.

В отрядах Охраны Крови, куда направил его диктатор, он подтвердил свое прозвище. Грубый, вспыльчивый, готовый ударить, даже убить, он презирал чужие взгляды и не терпел возражений.

Именно поэтому диктатор давал ему важные поручения. И Яр Альт совсем не случайно встречал на корабле сына правителя Даньджаба, прибывшего с горбатым секретарем. Причкрывшись тогда обычной для охранников грубостью, он «проверял» приехавших, решив не выпускать их больше из виду.

Яр Альт был в числе купающихся на пляже и, негодуя, смотрел, как на гребне волны появились фигуры фаэты и фаэтессы, его двоюродной сестры. Не ускользнуло от него и то, что няня Мады задержалась для шнуровки обуви, шепнув что-то горбуну.

Сверхофицер был взбешен, но сдерживался, рассчитывая раскрыть большее. К тому же он побаивался своего дяди, зная, что тот может закрыть глаза на шалости любимицы, катавшейся вдвоем с чужестранцем на дощечке.

Но сам Яр Альт никогда не простил бы этого Маде, тем более что она к нему относилась с презрительной холодностью, как-то даже сказав, что сверхофицер Охраны Крови не охраняет от крови собственные руки. А что она думает об отце? Почему стала детским врачом? Эти вопросы он пока затаил, но отнюдь не потому, что щадил Маду.

У Яра Альта был крючковатый нос, как у диктатора, удлиненное лицо и намеренно отпущенная «под дядю» борода.

Мада терпеть его не могла. Он всегда орал, бранился или проповедовал бредовые откровения диктатора. Глаза фанатика и пересекающий лицо шрам, след давней драки, делали его еще более отталкивающим.

Но ее отцу были нужны подобные молодчики, они по воле владельцев принесли ему власть, и он доверял племяннику несколько больше, чем другим, словно тот был охранным роботом. И Яр Альт, если и не был роботом, то стремился быть им.

Он с примерным рвением охранял семью диктатора, когда выслеживал Аве Мара, укrywшегося в развалинах часовни под Грозной Стеной.

Сверхофицер видел, как Мать Луа провела чужеземцев сквозь «кровную дверь», и дождался, когда «неполноценные» выйдут оттуда.

Ему приходилось следить за ними всякий раз, когда они скрывались за Грозной Стеной, едва над ней зажигался ярчайший Юпи.

Яр Альт был осторожен, однако Куций, видимо, заметил его. Яр Альт решил, что пора действовать. До сих пор он лишь негодовал, беспокоясь за чистоту крови, но в последний вечер, убедившись, что чужеземцы идут к Храму Вечности, он уже не на шутку встревожился. Ведь там, в глубине, был Центральный пульт управления автоматикой защиты Властьмании.

Яр Альт неотступно следовал за Аве и Куцием, проследив,

как они вошли к Уму Сату, а потом вышли от него, провожаемые громко сказанными словами старца:

— Жду в святилище.

И Яр Альт понял все. Так вот зачем понадобился ночью Ум Сат, которому дарованы права «высшего из высших». Не затем ли, чтобы старый «круглоголовый» святотатственно соединил брачными узами чистейшую длиннолицую с полукровкой из Данджаба? Обязанностью сверхофицера Охраны Крови было вмешаться и убить на месте Аве Мара, но внутреннее чутье подсказало Альту, что не только затем, чтобы увлечь дочь диктатора, прибыл сюда Аве Мар. Да и горбун уж слишком покорно сносил оскорбления на корабле. Не берег ли он себя для выполнения неких тайных заданий?

И Яр Альт, затаившись в Храме Вечности, сторожил треклятого старца, который в раздумье бродил по святилищу меж квадратных колонн.

Наконец, как и ждал того Яр Альт, в святилище, пройдя через проем в стене, появились молодые фазы и их спутники.

Во время импровизированной брачной церемонии под сводами Храма, кроме няни и секретаря, был еще один невидимый свидетель, в ярости грызший ногти. Он не смог сдержать стона, словно повторяя, подобно прислуживающим жрецам, возглас старца:

— Да будет так!

Яр Альт не смог добиться у Мады «полного психо-жизненного контакта», что без всякого усилия сделал этот чужестранец-полукровка. В глубине души Яр Альт считал, что он мог бы стать совсем иным фазом, коснись его ответная любовь. В нем бы расцвели нежность, чуткость, доброта... если бы прекрасная длиннолицая, которую он избрал, не ответила ему горделивым пренебрежением. И потому Яр Альт возненавидел мир.

И вот теперь, страшась и стыдясь своего стога, он держал себя в руках, чтобы выполнить долг.

Он выждал, пока Мать Луа увела новобрачных и горбуна в потайной ход, проследил за тем, как Ум Сат ушел к себе в келью, и только после этого рискнул подойти к скрытой двери. Он напряг всю свою волю, приказывая стене раскрыться. И вздохнул облегченно. Стена раздвинулась, образовав проход.

Яр Альт нырнул в него.

Преступники не должны были далеко уйти вперед. Он настигнет их еще в подземелье, не даст укрыться во дворце.

Он побежал по коридору, но проклятые лампы зажигались и гасли сами собой. Он остановился, поняв, что они выдадут его. Достаточно кому-нибудь из преследуемых оглянуться...

Если бы влюбленные могли подозревать, мимо чего проходят! Мимо галерей Центрального пульта! Мимо сердца войны распада!

Почему же не срабатывает сигнализация тревоги? Или всему виной биотоки мозга круглоголовой, которую автоматы признают за свою, как и его, сверхофицера Охраны Крови?

Так размышлял Яр Альт, догоняя уходящих. Вдруг он резко остановился.

В сторону, круто спускаясь, отходила галерея, по которой тянулся кабель в красной оплетке. Яру Альту показалось, что в

этой галерее, которая вела совсем не во Дворец диктатора, только что погас свет. Не горбун ли свернул к Центральному пульту? Зачем?

Дух захватило у Яра Альта. К пультам подбирались враги! Теперь речь шла уже не только о чистоте крови, а об угрозе всей Властмании!

Ни о чем больше не думая, Яр Альт тоже свернул в галерею и, сломя голову, бросился по спуску. Ему преградила дорогу глухая Стена. Зажегшийся при его приближении свет выделял на гладкой поверхности символ «высших» — спираль.

Яр Альт никогда не бывал здесь и не знал, сумеет ли открыть дверь в Стене. Страх и гнев удесятирили силу его взгляда, устремленного в центр спирали. Мгновение, пока сработали автоматы, показалось ему мучительно долгим. Но Стена раздвинулась. Положение сверхофицера Охраны Крови помогло. Биотоки его мозга были знакомы и этим автоматам.

Яр Альт ринулся в образовавшийся проем.

Через короткое время он увидел идущих впереди горбуна и няню.

Он вынул пистолет с отравленными пулями. Даже легкая царапина парализовывала раненого.

Без предупреждения Яр Альт выстрелил в спину горбуну. Горбун вздрогнул, но устоял на ногах. Пуля отскочила от его горба и рикошетом ударилась в стену.

Альт выстрелил еще и еще раз. Удары пуль все-таки бросили горбуна на колени.

Яр Альт не спеша подошел, ожидая, когда противник дернется в последней судороге и замрет.

Но тот, повалившись на спину, неожиданным ударом ноги выбил оружие из рук Яра Альта. Оно загремело по каменным плитам.

Альт кинулся на пытавшегося встать противника, силясь прижать его к полу.

У Куция Мерка не было никакого оружия. Он намеренно не взял его, остерегаясь возможных обысков, которые могли бы сорвать весь его замысел. Обладая недюжинной силой, он легко был справился с более легковесным противником, не будь у него тяжелого груза за спиной.

Яр Альт выхватил длинный стилет, служивший ему личной антенной в системе связи Охраны Крови. Обняв горбуна, тяжело дыша ему в лицо, он ударил стилетом в спину. Но острие скользнуло по чему-то твердому, распоров на горбу одежду.

Яр Альт подумал только о пулезашитной броне, ни о чем другом. И в этом было несчастье не только для него.

Почти без надежды на успех Яр Альт ударил врага стилетом в грудь. Странно, но спереди у горбуна защитной брони не оказалось. Стилет вошел прямо в сердце Куция, и тот, ослабив объятия, откинулся навзничь. По камням расплылась лужа крови.

Яр Альт вскочил и пнул горбуна ногой. И только после этого обернулся к Матери Луа.

Но ее не было. Подобрав оружие Альта, она скрылась во время короткой схватки, чтобы предупредить, спасти Маду.

Яр Альт побежал и сразу наткнулся на глухую Стену.

Он вперил злобный взгляд в центр спирали-символа. Стена не дрогнула. Яр Альт понял, что Мать Луа стоит по другую сторону Стены и напряжением воли приказывает двери не открываться. Вот почему автоматы не реагируют на его приказ!

Так началась схватка между Яром Альтом и Матерью Луа. Разделенные крепкой преградой, они неистово вглядывались в центры двух спиралей. Запрограммированные автоматы были парализованы противоположными волями.

Яр Альт покрылся каплями пота, пена выступила на его губах. Убить Куция Мерка было легче, чем сладить с проклятой колдуньей. Он-то знает, что она сочиняла запретные песни. Таких когда-то сжигали на кострах.

Наконец Стена дрогнула, разошлась, образовав щель, но тотчас захлопнулась. Яр Альт успел увидеть няню. Счастье, что она не сообразила выстрелить в него. При одной мысли об этом у Яра Альта мурашки пробежали по спине. Он не заметил, в каком она была изнеможении.

Стена то вздрагивала, то замирала. Яр Альт скрежетал зубами. Ошибка Матери Луа подсказала ему план действий. Теперь он хотел совсем немногого: чтобы щель приоткрылась хоть на мгновение. Но сам он, конечно, не окажется перед щелью.

Пот заливал ему глаза. В диком иступлении продолжал он сверлить взглядом центр спирали, приказывая Стене открыться. Он приготовился, занес левую руку назад, чтобы метнуть стилет.

Мать Луа почти теряла сознание. Руки ее беспомощно свисали вдоль тела. Она понимала, что от ее силы воли сейчас зависит и собственная жизнь, и жизнь любимицы.

Няня покачнулась. Стена приоткрылась совсем немного. Яр Альт, ожидавший этого, метнул в образовавшуюся щель свой стилет, и тот пронзил горло круглоголовой. Взгляд ее потух, и Стена раздвинулась.

Яр Альт перепрыгнул через осевшую комком няню. Он вырвал стилет из ее горла и побежал по коридору. Через несколько шагов он спохватился, что не отнял у Матери Луа пистолет, хотел вернуться, но раздумал, торопясь догнать Аве Мару и Маду. Предательнице, которая, свернув в сторону, повела злоумышленника к Центральному пульту, не уйти от возмездия!

Яр Альт бежал по подземному коридору, и свет зажигался при его приближении, потухая за его спиной.

Стена уже перед самым дворцом еще раз преградила ему путь, но открылась, едва он взглянул на спираль.

Он оказался во дворце. Монастырское здание, переделанное для диктатора, носило черты старой архитектуры. Низкие сводчатые потолки, щелевидные окна от пола до потолка.

Залы были пышно убраны для парадных сборищ, которые теперь не проводились из-за боязни покушений на диктатора.

Яр Альт знал, как пройти на половину Мады. Тонкий вкус и женская рука сумели здесь преобразить суровые кельи и молельни. Ворвавшись в одну из них, отделанную голубой тканью и серебристыми шнурами, Яр Альт налетел на Аве и Маду.

Мада прибирила волосы. Вне себя от гнева она обернулась и топнула ногой.

— Как осмелился ты, низкий робот охраны, ворваться ко мне! Яр Альт осыпал Маду угрозами.

— Замолчи, грубиян! — вспылil оскорбленный Аве Мар, поднимаясь во весь рост.

Мада прикрыла его собой:

— Прочь отсюда, гнусный робот! Ты не стоишь и волоса с головы моего мужа!

— Мужа? — нагло расхохотался Яр Альт. — В живых не осталось бесстыжих «свидетелей» вашей позорной церемонии, прикрываясь которой враги «высших» затеяли уничтожить наш континент.

— Кровь на руках и клевета на языке — вот твоя сущность! Что ты можешь знать о доброте, любви и благородстве?

Яр Альт грубо оттолкнул Маду и бросился со стилетом на безоружного Аве. Тот ударом ноги отбросил его. Падая, Альт ухватился за Маду и повалился вместе с ней, норовя ударить ее стилетом.

Аве Мар успел ухватить его руку и вывернул так, что стилет разорвал камзол на самом же Яре Альте.

Яр Альт был опытен в драках, Аве Мар — в спорте. Они сцепились, покотившись по древней молельне. На ковре оставались кровавые пятна.

Мада в оцепенении смотрела и не могла понять, чья это кровь? У Аве все лицо было вымазано ею.

Яр Альт несколько раз уколол стилетом Аве, но никак не мог размахнуться для смертельного удара. Аве Мар вскочил на ноги, схватил тяжелое кресло и бросил в противника. Тот хотел увернуться, но ножка угодила ему в голову, и он осел на пол. Руку со стилетом он все же занес, целясь метнуть его в Маду.

Аве Мар успел ударить Яра Альта в висок. Противник откинулся назад, но, выбросив ноги, как змеями, обвил лодыжки

Аве. Рывком повернувшись, он опрокинул Аве на пол, потом, привстав на колени, замахнулся стилетом. Однако Аве выбил у него из рук оружие.

Один за другим раздалось два выстрела. В дверь вползла, оставляя за собой красную дорожку, Мать Луа. В руке ее прыгал пистолет. Яр Альт снова дотянулся до стилета, чтобы прикончить Аве.

Мада бросилась к Луа и выхватила из ее слабеющей руки оружие, нажала на кнопку выстрела. Тело Яра Альта сразу скрючилось, пятки достали затылка.

— Он сам зарядил его отравленными пулями, — прохрипела Мать Луа. — Родная моя, как же ты теперь?..

Аве Мар поднялся и, тяжело дыша, с изумлением смотрел на труп противника и на спокойную Маду. Но та вдруг с омерзением отбросила пистолет и в отчаянии произнесла:

— Кровь! Кровь! Теперь только смерть. Тебя, моего мужа, растерзают на части. Никто не поверит, что это сделала я.

Аве Мар и сам не мог в это поверить, недоуменно рассматривая свои испачканные кровью руки.

НЕТ СЧАСТЬЯ В ЭТОМ МИРЕ

Мада Юпи была, конечно, избалована: любое желание исполнялось, ее прославляли, ей поклонялись. Но она все же не стала испорченным, капризным существом, способным лишь повелевать. Мать Луа, тайная писательница, хранившая народную мудрость, сумела после смерти родной матери Мады внушить той мысль о равноправности всех фазтов, как бы они ни выглядели. Сдержанная, всегда спокойная, Мать Луа обладала редким талантом рассказчицы и врожденным умением воздействовать на умы. В другой стране, в иное время Мать Луа была бы гордостью народа, но на варварском континенте «высших» Властьмании оказалась только няней — правда, дочери самого диктатора. Она всегда ставила Маде в пример ее собственную мать, убедив, что дочь должна продолжать ее дело.

И Мада росла похожей на мать, но в то же время походила чем-то и на отца. Пожалуй, способностью без памяти любить и ненавидеть. Поэтому встреча с Аве захватила ее всю. Она влюбилась — и мягкая ласковость сочеталась в ней с жесткой твердостью, растерянность с безудержной отвагой. Она пристрелила Яра Альта, как бешеного зверя, но она же пала духом при виде его трупа.

Няня умирала. Мада стояла перед ней на коленях, слушая невнятный шепот.

— Няня говорит о своем сыне и еще о том, что Яр Альт убил Куция.

— Где? Как?

Но Мать Луа ничего больше не могла сказать. Силы покинули ее. Никакие старания Мады не помогали — ни искусственное дыхание, ни массаж сердца. Глаза няни закрылись, тело вытянулось и казалось даже менее толстым. Рука, которую Мада держала, прощупывая пульс, стала холодеть. Пульса не было.

— Конец, — сказала Мада и зарыдала.

Теперь Аве видел свою подругу слабой, беспомощной. Она по-детски тормозила няню, целовала ее мертвые руки и уговаривала очнуться.

Наконец, повернула к Аве заплаканное лицо:

— Моя няня умерла. Какая она была добрая, умная! А мы погибли, — и она указала глазами на скрюченное тело Яра Альта. — Подумать только! Он был моим двоюродным братом.

— Может быть, постараться помочь ему?

Мада зябко повела плечами.

— Пули отравлены. Не знаю, как попал его пистолет к бедной няне. — Мада снова разрыдалась.

Аве решил, что должен что-то делать. Он поднял мертвого Альта, который так и не разогнулся, окаменев в последней су-дороге, и перетащил его в угол комнаты за драпировку.

Мада решительно встала, вскинув голову.

— Все напрасно. Скоро явится стража, потом отец. — Она подняла с ковра пистолет Альта. — Прости, что я руковожу в нашем последнем шаге. Нет нужды стрелять. Достаточно царапины. Смерть наступит мгновенно. Мы возьмемся за руки, зажав пулю в ладонях. И уйдем из мира, где нет нам счастья.

Аве посмотрел в ее лицо: решимость у нее боролась с отчаянием.

Мада вынула из пистолета последний патрон. Пуля была серебристая, а ее острые усики коричневые — очевидно, от ядовитого покрытия.

Аве решительно сжал руку Мады:

— Нет! Фазыты не сдаются так просто. От жизни ещё можно отказаться, но от счастья... Нет!

— Нет счастья в этом мире, — отозвалась Мада.

— Веди меня, — властно обратился к ней Аве. — Веди в сад, а потом через «кровную дверь».

— Разве мы можем бежать куда-нибудь? Близится рассвет, последний в нашей жизни. Ты слышишь пенье птиц? Я пойду за тобой, потому что ты мой муж. Но мы возьмем с собой колючую пулю. Она будет нам защитой.

— Веди меня, — торопил Аве.

Мада с любопытством посмотрела на него. До сих пор ей казалось, что она сильнее его.

Они перенесли тело Луа на ложе, и Мада прикрыла его голубым покрывалом со своей постели; потом она указала Аве на низенькую дверь в узкий коридор, закончившийся крутой лестницей.

Перед рассветом сад стал совсем иным. Серебристый свет облаком заполнил аллеи, скрыл кусты и стволы деревьев. Аве показалось, что они с Мадой входят в какой-то другой, заоблачный мир. Он крепче сжал ее узкую ладонь.

Колеблющаяся дымка у их ног казалась обманчивой, невесомой и в то же время густой. Под нею чудилась то вода, то пропасть.

Мада бесстрашно ступила в клубящуюся дымку и повела Аве за собой. Послушная «кровная дверь» открылась перед ней.

Густой туман окутывал руины старой часовни под Грозной Стеной. Молодые фазыты, скрытые по грудь лежащим на камнях облаком, словно переходили вброд пенный поток.

Мада хорошо знала дорогу. Неожиданно быстро они вышли к черному зданию Храма Вечности. Аве подумал, что бедный Куций прежде вел его кружным путем. Несчастный горбун! Аве стоило большого труда сдержаться, он даже не позволил себе вздохнуть, но пожалел Куция искренне.

Аве презирал свои обычные смены настроений. Но сейчас он был тверд и знал, что надо делать. И потому он вел Маду к Уму Сату.

Старец очень удивился, снова увидев молодоженов на пороге своей кельи.

Он усадил Маду в кресло напротив стола, за которым провел всю ночь. Аве стоял подле Мады.

— Что случилось? Чем я смогу помочь?

— Нет счастья в этом мире, — воскликнул Аве. — А в твоей власти — иной мир!

Старец удивленно вскинул брови.

— Иной мир — в космосе, — пояснил Аве и рассказал все, что случилось.

Старик задумался:

— Значит, мне надо принять условия Яра Юпи и, в свою очередь, потребовать, чтобы тот послал на Земю свою дочь? Не выглядит ли это невероятным? Спасаться в космосе?

— Но это, — вмешалась Мада, — было бы не только спасением для меня и для Аве. Это было бы исполнением мечты помочь фазтам, найти для них новый мир. Об этом думали няня и мама. Не только мы с Аве, но и все могли бы стать там счастливы. Не просто ради себя готова я лететь на Земю. Все это я скажу отцу.

Мада отнюдь не глубже Ума Сатà понимала глобальные проблемы.

— Какие же обязанности звездонавта может исполнять Мада? — строго спросил Ум Сат.

— Я — Сестра Здоровья. Она нужна всюду. И не только детям.

— Это верно, — согласился Ум Сат. — Аве Мар, ты остаешься здесь, секретаря никто искать не станет. Мада должна отправиться в свои покои и запереться в них. Аве, проводи молодую жену до Грозной Стены. Хорошо, что вы оба видите в полете на Земю не только бегство, но и подвиг.

После их ухода старик некоторое время сидел в задумчивости. Потом позвал к себе некоторых знатоков знания, приехавших на сессию. Они заполнили его келью. Многие из них были куглоголовыми, но были и длиннолицые. Входя, все они касались левой рукой правой брови. Когда в келье стало тесно, Ум Сат спросил, надлежит ли ему улететь с Фазны накануне возможных событий, к которым во имя Справедливости труженики и их друзья готовились столько циклов? Ведь он был приверженцем борьбы против владельцев на обоих континентах, хотя и не понимал всей ее глубины.

Собравшиеся единодушно решили, что Ум Сат, олицетворение и гордость знания на Фазне, должен отправиться в космос, чтобы найти там фазтам нужные материки. Многие из них считали, что таким образом лучше всего сохранят жизнь великого знатока вещества, но никто не сказал ему об этом.

Ум Сат развел руками. Он должен был подчиниться общему решению. Теперь он получил право действовать.

Когда Аве вернулся, Ум Сат вызвал по экранной связи секретаря диктатора. Зажегся экран, на нем засветились щели шкафа.

— Диктатор Яр Юпи, светлейший из светлых, согласен принять почетного длиннолицего Ума Сата и присылает за ним провожатых, — объявил шкаф, запрограммированный на древнюю манеру речи. Экран погас.

— Как? — прошептал Аве Мар. — Пойти в Логово! Не хочет ли Яр Юпи взять заложника?

Старик печально улыбнулся:

— Риск не так велик.

Вскоре в келье появился офицер Охраны Крови. Аве похолодел. Перед ним стоял живой Яр Альт.

Вошедший поклонился старцу, покосился на Аве и напыщенно сказал:

— Великий из великих, диктатор Яр Юпи даровал тебе право, почетный длиннолицый, предстать перед ним. Я прислан проводить тебя во дворец.

Аве Мару казалось, что даже голос офицера Охраны Крови был тем же самым, что у Альта. Неужели он воскрес? Возможно, паралич от пули был временным. Но почему ж он не бросился сейчас на него, как сделал это в комнате Мады?

Но офицер Охраны Крови еще раз безразлично посмотрел на Аве Мара и теперь поклонился ему:

— От имени ярчайшего диктатора приношу почетному гостю извинения.

Едва офицер Охраны Крови и Ум Сат вышли, Аве Мар бросился к двери кельи. К его удивлению, она оказалась незапертой. И только теперь Аве Мар сообразил, что лицо офицера было без шрама.

Диктатор Яр Юпи не без волнения ждал Ума Сата. Всемогущий, по воле Совета Крови, способный в угоду владельцам послать на смерть миллионы фаэтов, в любую минуту готовый развязать войну распада, он был бессилен сохранить всего одну, но самую дорогую для него жизнь.

Яр Юпи был сложной натурой. Он отлично понимал, кому и как он служит. Потеряв в свое время жену, он возненавидел круглоголовых, леча которых она заразилась смертельной болезнью. Эта ненависть вылилась в конце концов, в оголтелое учение, в которое, казалось бы, невозможно было поверить, но которое оказалось выгодным владельцам из Совета Крови. Теперь же, на вершине власти, когда он вел показной аскетический образ жизни в добровольном заточении, любовь к дочери была для Яра Юпи единственным светом. Все остальное было мраком: страх за свою жизнь, страх войны, которую сам же готовил, страх и перед тружениками, и перед собственными хозяевами, способными его устранили.

И главным теперь для него была безопасность Мады. Только ее одну хотел бы он спасти из миллионов обреченных.

Но как?

И вот во исполнение пришедшего ему в голову сложного плана он и появился внезапно во время сессии Мирного космоса в Храме Вечности. А теперь к нему должен был прийти Ум Сат.

Офицер Охраны Крови, родной брат Яра Альта, передал Ума Сата двум охранным роботам, которые повели старого знатока знаний по пышно убранным пустынным залам с низкими потолками.

Ум Сат косился на своих громоздких провожатых, телохранителей или конвойных, заказанных, конечно, за океаном, с куби-

ческими головами и крючковатыми чешуйчатыми манипуляторами.

В одной из комнат шкаф со светящимися щелями, совсем такой же, как у правителя «культурных», в безукоризненно древней манере с запрограммированной цветистостью произнес:

— Ум Сат, почетный длиннолицый, может пройти в находящуюся перед ним дверь, за которой его ожидает блаженнейшая встреча с величайшим из великих, ярчайшим из ярких Ярм Юпи, диктатором континента «высших».

Дверь сама собой открылась, роботы-охранники отстали, и Ум Сат вступил в суровый пустой каземат с серыми стенами. Яр Юпи, бородатый, крючконосый, с выбритым черепом и вздернутыми бровями, бросился навстречу вошедшему, вперив в него полубезумный пронзительный взгляд.

— Понимает ли Ум Сат, какой чести и доверия он удостоен? — выкрикнул он.

— Да будет так, — вздохнул старик. — Пусть я и не достоин такой чести, но доверять мне можно.

— Я буду говорить как высший с высшим, тем более что ты прославлен умом, — уже спокойнее заговорил диктатор.

Согласно ритуалу гостю надлежало ответить, что его ум не идет ни в какое сравнение с божественным и просветленным разумом Яра Юпи, но Ум Сат спокойно сказал:

— Я буду говорить с диктатором Ярм Юпи, как знаток знания с политиком, стремясь понять и быть понятым.

Яр Юпи дернулся, его нос повело в сторону, лицо исказилось нервной гримасой. Он покосился на нишу под окном. В ней стояли чудесные цветы. Их нежные темно-синие венчики с золотистой россыпью мельчайших звезд, по шести лепестков каждый, смотрели вниз, свисая на изогнутых стеблях.

Это было чудо, выведенное садоводами по приказу Яра Юпи, страстного цветолоба. Но не их вечерняя красота привлекала его. Покорным знатокам растений удалось вывести такое растительное диво, а вернее сказать, чудовище, которое испускало ядовитый аромат, казавшийся столь нежным. Фазт, вдохнувший его, заболел смертельной болезнью. Не раз редкие посетители этого кабинета, слишком самостоятельные соратники, нежданно обласканные диктатором, а порой даже и некоторые из его слишком недовольных хозяев, крупных владельцев, удостоивались чести понюхать величайшее сокровище коллекции. Вернувшись домой, они умирали в муках, не подозревая от чего.

Разумеется, надежная вентиляция уносила сейчас из кабинета опасный запах.

— И что же? — нервно спросил диктатор.

— Продумав ночь, я решил принять твоё предложение и возглавить экспедицию на планету Зема.

Яр Юпи дернулся и облегченно вздохнул:

— Ум Сат, став почетным длиннолицым, ты подтверждаешь свою мудрость. Я прославлю это на обоих континентах. Однако вчера в Храме Вечности я имел в виду одно условие, которое тебе надлежит выполнить.

— Я тоже хотел обусловить своё согласие возглавить экспедицию.

— Я не терплю, когда мне ставят условия, — повысил голос диктатор.

— Это скорее первые деловые шаги к укомплектованию космического экипажа.

— Комплектовать космический экипаж длиннолицыми, достойнейшими из достойных, буду я.

— Возможно, диктатор Яр Юпи вспомнит вчерашнее обещание включить в состав экспедиции любого из длиннолицых?

— Я это подтверждаю, даже если речь пойдет о моей дочери.

— Дочери диктатора Яра Юпи? — искренне удивился Ум Сат, никак не ожидая, что диктатор сам скажет о ней.

— Осмелишься ли ты счесть в полете балластом мою дочь, если она Сестра Здоровья? — повысил голос Яр Юпи.

И оба замолчали, изучая друг друга. Как ни умен был Ум Сат, ему не пришло в голову, что диктатор задумал спасти свою дочь от ужасов войны распада, отправив ее в космическую экспедицию; и как бы хитер и коварен ни был Яр Юпи, он не мог предположить, что Ум Сат пришел к нему только ради того, чтобы получить согласие на полет его дочери к Земле.

Яр Юпи угрожающе спросил:

— Так ты желаешь, чтобы она летела? Заботишься о ней? Ценю. Не хочешь ли подойти к этим цветам? Не правда ли, они прекрасны? Видел ли ты что-либо подобное? Насладись их ароматом!..

— Я не видел никого прекраснее дочери диктатора Яра Юпи. Не сомневаюсь, что она будет на Земле самым прекрасным цветком.

— Тогда оставим цветы в покое, — грубо оборвал Яр Юпи.

ЗАБЫТЫЙ ГОРБ

Тело Куция Мерка лежало в сыром подземном коридоре за голыми стенами со спиральным орнаментом.

Оболочка искусственного горба была пробита, и воздух беспрепятственно проникал в него, медленно разрушая предохранитель запала.

Но никто на Фаэне не подозревал об этой опасности в день торжественных проводов звездонавтов на планету Зема. Экспедиция состояла из трех «культурных» и трех «высших», в числе которых была Мада Юпи.

Для трудившихся на полях и в мастерских Властьмании день проводов сделали нерабочим, чтобы фаэты могли выйти к дороге на всем протяжении до Мыса Прощания, как переименовал диктатор Яр Юпи часть Великого Берега вблизи космодрома. Отсюда обычно запускались все аппараты, исследующие космос, а также и космические корабли «высших», поддерживающие связь с космической базой Деймо. Владельцы рассчитывали получить от возможной колонизации планет немалые барыши и не скупились на расходы.

Мада и Аве не могли избавиться от ощущения, что сейчас они увидят погоню. Они ехали в одном парокате с руководителем экспедиции Умом Сатом. Старый ученый был задумчив и печален.

Молодые участники экспедиции то оглядывались, то всматривались в мелькавших мимо них фаэтов, стоявших по обе стороны дороги и бросавших под колеса машины цветы. Здесь были и длиннолицые и круглоголовые. Они стояли тесно рядом, словно между ними не было никакого различия. Для многих фаэтов совместная экспедиция двух континентов на планету была, с одной стороны, символом мира, а с другой — надеждой, что на Фаэне можно не только поговориться и избежать войны, но и переправить часть населения на другие планеты.

Немало фаэтов вышло к дороге вместе с детьми. Отцы держали их на плечах, длиннолицые матери (только они) прижимали к груди малюток, а маленькие озорники, веселые и разноголовые, пытались выскочить на дорогу.

Фаэты с бескрайних полей, выращивавшие питательные растения, отличались темным загаром; те же, кто работал в мастерских, громоздкие здания которых виднелись на холмах, имели землистый цвет лица. Но особенно запомнились фаэты из глубоких шахт. Угольная пыль настолько въелась в поры кожи, что она казалась темной, словно они были особой расы: и не длиннолицые, и не круглоголовые.

Сколько же тружеников вышло к дороге? Сотни тысяч? Миллионы?

Мада вся ушла в себя, подавленная происходящим. Как истинная фаэтесса, она все воспринимала через близкие ей образы. Она почти не помнила родную мать, но няня была для нее символом всего, что оставляла она на Фаэне. И ей было не по себе от того счастья, которое ждет ее впереди, в то время как здесь... И она крепко зажмурилась.

Когда она открыла глаза, то увидела, что дорога подошла к океану. Она посмотрела на Аве, и тот понял ее без слов.

Аве все время думал о фазтах, стоявших у дороги. Завтра они вернутся в свои мастерские, наполненные шумом станков и запахом масла. Встанут у бегущих механических дорожек, влекущих постепенно обрастающие деталями остовы изготавливаемых машин, и будут стоять так, без надежды на Справедливость, подневольно и безрадостно трудясь до конца дней, беспросветных и одинаковых.

Аве Мар понимал, что он несет перед всеми обездоленными ответственность за результаты космического рейса.

Миллионы этих фазтов тоже мечтают о счастье и праве иметь детей, какой бы формы голова у них ни была. Нельзя дальше брать у культуры одни только средства уничтожения, не сможет так дальше существовать Фазнал!

О том же думал и печальный Ум Сат. Он размышлял, что он, знаток вещества, так и не смог отойти от законов знания о веществе. Но, очевидно, законы, управляющие жизнью всего сообщества фазтов, нужно так же постигать, как и законы природы. И главная ошибка, помимо открытия и разглашения способа распада вещества, заключалась в том, что он, дожив до старости, не понимал этого. Почему, например, фазты-труженики создают своими руками не только то, что нужно всем для жизни, но и то, что в состоянии оборвать ее? Почему вот эти провожающие терпят власть маньяка, сделавшего войну целью своего существования? Яру Юпи вздумалось сейчас сделать широкий жест, послать космическую экспедицию, чтобы искать новые космические материки. А как там будут жить переселившиеся? По прежним законам Фазны, перенеся в космос несправедливость и угрозу войн? Нет, истинная мудрость в том, чтобы искать не только новые планеты для жизни, к чему готов даже Яр Юпи, но и новые законы жизни, которые повергнут его в ужас. Однако почему полубезумный диктатор так легко отпустил в космос свою дочь? Это же не прогулка!..

И старый знаток знания, сопоставляя одну деталь за другой, вдруг пришел к пугающему выводу, что диктатор мог стремиться спасти свою дочь от начинающейся на Фазне войны распада.

И по-особому взглянул старец на толпы провожающих его фазтов. Встретится ли он еще когда-нибудь с ними?

Мада сжала руку Аве и выразительно оглянулась. Аве понял ее опасения...

Ее тревоги были ненапрасными. Во Дворце диктатора действительно многое открылось.

На след напал брат погибшего Яра Альта — Гром Альт, тот самый, который провожал Ума Сата к диктатору.

Офицер Охраны Крови заметил темную полосу на полу, тянущуюся от «кровной двери» в покои Мады Юпи, к подземному ходу. Гром Альт был слишком малого ранга, чтобы пользоваться этим ходом. Но проверить, что это за полоса, он решил во что бы то ни стало. Он соскоблил часть высохшего вещества и побежал в лабораторию.

Руки тряслись у него, когда он сам, тайно от других, чтобы не поделиться ни с кем своим открытием, определял состав пробы, чему обучался еще в школе офицеров Охраны Крови, где умело пользовались заокеанскими знаниями.

От волнения его волосы стали мокрыми, хотя и топорщились во все стороны. Он обнаружил, что полоса на полу была кровью!..

Доложить диктатору о своем открытии он не решался, тем более что Мада появилась и как ни в чем не бывало виделась с отцом. Правда, без обычно сопровождавшей ее няни. Если бы что-нибудь случилось, она могла сама сообщить об этом диктатору. Но тот после свидания с ней был недоступно торжественным. Он объявил о своем историческом решении, повергшем весь дворец, а затем и весь континент в оцепенение, а потом в неумеренный восторг. Все начальствующие лица захлебывались от излияний, внушая простому народу, что мудрейший из мудрых был также и бесстрашнейшим из отважных, он не остановился перед тем, чтобы для блага фазтов рискнуть любимой дочерью, думая об их далеком будущем, а также о всеобщем прогрессе и мире между континентами.

Угодливая радость во Дворце диктатора помешала расследованию Грома Альта. Все, с кем бы он ни встретился, считали возможным говорить только о подвиге Яра Юпи и его дочери.

В такой обстановке было просто опасно обращать чье-либо внимание на полосу крови, бросающую тень на провозглашенную героиней дня Маду. Тем более что Мада никак не оставляла «кровную дверь» в свои покои открытой, а ее няня так и не появлялась. Это показалось Грому Альту особенно подозрительным.

Он решил посоветоваться с братом, пусть даже поделившись с ним честью возможного открытия. Но Яр Альт исчез.

Возможно, Яр Юпи отослал своего доверенного сверхоффцера, как это бывало не раз, с каким-нибудь поручением.

Гром Альт решил действовать на свой страх и риск. Когда Маду с рыданиями и почестями проводили на космодром, Гром Альт, оставшись на дежурство, подошел к покоям дочери диктатора. «Кровная дверь» была заперта, но уже не автоматами. Оказалось достаточно отмычки, пользоваться которой его учили в той же школе Охраны Крови. Гром Альт осторожно вошел в голубую комнату.

Он нашел там не только мертвую няню Мады, но и скрюченный труп брата.

Отравленная пуля!

Пистолет Яра Альта валялся рядом. Такое оружие мог носить только сверхоффцер Охраны Крови.

Гром Альт осмотрел пистолет. В нем не осталось пуль. Не такой был фазт его брат, чтобы иметь в заряднике только один патрон, истраченный на него самого.

Гром Альт со смешанным чувством сожаления, безгливости и раздумья смотрел на скрюченное тело брата. При его жизни они никогда не были дружны. Яр Альт вечно притеснял младшего брата. И вот он лежит у его ног мертвый, тем самым давая ему возможность дотянуться до новой ступеньки в карьере.

Грому Альту так понравилось сравнение трупа со ступенькой, что он не удержался и поставил ногу на тело брата, но тотчас отдернул ее и заторопился вон из тошнотворно душной комнаты в сад, а затем прямо к диктатору.

Попасть к диктатору, несмотря на все поразительные новости, которые нес к нему Гром Альт, было не просто.

Бесстрастный шкаф-секретарь ничего не поймет. Для него не существует никаких чувств, а роботами охраны и дверными автоматами кабинета диктатора управляет только этот безмозглый ящик.

Сказать шкафу правду — значит, наверняка получить отказ, потому что дурацкий автомат тотчас запишет в свою машинную память все обстоятельства дела и направит для расследования офицерам Сыска, которые ненавидят офицеров Охраны Крови. Диктатору рискнут доложить происшествие только после заключения офицеров Сыска, которые, конечно, отнесут Грома Альта.

И потому Гром Альт решил соврать шкафу-секретарю, выдумав версию о том, будто имеет для диктатора важнейшее сообщение, которое ему поручила передать сама Мада Юпи, встретившая его на пути к Мысу Прощания. Ведь она его двоюродная сестра!

— Ты можешь сообщить мне содержание слов прекрасной Мады, — забубнил сундук, набитый электроникой. — Величайший из великих познакомится с этим, проверяя мои дневные записи.

— Мне нечего сообщить тебе, заслуженный страж памяти. Я должен передать величайшему из великих, светлейшему из ярких один предмет. Если бы ты, страж памяти, мог сам отнести величайшему из великих этот предмет, я был бы спокоен.

Проклятый шкаф еще долго упрямылся, но потом все-таки уступил.

Шкаф-секретарь бесстрастно доложил диктатору, что офицер Охраны Крови Гром Альт умоляет о приеме без посредства экрана.

Диктатор был очень занят. У него было совещание высших военных чинов, которые, конечно, не были к нему допущены, а лишь присутствовали на экранах, расставленных в его кабинете. Накануне войны распада никто не имел доступа к Яру Юпи. Своих хозяев из Совета Крови он боялся, пожалуй, больше, чем подчиненных.

Наконец совещание окончилось.

— Офицер Охраны Крови Гром Альт, — проскрипел шкаф-секретарь, — ты можешь пройти в дверь, чтобы склонить колена перед светлейшим из светлых.

Гром Альт, волнуясь, вошел в невзрачный кабинет диктатора, боясь поднять голову и взглянуть в лицо создателя «учения ненависти». Так же, как и брат, он всячески подражал диктатору в своей внешности.

По ритуалу Гром Альт преклонил колено и, смотря в пол, дрожащим голосом рассказал о кровавой дорожке, ведущей в покои прекрасной Мады, и о трупах, обнаруженных им там.

— Презренный робот охраны! Что ты тут мелешь?

— Пусть гнев твой обрушится на подлых убийц, замышляв-

ших зло против тебя и твоей несравненной дочери, след к которым мне лишь удалось обнаружить. Я скорблю об участи брата и счастлив, что твоя дочь не стала жертвой подлого заговора.

— Заговора? — заорал диктатор и весь передернулся.

Он стоял со сжатыми кулаками и безумными глазами смотрел на перепуганного офицера, который не знал, что теперь последует.

Яр Юпи размышлял лишь мгновение. Открытие неумеренно ретивого офицера Охраны Крови могло спутать ему все расчеты, вынудить к отмене только что данных военным указаний.

И Яр Юпи расхохотался.

— Вот как?! — сквозь смех выкрикивал диктатор. — Ты приносишь мне весть о безмерном горе фазтов, не смогших перенести разлуки с несравненной моей Мадой?

— Я имел в виду совсем другое.

— Безмозглое насекомое! Отвечай на мои вопросы.

— Я трепещу.

— Отчего умер Яр Альт, мой сверхофицер?

— От отравленной пули.

— Кто имел такие пули, кроме него самого?

— Никто.

— Так не ясно ли тебе, пресмыкающееся, что влюбленный

в прекрасную Маду сверхофицер покончил с собой в ее комнате в знак своей безысходной тоски по ней?

— Но труп няньки?..

— А разве та не была привязана к своей госпоже? Разве ублюдочная ее душонка не понимала, что с отлетом госпожи на другую планету она станет обычной круглоголовой, ничтожной и презираемой, как то и должно быть?

— Как? И она сама себя? — поразился Гром Альт, вспоминая рану на горле Луа и весь дрожь от мысли, что не угодил диктатору.

Да, он действительно не угодил Яру Юпи. Тот вовсе не был расположен в обстановке, когда в любое мгновение могли погибнуть сотни миллионов фазтов, выяснять, почему погибли всего лишь двое. Тем более что это могло задержать космическую экспедицию, призванную спасти жизнь Мады.

«Однако этот молодчик из Охраны Крови едва ли смолчит».

И диктатор ласково поднял с коленей трясущегося от страха офицера.

— Мой добрый страж Гром Альт! У тебя есть все основания занять место покончившего с собой брата. Благодарю судьбу, что истинные фазты — рабы своих чувств. Если ты когда-нибудь полюбишь прекрасную фазтессу и она не ответит тебе взаимностью, поступай так, как сделал твой старший брат. Но позволь мне, гордящемуся своей дочерью, которая способна пробуждать столь сильные чувства, отблагодарить тебя за верную службу и принесенное мне радующее сердце отца известию. Я покажу тебе сокровище своей коллекции цветов, равного которому нет на Фазне. Эти цветы так же прекрасны, как фазтессы нашей мечты. Вдохни их аромат.

Гром Альт послушно подошел к нише, где виднелись изумительной красоты цветы, синие, как предночное небо, с золотыми искрами загоревшихся звезд.

— Как тебе нравится этот запах, мой верный страж? — спросил Яр Юпи, отвернувшись в сторону.

— Я никогда не вдыхал ничего более пленительного. Я чувствую необычайную легкость во всем теле. Я хотел бы летать.

— Может быть, и ты когда-нибудь полетишь, как летит сейчас несравненная Мада. Если она откроет годную для жизни планету, то немало длиннолицых полетит туда, чтобы сделать новые материки континентами «высших».

— Эти слова надо высекать на вечном камне. Каждая мысль здесь подобна взрыву распада, она так же сверкает и так же повергает ниц.

— Запах цветов, несомненно, вызывает твое красноречие. Закажи себе камзол сверхофицера Охраны Крови.

Счастливый Гром Альт, никак не ожидавший такого поворота дела, вылетел, как на крыльях, из кабинета диктатора.

Если бы шкаф-секретарь хоть как-нибудь разбирался в чувствах живых фазтов, он заметил бы необычайное состояние Грома Альта. Но шкаф был лишь машина и просто отметил, сколько времени пробыл у диктатора посетитель. Совсем немного...

И совсем немного времени понадобилось Грому Альту, что-

бы почувствовать себя плохо. Он свалился в казармах Охраны Крови и умер в страшных мучениях.

Автоматический секретарь тем временем приступил к докладу о состоянии военных сил после объявленной диктатором подготовки к началу войны распада. Но Яр Юпи в бешенстве отключил энергопитание назойливого шкафа: он наблюдал на экране за последними мгновениями старта экспедиции на Зему, мысленно провожая свою дочь. Всем своим существом он переживал расставание с нею и больно сжал ладонями виски.

Он видел, как Мада с каким-то странным выражением лица обвела глазами космодром, задержалась взглядом на океане с белыми полосами пены на гребнях и вошла в подъемную клеть. За нею следом вошел и фазт — очевидно, с того континента.

На мгновение Яру Юпи стало неприятно от близости кудрявого полукровка к его дочери, но потом он вспомнил, что она все-таки останется живой. Он тяжело вздохнул. У него было ощущение, что он встал на крутую, скользкую плоскость. И не может удержаться. А внизу — бездна.

Аве Мар вместе с Мадой смотрели в открытую клеть сквозь решетчатую шахту. Океан становился все шире, горизонт его словно приподнимал тучи. Аве обернулся и увидел в противоположной стороне другой океан, живой океан из сплошных голов фазтов с повернутыми к ракете лицами. Словно в непереносимой тесноте, символизируя перенаселение Фазны, они были прижаты одна к другой. Нежданная тоска спазмой перехватила Аве горло. Вернется ли он когда-нибудь? Но он взглянул на Маду. Они сами выбрали этот путь, и пусть он будет не только путем их счастья. Аве еще плохо разбирался в истинных силах, толкавших Фазну к войне. Он только от всей души пожелал, чтобы загадочная планета Зема оказалась пригодной для переселения на нее фазтов и чтобы навсегда было покончено с опасностью войн распада. И Аве снова вспомнил Куция Мерка, который привел его сюда, свел с Мадой и отдал жизнь, по существу, ради их счастья. Мир ему!..

Пробитый пулями горб Куция Мерка не был донесен до цели, но запал замедленного действия, разрушаясь под влиянием воздуха, как бы отсчитывал последние мгновения мира на планете Фазна.

Конец первой части

Окончание в следующем выпуске

Андрей ЗБЫХ

СЛИШКОМ МНОГО КЛОУНОВ

Повесть

1

Парень осторожно присел на краешек стула. Коричневая тенниска, разорванная на плече, грязные джинсы. Бинт толстым слоем закрывает лоб и подбородок. Когда он вошел и поздоровался, голос его показался инспектору знакомым. И эти покрасневшие, припухшие глаза Олышак как будто уже видел.

— Вы, кажется, хотели что-то сообщить? — сказал инспектор. — Мне принесли содержимое ваших карманов. Итак, слушаю.

На столе лежали удостоверение личности, военный билет, пропуск в бассейн и несколько мятых денежных купюр. Олышак отодвинул все в сторону, оставив только ту бумажку, которая

Имя Анджея Збыха хорошо известно в нашей стране. Не так давно по телевидению был показан его многосерийный фильм «Ставка больше, чем жизнь», а главы из повести под тем же названием были опубликованы в одном из томов библиотеки приключений «Подвиг» — приложения к журналу «Сельская молодежь».

Однако мало кто подозревает, что Анджеем Збых мог быть ему известен еще до своего рождения. Дело в том, что под этим псевдонимом объединились два польских писателя — Збигнев Сафьян и Анджей Шипульский. Романы Сафьяна «Дневник инженера Гейны» и «Ключ следствия» в свое время публиковались в журналах «Москва» и «Неман», а с одним из рассказов Шипульского читателя знакомила «Неделя».

Творческое содружество этих писателей, выступивших под именем Анджея Збыха, принесло им заслуженный успех. Первая же их книга «Ставка больше, чем жизнь», рассказывающая о подвигах капитана Клосса, стала одной из самых популярных в Польше и была отмечена премиями двух министерств страны — министерства обороны и министерства культуры. А вторая повесть, которую мы предлагаем вниманию читателей «Искателя» — «Слишком много клоунов», — удостоена премии еще одного министерства Польши — министерства внутренних дел.

его интересовала. Обрывок бумажной салфетки с полустершими-ся карандашными каракулями: «Солдатская, 22, девятый этаж». Удивительное совпадение! Впрочем, совпадение ли? Именно на девятом этаже этого дома жил Конрад Сельчик. Ольшак с большим удовольствием спросил бы напрямик, чей это адрес, но сначала необходимо выслушать, что скажет сам парень.

— Меня зовут Войцех Козловский, — начал было тот, но, увидев клочок салфетки на столе, невольно сделал движение рукой, как будто хотел притянуть его к себе; ладонь застыла на полпути.

— Курите? — Инспектор протянул ему сигареты.

Козловский жадно затянулся.

— Вы чудом избежали смерти, — Ольшак повторил слова поручика Малек.

«Увидишь парня, который родился в рубашке, — сказал Малек. — Звонили из «Скорой помощи»: он уже пришел в себя, хочет говорить именно с тобой. Вот его документы и все, что было в карманах». Поручик положил на стол бумаги. Инспектор хотел было возразить, что у него нет времени, что пусть Малек сам допросит этого парня, но на глаза ему попался обрывок салфетки с адресом.

Малек рассказал следующее.

...Толпа валила на перрон, где останавливаются электрички,

когда подошел варшавский экспресс. Началась давка, так как с варшавского многие пересаживаются на щецинский, и люди бегут сломя голову. По вокзальному радио объявляли, что щецинский поезд пришел без опоздания, и тут закричал этот парень. Хотя трудно поверить, что в таком шуме можно было услышать чей-нибудь крик. Парень упал прямо под колеса маневрировавшего на соседних путях паровоза. Очевидцы думали, что от него осталась кровавая каша, но, когда дым рассеялся, увидели, что парень лежит между рельсами, вжавшись лицом в землю. Или у него удивительная реакция, или он просто счастливчик. Приехали «Скорая помощь» и милиция, хотя последней там нечего было делать. Однако милицейская машина еще не успела отъехать, как объявился свидетель с варшавского экспресса, который утверждал, что парня столкнул с перрона мужчина в сером габардиновом пальто. Хотя свидетель и не исключал несчастного случая, так как Козловский шел по краю платформы, где спешащие люди энергичнее, чем следует, работают локтями, тем не менее милиция решила проверить это заявление.

Пострадавший пробыл в больнице два дня, но легкие царапины не представляли опасности, и врачи разрешили ему поговорить с инспектором Ольшаком. И вот он протягивает руку к измятой бумажке и отдергивает ее, как бы испугавшись, что инспектор заметит это движение. Ему ведь ничего не угрожает, его ни в чем не подозревают, он сам явился к Ольшаку. Откуда же этот испуг в глазах?..

— Почему вы хотели говорить именно со мной? — спросил Ольшак.

— Так ведь мы с вами знакомы, пан инспектор, — сказал Козловский, — вы не помните?

Инспектор все еще не мог вспомнить, где он видел эти глаза. Как будто недавно, но, пожалуй, не в связи с делом Сельчика. Ольшак не любил действовать наобум, однако на этот раз решился.

— Вы знали Конрада Сельчика?

На мгновение парень смешался, на лице его опять отразился испуг. Значит, это имя ему знакомо.

— Я не знаю, о ком вы говорите, — ответил он наконец. У него были длинные нервные пальцы, и инспектор видел, что они дрожат.

— Вернее, это имя мне что-то напоминает, — поправился Козловский. — Где-то я его слышал, но не помню где. А почему вы спрашиваете?

Парень боялся, это Ольшак прекрасно видел.

— Что же случилось на вокзале? — инспектор переменял тему, так как знал, что к прежней он еще успеет вернуться.

— Я упал с платформы, — ответил Козловский. — Потом потерял сознание.

— Вы знаете, кто вас столкнул?

Опять минутное замешательство.

— Может, кто и столкнул. Была такая толчея... — и вдруг он выпалил: — Я ведь просил свиданья не из-за этого, я хотел признаться...

— В чем?

— В совершенном преступлении, — официально закончил фразу Козловский.

— Совесть вас замучила?

— Может быть, и совесть. Просто я не могу иначе.

Ольшак посмотрел на него внимательно. За последние десять лет не раз к нему вот так же приходили и признавались в своей вине. Это были разные люди, и держались они по-разному. Однако не часто случалось, чтобы кто-нибудь хватался за признание как утопающий за соломинку.

— Продолжайте.

Козловский внезапно успокоился, заговорил сухо и монотонно. Было заметно, что он успел подготовиться к исповеди. Он признался, что десятого мая, то есть четыре месяца назад, проник в частный магазин Антония Спавача на Варминской улице. Потом сообщил подробности. В магазин вела дверь со двора, которая запиралась на засов и висячий замок. Двор никем не охранялся. С замком он справился легко, просто подобрал ключ, а засов выломал «фемкой». Из магазина вынес товар на сумму — Козловский на минуту задумался — около двадцати пяти тысяч złotych. Заграничные кофты, немного бижутерии, дамские сумочки, всякие синтетические мелочи.

Заполняя протокол допроса, инспектор подумал, что это дело, должно быть, вела районная прокуратура, так как он не помнил такой кражи.

— Что вы сделали с похищенными вещами?

Снова замешательство.

— Продам, пан инспектор... разным, ну, на толкучке...

— Вы работаете?

Инспектора больше интересовал сам Козловский, нежели подробности грабежа четырехмесячной давности.

— Время от времени. Два года назад меня выгнали из политехнического института, немного работал в частной мастерской у Махуевича, сейчас у Боленги... Выпускаем брошки...

— Живете с родителями?

— Нет, живу тут у одной... Это не моя девушка, пан инспектор. Она разведенная, я только снимаю у нее комнату.

— Значит, утверждаете, что ограбили магазин Антония Спавача? Совершали еще какие-нибудь преступления?

— Нет, пан инспектор, клянусь богом, больше за мной ничего такого...

— Повторяю вопрос, — голос Ольшака звучал теперь официально и холодно. — Почему вы решили признаться?

— Совесть замучила, — повторил как эхо Козловский слова инспектора.

— А не страх? — Ольшак сказал это так тихо, что Козловский мог и не услышать, однако он услышал и отвел глаза.

Ольшак склонился над бумагами.

— Подпишите.

Козловский с трудом встал и поставил свою фамилию внизу листа.

— А теперь вы свободны, — сказал Ольшак. — Если, конечно, ничего больше не хотите мне сказать.

Именно такой реакцией и ожидал инспектор. Козловский опустил в кресло, лицо его было мертвенно-бледным.

— Что? — прошептал он. — Я свободен? Но почему?

— Вы свободны, — повторил инспектор. — Мы сами найдем вас. Ведь вы не намерены скрыться?

— Я... скрыться? — Козловский продолжал сидеть.

— Возьмите свои документы. — Ольшак отодвинул в сторону обрывок салфетки. Сделал он это демонстративно, может, даже чересчур демонстративно.

— Я совершил преступление! — Козловский почти кричал. — Меня нужно посадить в тюрьму.

— Это решаем мы. Признание еще не служит доказательством вины. Мы проведем следствие.

— Какое еще следствие?! Я украл и хочу понести наказание. Или вы не понимаете? — взорвался парень. Он закрыл лицо ладонями. Бинт, очевидно не очень старательно наложенный, сполз ему на глаза.

— Хватит! — гаркнул Ольшак. — Успокойся!

Козловский осторожно поправил бинт и посмотрел на инспектора как обиженный ребенок. Ольшак вдруг вспомнил, где он его видел, и сердце подпрыгнуло к горлу.

— Говори, чего ты боишься?!

— Я не боюсь, — прошептал парень. — Только посадите меня.

— Говори правду или отправляйся домой.

— Я сказал правду, — бормотал Козловский. — Я украл... Вы понимаете, я сам признаюсь...

Еще мгновение, и он бы расплакался. Ольшак поднял двумя пальцами клочок бумаги и громко прочитал записку. Затем, помолчав, добавил:

— Милиция, мой милый, это такое учреждение, которое многое знает. Или ты думаешь, нам о тебе ничего не известно? Это твой адрес?

— Нет, — прошептал парень.

— Не стоит врать, правда? А чей?

— Одной девушки, пан инспектор. Я познакомился с ней в кафе, и она записала, где живет...

— Как зовут девушку?

Козловский задумался. Пауза была слишком длительной для того, чтобы ответ показался правдоподобным.

— А где ты познакомился с Конрадом Сельчиком? — спросил Ольшак.

— Я только фамилию слышал. А может, читал в газете. Да, наверное, это тот самый, который покончил жизнь самоубийством?

— На этой бумажке, — отдельно сказал Ольшак, — записан адрес Сельчика. А ты говоришь, что не знал его.

— Я не был с ним знаком, пан инспектор, честное слово, может быть, когда и встречались, а может, что-то слышал...

Ольшак встал и наклонился к Козловскому.

— Он бросился с балкона накануне происшествия с тобой. Или ты тоже хотел покончить счеты с жизнью? Все вранье с начала до конца! Ты знаешь, что за ложные показания тебя могут привлечь к ответственности? Подумай: тебе лучше самому сказать правду, чем услышать ее от меня.

Парень взглянул исподлобья, поправил бинт, потом нашарил в кармане платок и высморкался. Ольшак вернулся к столу.

— Вы задержаны на сорок восемь часов, — сказал он официально. — Вашу дальнейшую судьбу решит прокурор.

Спрятав обрывок салфетки в ящик стола, инспектор приказал увести Козловского.

Почему он его задержал? С Ольшаком часто случалось, что он действовал импульсивно и не всегда мог аргументировать свои решения. Начальник уголовного отдела майор Керч, который был моложе Ольшака, по крайней мере, лет на десять, решил бы не задумываясь: «Выпустить, проверить, присмотреться». А теперь он, безусловно, спросит: «Опять интуиция, капитан Ольшак?» Про себя же подумает: «Стареет инспектор!» И вернется к делу о краже в ювелирном магазине, расследование которой тянется уже второй месяц без заметных результатов.

А чем занимается в это время хорошо сработавшаяся группа капитана Ольшака, в которую входят такие способные люди, как поручик Кулич и старший сержант Марыся Клея? Эта группа выясняет причины самоубийства магистра экономики Конрада Сельчика. Почему Ольшак не закрывает дело? Опять какие-то осложнения? А есть ли они на самом деле? Человек бросился с балкона девятого этажа дома на Солдатской улице, оставив записку. Графологи утверждают, что она написана рукой Сельчика. «Прошу никого не винить. Умираю, так как это наилучший выход». Вроде бы все ясно...

— Чего ты хочешь? — спросил его как-то Керч. Они перешли на «ты» года два назад, когда Ольшак нашел убийцу таксиста Гжелюка. Это был его самый большой успех.

— Хочу, — сказал Ольшак, хотя знал, что не сможет переубедить начальника уголовного отдела. — Хочу выяснить несколько существенных деталей...

Инспектор посмотрел на мятый обрывок салфетки, найденный у Козловского, и расправил его на столе.

2

Ольшак сидел напротив майора Керча, читавшего следственные документы, и старался припомнить все странные, как он считал, подробности, связанные со смертью Конрада Сельчика.

Итак, 4 сентября, то есть три дня назад, в 1.15 ночи с балкона нового дома на Солдатской улице выбросился магистр экономики Конрад Сельчик, тридцати трех лет, холостяк. Милиция, вызванная по телефону дворником, прибыла через двенадцать минут. Около трупа уже находилась невеста Сельчика Иоланта Каштель. Девушка была в полубморочном состоянии, ее с трудом удалось оторвать от тела. Когда через несколько минут приехал разбуженный Ольшак, несколько жильцов дома вышли во двор, однако подойти близко никто из них не решился, ибо зрелище было действительно не из приятных. Бывают разные смерти, многое приходилось видеть Ольшаку, но такое... Дом заселили недавно, строители не разобрали еще подсобных помещений, где хранились всякие инструменты и материалы. Сельчик, упав с девятого этажа, ударился головой о пологую крышу инструменталки и потом уже рухнул на бетонные плиты двора, недалеко от песочницы. Удар был сильным — ботинок с ноги самоубийцы отлетел почти на двадцать метров. Милиция составила

акт, сфотографировала труп и отправила его в морг. Врач «Скорой помощи» занялся Иолантой Каштель, а следователи поднялись на девятый этаж.

Сельчик жил в однокомнатной квартире под номером 34, дверь была закрыта изнутри на задвижку и цепочку: цепочку пришлось распиливать ножовкой, задвижку подняли без труда. Обычная однокомнатная квартира: комната — восемнадцать квадратных метров, ванная, кухня. В глаза сразу бросился необыкновенный порядок, царящий в помещении. Очевидно, Сельчик был педантичен буквально до последней минуты. В комнате стояли тахта под пестрым покрывалом, стеллажи с книгами, расставленными по разделам и алфавиту, стол, два кресла и стул, все как будто минуту назад вычищенное и протертое. На столе — ничего, кроме последнего письма самоубийцы и старательно вымытой пепельницы, никаких, абсолютно никаких предметов, которые бы находились не на своем месте. Посуда в шкафчике, аккуратно развешенные полотенца в ванной, туалетные мелочи на подзеркальнике.

Тот же самый идеальный порядок инспектор Ольшак застал, когда пришел сюда на следующее утро. Только белый порошок покрывал мебель, стол, трубку телефона, с которых оперативная группа снимала отпечатки пальцев. Собственно, для такого очевидного случая это была простая формальность. Но ведь еще вчера, прежде чем он получил результаты дактилоскопии и прежде чем начались допросы, Ольшак сказал, что сам берется за расследование.

Как всегда, он поддался первому впечатлению: эта удивительная чистота в квартире, этот порядок поразили его. Инспектор не мог представить себе человека, который сначала старательно убрал комнату, а потом выбросился с девятого этажа.

Ольшак сел в глубокое кресло и принялся за осмотр ящиков стола. В среднем лежала рукопись неоконченной докторской диссертации. Первый раздел содержал рассуждения, которые покойный кандидат в доктора назвал «Типичные ошибки, или Магия статистики». Рукопись пестрела научными терминами, но можно было понять: Сельчик хотел показать, что в поле зрения экономики порой не попадают, отброшенные как статистически незначительные, интересные факты о работе мелких предприятий, в то время как выяснение этих нетипичностей может иметь в отдельных случаях решающее значение. Одним словом, покойного интересовали нетипичные факты и случаи, которые обычно в статистических таблицах фигурируют в рубрике «И другие». Ольшак подумал, что в этом что-то есть, и выдвинул следующий ящик... Он нашел две-три открытки с поздравлениями, письма от бывших друзей студентов, не содержащие ничего существенного, письмо от какой-то родственницы из Варшавы и несколько старых фотографий. На одних были изображены, по всей вероятности, родители Сельчика и он сам в студенческие времена. На других — веселые компании на улицах, на пляжах, в море. И ни одной фотографии, ни одной открытки от девушки — это сразу бросалось в глаза. Как будто самоубийца перед смертью уничтожил все, что говорило бы о его личной жизни. Была здесь еще старательно перевязанная папка с документами: диплом, несколько свидетельств о наградах и премиях, копия

договора с ГТИ — Государственной торговой инспекцией, где Сельчик работал. Мало, страшно мало. Ольшак перевидал на своем веку столы многих людей и знал, сколько бумаг, мелочей и безделушек накапливает человек за свою жизнь.

Позже, когда инспектор осмотрел рабочий стол Сельчика в ГТИ, он обнаружил то же самое. Папки со служебными бумагами, которыми Сельчик занимался в последнее время, черновые записи отчетов ревизий. Из них явствовало, что Сельчик добросовестно и серьезно относился к своей работе, никому не давал поблажки, и можно было даже считать, что принимал во внимание самые незначительные мелочи. В обоих столах — и дома и на работе — все как бы специально было приготовлено для постороннего. Ольшак не мог себе представить человека, который в любую минуту может открыть ящик стола и сказать: «Смотрите!» Но с Сельчиком обстояло именно так.

В домашней библиотеке книги по философии, экономике, истории и политике. Ни одной повести, ни одного журнала. Корзина для бумаг совершенно пуста. В стенном шкафу висят два костюма, на нижней полке — три пары черных полуботинок (только черные, одного и того же фасона). Ни много ни мало, именно столько, сколько должен иметь молодой мужчина со средним достатком.

Инспектор прохаживался по квартире, стараясь обнаружить хоть что-нибудь такое, что выделялось бы на фоне этого почти музейного порядка. Напрасно. И только когда Ольшак уже собрался уходить, он

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство, словно в этой квартире не хватало чего-то действительно очень важного. Ольшак остановился посреди комнаты, в которой царила абсолютная тишина, даже с улицы не доносилось ни звука. Он взглянул на свои часы и вдруг догадался. Да, да, в квартире Сельчика не было часов! Можно, конечно, не иметь будильника, но у магистра экономики должны быть хотя бы наручные часы!

Это была первая деталь из тех, которые позднее так усложнили следствие.

Ольшак вышел на балкон. Собственно, это была узкая лоджия, идущая вдоль всего этажа и разделенная кирпичными перегородками. Трудно было предположить, что кто-то, держась за перегородку, мог перейти с одной лоджии на другую. Хотя, если в стену вбить крюк... Размышления эти были чисто теоретические и неизвестно почему приходили в голову инспектора. Ведь Сельчик оставил записку: «Прошу никого не винить», а графологи установили, что эти слова собственноручно вывел на бумаге бывший магистр.

Лоджия была такой же чистой и прибранной, как и квартира. Может, именно поэтому Ольшак сразу заметил на блестящем каменном полу окурки. «Французская сигарета», — отметил про себя инспектор. Он поднял окурки, завернул его в бумажку и спрятал в карман. Очевидно, Сельчик стоял здесь ночью с последней сигаретой. Неужели он курил «Галуаз», которые продаются по тридцать злотых за пачку в гостиницах «Орбиса»? * Нужно проверить. Итак, Сельчик выкурил эту сигарету, затоптал ее каблуком и кинулся вниз, написал предварительную записку, которая ничего не объясняет. В конце концов люди не кончают с собой без всякого повода, а если такое и случается, он, инспектор Ольшак, не может этого понять.

Допросы свидетелей он вел вместе с Куличем. Проходили они несколько хаотично, без всякого плана, ибо такового еще и не было, а мелкие, как говорится, зацепки появились гораздо позже.

Первой допрашивали Иоланту Каштель. Она только что возвратилась из морга. Девушка поставила у стены чемоданчик с вещами Сельчика и закурила.

— Почему он сделал это, пан инспектор?

Она была очень интересной, эта Иоланта Каштель. О таких говорят: «Яркая блондинка». Неизвестно почему Ольшак отметил это про себя. Похоже, у нее сильный характер.

— Я видела его, — продолжала Каштель. — Меня просили опознать. Он лежал на досках, а я смотрела на его пальцы... У него были очень длинные пальцы.

Она раздавила окурки в пепельнице, встала и подошла к окну.

— Чем я могу быть вам полезна, пан инспектор?

Рассказывала она быстро и охотно. Ольшаку было знакомо такое состояние: она еще долго будет говорить о Сельчике. Каждый факт, еще вчера несущественный и пустяковый, станет теперь важным и значительным.

— Я познакомилась с ним четыре года назад, — сказала она. — Не так уж давно, а мне кажется, что прошла целая вечность. Я работала тогда еще машинисткой в управлении мастерских

* Польское бюро путешествий.

по ремонту электроприборов, и только три месяца назад меня перевели на должность секретарши директора. Я стала девушкой Конрада. Мы хотели пожениться. Конрад тщательно подсчитал, — он всегда все тщательно подсчитывал, — что свадьба состоится в этом году. Он должен был защитить докторскую и попробовать перебраться в Варшаву. Кроме того, мы откладывали деньги на квартиру.

— Но ведь Сельчик недавно получил однокомнатную.

— Он хотел большую, — сказала Иоланта. — Я ведь снимаю комнату. Два месяца назад я выиграла по лотерее «сирену». Сначала мы хотели продать ее, но так приятно было ездить по воскресеньям за город.

— У вас есть машина? — удивился Ольшак.

В конце концов это было единственным их развлечением.

Конрад много работал, объяснила девушка. Она даже обижалась на него, ведь нужно же время от времени развлечься, посмотреть на людей. Однако Сельчик был тщеславен, хотел занимать высокую должность. Он принадлежал к тем людям, которые любят лезть «наверх», но в течение последних пяти лет он ни на шаг не продвинулся по службе, и это его страшно угнетало.

— У него никого не было, кроме меня, — продолжала она. — Родители Конрада погибли во время войны, воспитала его тетка, старая дева, единственная его родственница, — Каштель приоткрыла сумочку и украдкой взглянула в зеркальце. — Вы не поверите, но за все это время мы с ним только трижды были в ресторане: в самом начале, потом как-то на мои именины и еще раз случайно, так как оказалось, что у него дома ничего нет на ужин.

Девушка вытерла платком глаза, сухие, без следов слез. Замечала ли она что-нибудь необычное в последнее время? Пожалуй. Даже наверняка. Сельчик стал таким раздражительным, хотя и старался это скрыть. Конрад всегда был очень скрытным, не любил говорить о себе.

Иоланта немного оживилась, потом опять угахла и рассказывала монотонно, как бы повторяя заученный урок.

— Даже рубашки себе стирал сам. У него были две нейлоновые, но ходил он в них редко, берег. Чаше всего он носил шерстяной свитер, который я привезла ему из Закопане. Даже летом... В этом свитере...

— Когда вы его видели в последний раз?

— Это было так. — Иоланта на секунду подняла на инспектора глаза. — Конрад всегда обедал в столовой, а потом приходил ко мне, если, конечно, не собирался работать.

— И надолго у вас оставался?

— Иногда до утра, — ответила она просто, — а иногда я приходила к нему. В тот день он явился сразу после обеда. Ко мне как раз приехала подруга из Недзицы. Конраду это не понравилось, он держался не слишком приветливо, даже резко... Мы вместе посмотрели телевизор, потом я собрала ужин. Конрад лег на тахту, я думала, что он заснул. Чеся, моя подруга, хотела поискать место в гостинице, но было ясно, что из этого ничего не получится... Около девяти Конрад вдруг сорвался и объявил, что ему нужно уладить кое-какие дела. Он взял клю-

чи от машины, я хотела поехать с ним, однако он пробурчал, что в этом нет необходимости, и обещал через час вернуться. — Иоланта замолчала и снова посмотрела на инспектора. — Прошло два или три часа, по телевизору еще шел какой-то фильм, но я ничего не помню... Позднее, по-моему, около двенадцати ночи, я решила, что, очевидно, что-то случилось. Набрала номер его телефона, никто не отвечал... Потом еще раз...

— В котором часу это было?

— Я уже сказала — в начале первого... Мне не сиделось дома. Конрад часто выключал телефон, на ночь почти всегда, так как его номер был похож на справочную вокзала. Я решила поехать к нему. Чеся вышла вместе со мной... Во дворе на обычном месте стояла моя «сирена».

— А ключ?

— Он был внутри. Представляете, он пригнал машину, оставил ее открытой и не зашел ко мне. Этого с ним никогда не случалось. Я села за руль, Чеся рядом, мы поехали... Когда мы вышли из машины, я сразу увидела свет в его окне. Впрочем, сейчас даже не знаю, что я увидела сначала... Этот свет или белый свитер на асфальте...

Удивительное совпадение! Она приехала в тот самый момент, когда он выбросился из окна.

— Значит, он был жив, когда вы ему звонили?

— Он был бы жив, — сказала она, — если бы мы выехали на пятнадцать минут раньше, если бы...

Инспектор спросил о часах. Иоланта удивилась. Да, конечно, у Конрада были часы. Правда, она не помнит, какой марки. Когда можно будет войти в его квартиру? Ей бы хотелось забрать фотографии, письма...

— Их там не слишком много, — сухо ответил инспектор.

Потом Ольшак допросил дворника. Тогда он еще считал, что все дело займет у него три или четыре дня, и он напишет постановление о его прекращении: «Самоубийство по неустановленной причине». Он не любил этой формулировки. «Неустановленной». То есть такой, которой он не сумел установить.

Дворник рассказал немного. Пан Сельчик поселился здесь недавно. Впрочем, здесь все живут недавно, дом-то новый. Солидный, спокойный человек. Дворник помнил, что к Сельчику время от времени приходила девушка, и, пожалуй, больше он никого не видел. Той ночью он спал и сам не знает, что его разбудило. Окно его комнаты, выходящее во двор, было открыто, а живет он на первом этаже... Какой-то грохот, словно мешок ударился о мостовую, а потом крик девушки... Он выскочил из постели и еще из окна увидел белый свитер пана Сельчика. По этому свитеру он его сразу узнал. Потом позвонил в милицию. А невеста покойного была уже у тела.

Жена дворника, худая женщина с плоским невыразительным лицом, говорила охотнее своего мужа.

— Эта Иоланта очень красивая, — рассказывала она. — Иногда я отпирала ей лифт, так как она забывала ключ. Случалось, что они с паном Сельчиком выходили вместе только утром на работу. Я даже удивлялась, почему они не поженятся. У пана Сельчика я убирала раз в неделю... Работы там было немного, редкий мужчина поддерживает такой порядок, как он. Только

пол натереть, вымыть окно, ванную и лоджию. В тот вечер я мыла пол в лифте, когда пан Сельчик пришел домой.

— В котором часу это было?

— Да уже после девяти, потому что в девять тридцать по телевизору показывали фильм. Я как раз окончила уборку и

успела его посмотреть. А пан Сельчик и мужчина поехали наверх.

— Сельчик был не один?

— Я ж и говорю. Даже пропустил того вперед.

— А как выглядел спутник Сельчика?

Женщина пожала плечами.

— Я вытирала пол и не обратила внимания. Мужчина как мужчина, в сером плаще, в таких смешных ботинках.

— А вы не видели, как он выходил?

— Нет, мы с мужем посмотрели фильм и легли спать.

Итак, около девяти Сельчик покинул дом невесты и поехал на машине в город. Спустя полчаса он вернулся домой в сопровождении какого-то мужчины. Потом пригнал машину к дому невесты. А может, машину Иоланты он доставил раньше и уже не покидал своей квартиры? Кем был мужчина, которого видела дворничиха?

Затем Ольшак и Кулич допрашивали сослуживцев магистра, соседей и знакомых. Однако не нашли никого, кто бы в тот вечер видел Сельчика. Впрочем...

Результаты дактилоскопического анализа Ольшак получил довольно быстро. Отпечатков пальцев покойного в квартире было довольно много. Не оказалось их только на двух предметах, на которых, по мнению инспектора, они должны были оказаться обязательно: на барьере лоджии и на вырванном из блокнота листке бумаги, оставленном самоубийцей. Зачем Сельчик стер отпечатки пальцев со своего последнего письма? Или он старался писать так, чтобы их не оставить? Почему? Случайность? А барьер лоджии? Прыгнул вниз, не касаясь его руками? В квартире нашли также отпечатки пальцев Иоланты и, наконец, отпечатки, несомненно принадлежавшие мужчине. Было их много... В коридоре, на шкафчике с посудой, даже в ванной. Значит, кто-то довольно долго находился в квартире Сельчика, во всяком случае в последний вечер... Ольшак направил отпечатки в центральную картотеку, но, как он и предполагал, это ничего не дало. Не принадлежали они также ни одному из знакомых Сельчика: ни старшему ревизору Роваку из ГТИ, ни соседям Сельчика по лестничной площадке — профессору Гурену и Кральским. В общем, никому из тех, кого допрашивали в течение этих дней.

Естественно, этот неизвестный мог и не иметь ничего общего со смертью Сельчика. К примеру, это был случайно встреченный на улице старый друг. Но когда скапливается слишком много странных фактов, нельзя отказываться от их выяснения. В этом Ольшак был уверен. Итак, кем был мужчина, которого видела дворничиха и который оставил столько отпечатков в квартире? Ничего о нем не известно, кроме того, что он, как утверждает дворничиха, носил «смешные» ботинки. Что случилось с часами? Почему на последнем письме самоубийцы нет отпечатков пальцев? Результаты вскрытия: подробнейшее описание полученных телесных повреждений, вызвавших смерть, и больше ничего. Но при осмотре тела выяснилась одна удивительная деталь: самоубийца брился непосредственно перед смертью. На правой щеке остался внушительный порез. Не очень новое лезвие «Жиллет» — именно такое нашел Ольшак в квартире Сельчика — было

старательно очищено. Магистр побрился, вымыл бритвенный прибор и только потом... Может, это даже соответствовало тому образу Конрада Сельчика, который нарисовал себе инспектор Ольшак?

Однако этот уже сложившийся образ во многом дополнил Тадеуш Ровак, старший ревизор ГТИ, коллега покойного, с которым они работали в одной комнате.

Когда Ровак сел за стол, вынул из кармана футляр и чистой фланелькой стал протирать очки, Ольшак улыбнулся про себя: до того показался ему типичным представителем категории служащих его собеседник. Типичной была каждая мелочь: обыкновенное, несколько сонное лицо, небрежно выбритые щеки, недорогой серый костюмчик и плохо завязанный галстук. Человек лет пятидесяти, не очень заботящийся о своей наружности. Только чистый белый платочек в кармашке, который не вязался ни с воротничком, ни с галстуком, придавал старшему ревизору несколько импозантный вид. Инспектор даже хотел спросить, зачем он носит этот платок, но не успел, так как Ровак объяснил это сам:

— Люблю белые платки. Когда стоишь перед зеркалом, это так красиво выглядит. — И потом спросил: — Вы осматривали стол Сельчика?

Ольшак ответил утвердительно.

— Я тоже, еще до вашего приезда, — сказал Ровак. — Ничего интересного.

— А что вам там понадобилось?

— Видите ли, — улыбнулся старший ревизор, — я по натуре любопытен и поэтому, прежде чем отдать ключ шефу... Вы все равно бы об этом узнали. Если говорить откровенно, — добавил он, — меня интересовало не то, что там было, а лишь то, чего там не хватает.

— Чего не хватает?

— Так, мелочи, миниатюрных шахмат, которые Сельчик купил когда-то в комиссионном и очень любил. Должен признаться, я хотел похитить их. Но, очевидно, Сельчик забрал шахматы домой. Не понимаю, зачем это ему понадобилось.

Ольшак уже почти на память знал все вещи в квартире бывшего магистра и мог дать голову на отсечение, что шахмат там не было.

— Играли мы с ним на работе, — продолжал Ровак, — шахматы были очень удобными. Если входил начальник, достаточно было положить на них папку с документами... Я привык к ним. — Глаза старшего ревизора невинно глянули сквозь очки. — Вы не знаете, кто будет наследником? Я бы их охотно купил.

В голосе Ровака было что-то такое, что не нравилось инспектору. Какая-то еле заметная ироническая нотка, когда Ровак говорил о Сельчике, и одновременно какая-то нахальная до неприятного искренность.

— Вы играли в рабочее время? — переспросил инспектор.

— Вас это удивляет? Я здесь пятнадцать лет, — сказал Ровак, — и все эти годы — старший ревизор. Сначала мы сражались с Козицким, но он умер от инфаркта, да и играл он неважно. Потом пришел Сельчик. С ним мы разыгрывали довольно

трудные партии. Некоторые из них продолжались два-три дня. Но это, конечно, между нами.

— Разумеется, — подтвердил инспектор и, помолчав, добавил: — Должен признаться, я несколько удивлен. Мне казалось, что Сельчик был весь в работе. И если появлялось свободное время, он мог, к примеру, писать свою диссертацию.

— Многие пишут диссертацию, но лишь немногие защищают ее. Обычная история: служба, потом жена, позднее дети.

— А Сельчик?

— Сельчик не женился.

— Он был тщеславен?

— Такие не бывают тщеславны напоказ. На людях они чистенькие.

— Не понимаю.

Ровак расстегнул пуговицу пиджака и из кармана жилета достал сигару. Это было так неожиданно, что Олышак даже не смог скрыть удивления.

— Люблю сигары, — сказал старший ревизор. — Может быть, вы считаете, что я беру взятки? Нет? Это хорошо. Я старый холостяк и могу себе позволить время от времени что-нибудь такое, чего не могут мои коллеги.

— Сельчик тоже любил выделяться?

— Да, но только совсем по-другому.

— Поэтому, — спросил инспектор, — вы с ним дружили?

Ровак взглянул на него стеклянными глазами.

— Я терпеть не мог Сельчика, — сказал он. — И в шахматы с ним играл только потому, что получал удовольствие, когда он проигрывал и бледнел.

— И вы говорите об этом так спокойно?

— А почему нет? Если бы даже Сельчика убили, я бы сказал то же самое. Мне не нравятся честолюбивые практики. Судите сами: нормальному человеку приходит в голову идея, он долго ее развивает, носит с ней, лелеет ее, а практик тут же принимается подсчитывать, удастся ли это реализовать и отвечает ли она его взглядам.

— Какая идея?

— Все равно, — заколебался Ровак. — Это не из области торговых ревизий. Вообще, о работе мы говорили мало, чаще о статистике, о которой Сельчик писал докторскую. Ну и о какой-нибудь чепухе. Например, сколько офицеров милиции знает, что такое скарификация.

— Я, например, не знаю. А что это?

— Небольшое кожное раздражение.

— К примеру, после бритья?

— Не совсем... но, впрочем...

— Почему это пришло вам в голову?

— Как-то мы говорили с Сельчиком на эту тему. Речь шла о выявлении нетипичных ситуаций. Сельчик во время ревизий буквально изводил людей, цеплялся к мелочам, на которые я бы не обратил внимания. Он гордился тем, что его ревизии нетипичны.

— Ну, это, пожалуй, хорошо, — заметил инспектор. — Усердие в работе...

— Вы считаете? Если бы вам пришлось иметь с ним дело...
— Вернемся, однако, к нашему. Вы хорошо знали Сельчика. Почему он покончил жизнь самоубийством?

— Брунда, — ответил старший ревизор. — Я не знаю никакой причины. Может, из ненависти к миру, который не так чист и не так вылощен, как он, магистр экономики Конрад Сельчик.

— Вам известно, как складывались его взаимоотношений с невестой?

— Нет. Я вообще ее не знал, — пожал плечами Ровак. — Сельчик не принадлежал к людям, устраивающим приемы и приглашающим более чем одного человека сразу. Мы никогда не выпили с ним ни одной рюмки.

— Вы бывали у него?

— А как же! По соседству с ним, на том же этаже живет мой шурин, профессор Гурен. Достаточно было выйти в лоджии и позвать Сельчика. Если он был в настроении и без невесты, я брал шахматы у Гурена, так как свои Сельчик держал на работе.

— А в тот вечер?

— То есть третьего сентября? Я ужинал у шурина, но в шахматы играть мне не хотелось. Тем более что утром на работе я проиграл партию.

Инспектор опять удивился:

— Сельчик играл в тот день?

— Конечно, и даже лучше, чем обычно. Он поймал меня на шестом ходу. Хотите, объясню как?

— Не нужно. В котором часу вы пришли на Солдатскую?

— Что-то около девяти. Я люблю ужинать поздно, так как поздно ложусь спать. Ушел я оттуда в двенадцатом часу.

— И вы не постучались к Сельчику?

— Нет. Представьте себе, я не заходил к нему, не выходил в лоджию и не выбрасывал его с девятого этажа. Хотя, кто знает, может быть, охотно сделал бы это.

— Пожалуйста, без шуток, — заметил инспектор.

— Интересно, — спросил Ровак, — нашли вы у Сельчика шахматы? Можете мне поверить, в этом деле они играют не последнюю роль, и я бы на вашем месте...

Однако Олышак не интересовало, что сделал бы на его месте старший ревизор Ровак. Сейчас инспектор перебирал в уме разные детали, которые могли ничего не значить, но могли и навести на какой-нибудь след. Часы, шахматы... Прежний шеф Олышак обычно говорил в таких ситуациях: «Редко бывают самоубийства, мотивы которых нам, людям нормальным, кажутся понятными и серьезными. Ибо самоубийцы — люди в большинстве своем ненормальные». Все это так, конечно, но здесь речь шла не только о мотивах... Олышак спросил Ровака, какие часы были у Сельчика. Неплохая «Омега», кажется, полученная в подарок, так как на корпусе стояла какая-то дата.

Что же сделал Сельчик со своими часами? Подарил? Продал? В бумажнике покойного Олышак обнаружил около тысячи złotych, на сберкнижке около восьми тысяч, но последний взнос был сделан 1 сентября.

Ровак помнил, что в день смерти Сельчик, как обычно, положил свои часы рядом с шахматной доской. Иоланта заметила,

что он взглянул на часы, вставая с тахты, и сказал: «У меня всего двенадцать минут, я должен спешить». Приятельница Иоланты, которую Ольшак также допросил, подтвердила это показание. Таким образом, до девяти вечера часы у Сельчика были. Может быть, он подарил их человеку, которого видела дворничиха?

Ольшак поделился своими соображениями с Куличем, но поручик не проявил особого интереса. Он допрашивал соседей самоубийцы. Лоджия Сельчика находилась между лоджиями Гуренов с левой стороны и Кральских с правой. Ольшак посетил обе семьи еще в первый день, по свежему следу, когда казалось, что расследование самоубийства Конрада Сельчика не займет у него много времени. Гурен был высоким мужчиной почти пенсионного возраста. Его жена — моложе на несколько лет, выглядела как школьница, на ней было невероятной расцветки платье и, по мнению Ольшака, пожалуй, слишком короткое. Естественно, она и ее муж ничем не могли помочь пану инспектору, так как заснули в тот день около двенадцати и проснулись от голосов в коридоре, а может, от звука ножовки, которой разрезали цепочку на двери Сельчика. Муж хотел встать, но она ему отсоветовала: незачем-де вмешиваться в чужие дела. О смерти Сельчика она узнала только на следующий день. От кого? Конечно, от дворничихи, которую встретила на лестнице, когда бежала в булочную. Профессор подтвердил, что в тот день он даже немножко опоздал на лекцию, так как ему пришлось долго ждать жену. Знал ли он Сельчика? Да, но только шапочно. Обменивались приветствиями, иногда несколькими словами в лифте. В тот вечер они вообще не видели своего соседа. Выходили ли перед сном в лоджии? Пани Гурен радостно

улыбнулась. Нет. В лоджии она проветривает одеяла и зимние пальто, поэтому там натянута веревка, которая не дает ступить ни шагу. Инспектор все-таки вышел в лоджию. С трудом протискиваясь между развешанной одеждой, он добрался до барьера и снова увидел бетонированный прямоугольный двор. Затем он осмотрел стенку, за которой находилась лоджия Сельчика. На небольшом расстоянии от барьера, на высоте плеча в стенку был вбит железный крюк.

В тот раз Гурены ни словом не обмолвились о старшем ревизоре Роваке. Впрочем, для этого не было повода, хотя они должны были знать о шахматных визитах своего родственника к соседу.

...Ровак пришел около девяти и вышел в начале двенадцатого. Действительно ли он ушел в это время?

Что это, профессиональная подозрительность? А может, просто болезненность? Да и как можно принудить к самоубийству молодого здорового человека? Почему Ольшаку кажется, что все, кто знал Сельчика, что-то от него скрывают? Профессор Гурен, медленно поднимавший глаза от стопки тетрадей... Его жена со своими шубами в лоджии... Ровак, мечтающий о миниатюрных шахматах... И наконец, Барбара Кральская.

В то утро, когда Ольшак позвонил в дверь соседей Сельчика справа, ему пришлось долго ждать, прежде чем на пороге появилась молодая женщина. Отбросив со лба волосы, она с удивлением посмотрела на Ольшака. Женщина была красива и принадлежала к тому типу брюнеток, которые больше всего нравились инспектору.

— В чем дело? — спросила Кральская.

Ольшак представился, и женщина пригласила его войти, извинившись за беспорядок в комнате. В ее голосе чувствовалось легкое беспокойство.

— Что случилось? — снова спросила она.

— Простите, — Ольшак всегда ощущал себя неловко в квартирах одиноких женщин и поэтому присел на самый краешек кресла. — Позвольте узнать, — сказал он, — эту ночь вы провели дома?

Кральская улыбнулась:

— В первый раз ко мне приходят из милиции. Это значит, что мне нужно алиби. Меня в чем-то подозревают?

Платье не прикрывало ее коленей. Ольшак опустил глаза и достал сигареты.

— Сегодня ночью вас ничто не разбудило?

— Нет, а что? — Снова легкое беспокойство. — Вламывался кто-нибудь? Но ведь дверь была заперта.

Она взяла в руки коричневую сумку, небрежно брошенную на тахту, заглянула в нее, потом подошла к шкафу.

— Что-нибудь пропало? — спросил инспектор.

— Да нет, — Кральская взглядом обвела комнату. — Ночь я, конечно, провела дома. Я замужем, но мой муж часто бывает в командировках. Сейчас он в Варшаве и должен вернуться только сегодня вечером. Но в чем дело? Или инспекторов милиции интересует моральный облик молодых замужних женщин? Как они проводят время, когда мужей нет дома?

— Нет, нет, избави боже!

Ольшак оправдывался, пожалуй, слишком энергично. Поэтому он переменял тему и рассказал ей о смерти Сельчика. Инспектор был уверен, что она только от него услышала об этом: слишком искренним было ее удивление.

— Жених Иоланты? Не может быть!

— Вы знаете Иоланту Каштель?

— Конечно, это моя приятельница, то есть она работает в управлении, а я в одном из наших пунктов обслуживания, но время от времени мы встречаемся и ходим в кафе...

— Когда вы в последний раз видели Сельчика?

— Я вообще его редко видела, — медленно сказала Кральская. — Иоланта как-то познакомила меня со своим женихом, и это все. Он, если хотите знать, избегал общества и ни на кого, кроме Иоланты, не обращал внимания.

— Она жаловалась на что-нибудь?

— Никогда, — отрезала Кральская. — Инспектор милиции должен это понимать. Она его любила.

Женщина вдруг встала с тахты и вышла в лоджию. Спустя мгновение Ольшак последовал за ней, и перед его глазами возник знакомый пейзаж: квадрат двора, выложенный бетонными плитами. Если бы эти плиты были двухцветными, они бы походили на гигантскую шахматную доску. Внизу маленький мальчик учился ездить на велосипеде.

— Я должна немедленно пойти к Иоланте, — сказала Кральская.

— В котором часу вы вчера возвратились домой?

— Так вас это в самом деле интересует? Что же, я могу сказать. Довольно поздно, около одиннадцати. И представьте себе, сразу же легла спать. А спала я, пан инспектор, как убитая, и только вы меня разбудили.

Вот и все. Очевидно, инспектор Ольшак перестал бы, хотя и без большой охоты, интересоваться Барбарой Кральской, если бы не сведения, которые сообщила некая Софья Галак. Допрашивал ее поручик Кулич. Ее фамилию еще ночью записал милиционер из опергруппы, так как она весьма активно, хотя и несколько шумно, успокаивала во дворе Иоланту. Милиционер обратил внимание на то, что Галак единственная из жильцов была совершенно одета, но Куличу она сразу, не дожидаясь вопроса, доложила, что в тот вечер даже не прилегла.

— Да, конечно, я не спала! Я никогда не сплю, когда поджидаю своего старика, а он опять напился в каком-то притоне, мерзавец! Мы живем на самом верху, лоджии у нас нет, и я поджидала его, сидя у окна...

— И что же вы увидели?

— Что-то упало из лоджии девятого этажа и грохнулось о землю. Это было, по-моему, спустя десять минут после того, как вернулся пан Кральский.

— Пан Кральский? А откуда вам это известно?

— Да, понимаете, лифт до нашей мансарды не доходит, поэтому, когда я ночью слышу, что кабина останавливается на девятом этаже, то выхожу на площадку и смотрю вниз, чтобы мой старый где-нибудь на лестнице не заснул. А с площадки видна дверь Кральских, только их дверь. Поэтому, когда я уви-

дела, что пан Кральский возится с замком, а он у них, знаете, всегда заедает...

— Вы уверены, что это был пан Кральский?

— А кто другой мог собственным ключом отпирать дверь? Пан Кральский, как и мой, часто возвращается домой ночью.

— Когда же вернулся ваш муж?

— Он вообще не пришел, пан инспектор, утром я нашла его в вырезвители.

3

Обо всем этом Ольшак и доложил майору Керчу. Начальник отдела вопреки своему обычаю долго молчал.

— Хочешь продолжать это дело, Ольшак?

Инспектор пожал плечами, ответ был не нужен.

— Два часа назад, — сказал Керч, — я был уверен, что ты ломишься в открытую дверь.

— А сейчас?

— Не знаю. Мужчина в сером пальто, часы, неизвестные отпечатки пальцев, адрес у того парня. Конечно, все это может ничего не значить. В то же время настораживают меня три факта: ложь Кральской, происшествие на вокзале, если, конечно, принять гипотезу, что оно как-то связано с делом Сельчика, и признание этого Козловского. Почему он сознался в совершенной краже?

— Чаще всего люди признаются тогда, когда боятся, что и так все выйдет на поверхность, — сказал Ольшак.

— Ты проверил, было ли сообщено в милицию об этой краже?

Нет, он еще не успел. Начальник поднял трубку. Через несколько минут он получил ответ. Владелец магазина Антоний Спавач никогда не сообщал о краже или взломе.

Ольшак и Керч переглянулись. Конечно, они оба сталкивались с людьми, признающимися в несовершенных преступлениях. Вот хотя бы недавно тот мужчина, который утверждал, будто убил женщину на шоссе под Ольшанкой. Следствие, однако, установило, что убийцей был совсем другой человек. Но на сей раз преступления не было, по крайней мере, в милицию сообщений о преступлении не поступало.

— Надо съездить к этому Спавачу, — решил инспектор.

Майор Керч открыл шкаф и бросил на стол клоуна из разноцветных лоскутков, размером с сигаретную коробку, в колпаке с тоненькими негнувшимися ножками и с одним большим голубым глазом.

Ольшак посмотрел на куклу с явным удивлением, потом взял ее со стола и расправил на ладони.

— Откуда ты его взял? — спросил он.

— А ты что, видел когда-нибудь такого?

Странно! Точно такой же тряпичный клоун лежал на тахте в квартире Сельчика. Ольшак обратил на него внимание, так как это была единственная вещь, свидетельствующая о том, что квартиру магистрата экономики навещала женщина. Ведь только женщины любят такие безделушки.

— Ты видел такого? — переспросил Керч.

Ольшак рассказал.

— Теперь их два. — В голосе майора послышалось легкое за-

мешательство. — Нужно было отдать его тебе еще несколько дней назад, да, прости, забыл. Наши люди нашли его под дверью ювелирного магазина, когда приехали туда после взлома. Ювелир не знает, откуда он взялся.

Инспектор спрятал клоуна в карман.

До Варминской улицы было недалеко. Ольшак шел вдоль стареньких домишек, карнизы и украшения которых были изрешечены пулями еще в сорок четвертом году. Несколько шагов от центра, и уже маленькие дети играют посреди улицы, водитель автобуса жмет на сигнал, пожилая женщина с сеткой, полной яблок, остановилась на краю тротуара и с ужасом смотрит на цветной мячик, который катится прямо под колеса. Ольшак вспомнил, как стоял на этом углу в сорок пятом, с автоматом, в штатской одежде, с повязкой; из окна второго этажа спускался бело-красный флаг, на балконе стоял Тадек Кшемский. А когда раздался выстрел и Тадек оперся грудью о барьер, все сначала думали, что ничего не произошло. Парня, который стрелял, потом поймали (это было самое первое дело Ольшака в милиции). Убийца ничего не говорил, а они, такие же молодые парни, как и он, допрашивали его много часов подряд, наконец Ольшак не выдержал и сказал, что больше не может. Он тогда целыми часами ходил под этим балконом, на котором погиб Тадек. Тогда же он решил бросить работу в милиции, но ему сказали, чтобы он не был бабой, и послали в офицерскую школу, а он еще много лет не мог забыть лица того парня, что стрелял в Тадека.

Внезапно Ольшак оказался в толпе, старенькие домишки исчезли, и перед ним развернулись частные магазины. Проходя мимо ювелирного магазина Броката, Ольшак отметил про себя новые металлические жалюзи на витрине. Потом он миновал модный салон Адамца, шляпную мастерскую Василевского, наконец знаменитую кондитерскую Ратайя. Магазин Антония Спавача располагался немного дальше, среди других похожих, как близнецы, магазинчиков, торгующих кофточками, сумочками и всякими заграничными мелочами, происхождение которых зачастую было довольно темным.

У витрины стояло несколько женщин, однако в магазине было пусто. Элегантная блондинка при виде инспектора улыбнулась очаровательной улыбкой, а когда он спросил о пане Спаваче, без слов исчезла в задней комнате. Пока она отсутствовала, Ольшак разглядывал кофточки, подумывая про себя, что хорошо бы прийти сюда с женой, если в октябре он получит премию. Вдруг на нижней полке среди дамских сумочек он увидел тряпичного клоуна, точно такого же, как тот, что лежал у него в кармане и которого он видел у Сельчика. Те же тоненькие ножки, цветастый колпак и большие голубые глаза из бусинок.

— Вы ко мне?

Антоний Спавач, безукоризненно одетый, уже седеющий мужчина высокого роста, был похож скорее на дипломата, чем на торговца.

Ольшак представился. Лицо Спавача осталось спокойным, на нем была все та же ласковая улыбка. Он попросил инспектора пройти в заднюю комнату, где они и расположились среди коробок и ящиков, в беспорядке наваленных у стен.

— Чему я обязан столь неожиданным визитом?

— Мы получили донесение о попытке ограбления вашего магазина, — сказал Ольшак, сделав ударение на слове «попытка». — Это правда?

Спавач бросил на стол пачку американских сигарет и равнодушно сказал:

— Если кто-то и пытался, то так ловко, что я даже не заметил.

— Давно у вас этот магазин?

— Седьмой год, — опять улыбнулся Спавач. — Очевидно, судьба одарила меня счастьем и хорошими замками. Никто ничего никогда не крал, пан инспектор, а если бы что-нибудь и пропало, то к кому бы я обратился, как не к вам, в нашу дорогую милицию?

Инспектор взял со стола сигарету и полез в карман за спичками. Рука его наткнулась на лоскутного клоуна. Ольшак зажал его в ладони и, когда Спавач протянул ему зажигалку, посадил куклу себе на колено. Это было сделано не преднамеренно, но Ольшак сразу заметил, как Спавач побледнел, стряхнул пепел на брюки и с трудом овладел собой. Замешательство продолжалось одно мгновение. Затем ласковая улыбка снова заиграла на губах торговца.

— Вы любите игрушки?

— Люблю, — сказал Ольшак. — И в этом, по-моему, наши вкусы сходятся. Не скажете, где вы купили своего?

Спавач заколебался.

— Не понимаю...

— Я имею в виду клоуна на полке с сумками. У вас ведь такой же, только мой одноглазый.

Торговец рассмеялся.

— Вы заметили? Ходила как-то из магазина в магазин какая-то баба, может, нищенка, может, незаконная торговка, и носила тряпичные игрушки. Ну я и купил из жалости, и, думаю, не только я.

— У вас тогда ничего не пропало?

— Избави бог, пан комиссар.

— Ну уж если вы хотите меня титуловать, то я не комиссар, а инспектор.

— Я невероятно тронут, пан инспектор, — фразы Спавача были вежливыми до приторности, — неустанной заботой нашей милиции о частной собственности рядового гражданина, но мне действительно не на что жаловаться. Если только на финуправление. — Он встал. — Может, выпьем? Рюмка martinis нам не повредит.

Инспектор не отказался. Он смотрел, как Спавач наполняет рюмки: сначала несколько капель себе, потом осторожно, чтобы не пролить, тоненькой струйкой наполнил его бокал.

— Не правда ли, забавно, что человека могут подозревать в действиях, совершенных во вред себе? А если, допустим, я не сообщил бы о краже в своем магазине, это что, преступление?

— Вас это интересует?

— Чисто теоретически, пан инспектор.

— Соккрытие преступления карается законом.

Спавач широко улыбнулся.

— Конечно, если преступление имело место. Если человек установил, что на его собственность кто-то покушался.

Инспектор положил клоуна на ладонь. Смешное тряпичное создание с одним глазом все же притягивало к себе Спавача. Ольшак допил martini и какое-то время прислушивался к диалогу красивой продавщицы с клиенткой.

Дамская кофточка, последний крик парижской моды, утверждала продавщица, сидит на покупательнице как влитая и стоит тысячу двести злотых.

...В управлении дел было немного. Допрос Козловского Ольшак перенес на следующий день. Интересно, откажется ли он от своего признания в краже? Придется его выпустить, самое большее отругав за то, что он хотел ввести в заблуждение милицию. Ольшак был уверен, что Козловский что-то скрывает, чувствовал, что речь идет о более важных вещах, чем простая кража, и что страх молодого человека имеет под собой почву. И наконец, было еще кое-что касавшееся его лично, о чем он все еще не хотел думать.

Он вызвал сержанта Тадека Келку. Все в уголовном розыске знали, что Ольшак умел подбирать кадры. Сколько инспектор ругался с начальником отдела, прежде чем Келка и Марыся Клея вошли в его группу!

Тадек Келка обладал просто бесценным качеством — даром перевоплощения. Он был одинаково естествен как в роли простого шофера — эдакого рубахи-парня, что перевезет налево какой угодно товар, так и в модных тряпках фарцовщика, которому улыбается даже гардеробщик из «Орбиса».

Келка читал детективный роман, когда его вызвал Ольшак.

— Ни новых детективов, ни интересных дел, — сказал сержант, усаживаясь в кресло.

— Есть у меня для тебя одно такое дельце... Знаешь Антония Спавача?

Едва Ольшак произнес это имя, как Келка сообщил, что кофточки у Спавача дороже, чем где-либо, а сам Спавач — пижон, у которого хватает забот, помимо перепродажи тряпок.

— Каких?

— Пытались прошупать его недавно, когда начался бум на доллары. Помните, у нас была самая высокая цена в Польше? Неизвестно, кто их скупал. Ходили вокруг Спавача и других, но так ничего и не удалось установить. К Спавачу приезжал один снабженец из Варшавы. Черт его знает зачем.

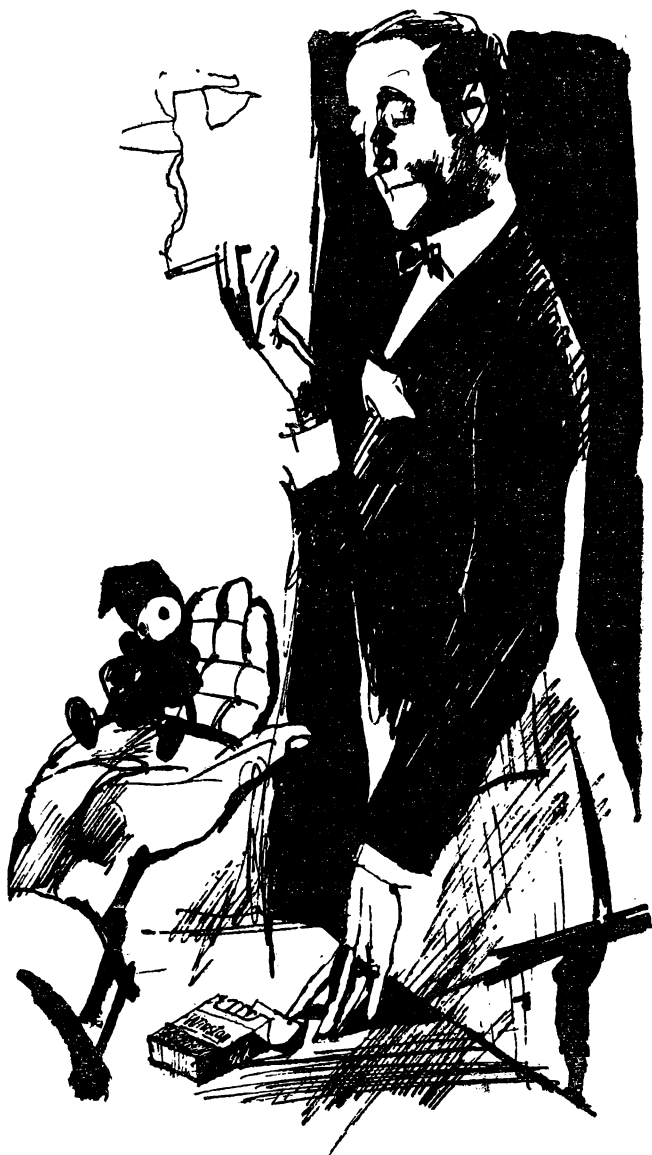
— Займешься торговцем?

— Попробую, — сказал Келка. — Если справлюсь, сам себя ужином угощу.

Ольшак подумал, что парень, очевидно, знает больше, чем говорит, но придет с рапортом не раньше, чем соберет нужные сведения. Ведь всем известно, что Тадек Келка не любит дробить свои успехи по мелочам.

4

Ольшак вышел из автобуса и смешался с толпой пожилых мужчин, возвращающихся с работы. Он шел по узкому коридору улицы Сверчевского, вдоль лесов, которые здесь стоят, на-

верное, уже больше года. В мясном магазине он встал в очередь: жена просила купить его колбасы для бигоса. Конечно, он должен был сделать это раньше, но закрутился и забыл. Блондинка за прилавком улыбнулась Ольшаку, она видела его как-то в мундире. Расплачиваясь у кассы, он вдруг увидел Янека под ручку с красивой брюнеткой. Они шли к остановке. Ольшак не был знаком с этой девушкой и с грустью подумал, что слишком мало знает о своем сыне. Впрочем, мог ли он знать больше? Янек всегда неохотно говорил о себе, а в последние два года, то есть с момента поступления в институт, редко приводил кого-нибудь домой. «У нас для этого слишком маленькая квартира», — оправдывался он.

Квартира действительно была небольшая: две комнаты на четвертом этаже старого дома, но Ольшак никогда и не добивался большего. Да ему больше и не было нужно. Приходя домой, он обедал, затем укладывался на тахту с газетой в руках и тут же засыпал. До его сознания доходили лишь отдельные слова из монологов Гражины. Потом он внезапно вскакивал и опять уезжал в управление. В кино они с женой ходили редко. Впрочем, Гражина любила детективы, а Ольшак их терпеть не мог. Он предпочитал фильмы о войне, которые напоминали ему о молодости. Гражина считала, что он никогда не избавится от воспоминаний тех лет.

— Ты страшно несовременен, — часто говорила она.

Это значило, что они не отдыхали в Болгарии, что мебель слишком стара, телевизор часто ломается, что он не умеет прилично одеться и не заботится о жене.

Гражина кончала работу в три часа и обедала одна, а потом, сидя напротив него, смотрела, как он глотает суп.

— Ты даже не замечаешь, что ешь, — говорила она.

Когда они познакомились, Гражина была санитаркой в их батальоне. Она хотела стать врачом, но родился Янек, и ей пришлось пойти на работу в городской совет. Там ее оценили как прекрасную машинистку, а потом она стала заместителем начальника отдела. Ольшак даже и не знал толком, в чем заключается ее работа, в этом лучше ориентировался Янек. «Мама, — часто говорил он, — когда мы идем вместе по улице, ты выглядишь как моя сверстница». Она его обожала.

В другой комнате стоял стол Янека и шкафчик для его вещей. На стене фирменные наклейки отелей мира — увлечение Янека. Он очень любил географию, хотя и учился в политехническом.

Ольшак открыл шкаф сына. Что здесь творилось! На белье — книжки, тетради между рубашками, а внизу Ольшак заметил свою старую офицерскую сумку, о которой успел уже забыть. Он привстал на цыпочки, чтобы достать с верхней полки цветной свитер из тонкой шерсти. Ольшак видел его на Янеке, но как-то не интересовался, откуда он у него. Свитер был точно такой же, как и в магазине Антония Спавача, с такой же маркой французской фирмы. Ну да, так и есть. «Мой знакомый Войцех Козловский».

Это произошло недалеко от толкучки. Ольшак подъехал на служебной машине и около пивного ларька, в котором заправляла старая перекупщица Маевская, хорошо известная Ольша-

ку, заметил Янека и Козловского. Инспектор пожал руку Козловскому и спросил сына, почему он не на лекциях. Янек пробормотал что-то о свободном дне, а Козловский широко улыбнулся. Наверняка из-за бинта на голове Ольшак не сразу узнал его тогда в своем кабинете...

На пороге появилась Гражина.

— Обед стынет, — сказала она. — Что ты здесь делаешь?

— Откуда этот свитер? — спросил Ольшак.

— Янек купил его по случаю на свои сбережения, — она улыбнулась.

— Сколько заплатил?

— Не помню. Ну что ты цепляешься к мальчику?

— Когда он придет?

— Скоро. Только проводит Боженку до остановки.

Значит, эта девушка все-таки была здесь! Боженка. В первый раз Ольшак слышал это имя. Инспектор с грустью подумал, что, когда он уйдет на пенсию и у него появится свободное время, он вряд ли будет нужен еще Янеку.

На этот раз он действительно не замечал, что ел. Когда вошел Янек, сказав, как обычно, «привет, отец», Ольшак сразу же спросил его о свитере.

— Хороший, правда? Ценная тряпка, — охотно объяснил сын, — и на все случаи жизни.

— Когда ты купил его?

— Перед каникулами, — сказал Янек.

— Пожалуй, еще в мае, — заметила мать.

— У кого и сколько заплатил?

— Что случилось? — Янек, казалось, не замечал серьезного тона отца.

— Отвечай, раз отец спрашивает.

Гражина удивленно посмотрела на мужа.

— Триста злотых, — ответил, помедлив, Янек. — А купил я у Козловского, помнишь, с которым я тебя знакомил. Он получил посылку из-за границы, и у него было три или четыре таких свитера.

— Откуда ты его знаешь?

— Козловского? — Янек рассмеялся. — Этого проныру все знают. Когда-то учился в нашем институте.

— И часто ты с ним встречаешься?

— Очень редко. С тех пор я его и не видел. А в чем дело?

Ну конечно, он должен сказать сыну, что думает о подобных контактах.

— А не кажется ли тебе, — взорвался вдруг Ольшак, — что такой свитер стоит гораздо дороже и, значит, получен нечестным путем?

— Нужно пользоваться случаем, — равнодушно сказал Янек.

— Где ты встречаешься с Козловским?

— Раз или два видел его в «Спутнике». Да скажи ты наконец, в чем дело?

О послеобеденном отдыхе не могло быть и речи.

Когда Янек ушел в свою комнату, настала очередь объясняться с Гражиной. Пришлось сказать ей правду, так как она была не из тех, от кого можно легко отделаться.

— Я подозреваю, что этот свитер краденый.

Гражина внимательно смотрела на мужа сквозь очки. Когда-то у нее были огромные голубые глаза.

— Профессиональная бдительность?

— Не шутя. Я действительно боюсь за Янека. А вдруг мне придется...

— Что придется?

— Получать от Янека официальные показания.

Она встала.

— Послушай, Вацек... Этого ты никогда не сделаешь... Если свитер краденый, Янек его отдаст. Только не вмешивай его в свои дела.

— Он сам вмешивается, — заметил инспектор.

— Янек порядочный и правдивый мальчик, — в голосе жены не было и тени сомнения. — Я сама с ним поговорю и попрошу больше не встречаться с этим Козловским.

— Гражина, мы ничего не знаем о Янеке.

— Ну не скажи, — ответила она сухо. — Это ты не знаешь, ведь у тебя никогда нет времени.

Позднее, когда он собирался уходить и снял с вешалки дождевик, так как на улице накрапывало, Гражина вернулась к этому разговору.

— Вацек, — сказала она тихо. Теперь в голосе ее явно слышалось беспокойство, — случилось что-нибудь серьезное?

— Не знаю, — искренне ответил Ольшак. — Может быть, это случайное совпадение. Видишь ли, то, что Козловский продал свитеры, может иметь значение для одного следствия.

— И что ты сделаешь?

Он пожал плечами.

— Что бы ты ни предпринял, — произнесла жена, — не вмешивай в это Янека.

В управлении было тихо и пусто. Перечитывая протоколы показаний, Ольшак выпил свой кофе. Забывший на минуту Кулич объявил, что завтра похороны Сельчика. Ольшак решил пойти, хотя и не отдавал себе отчета, зачем ему это нужно.

5

Пыль от промчавшегося мимо грузовика медленно осела, шум мотора исчез вдаль, и снова слышался только стук колес повозки, на которой стоял гроб. Ухабистая дорога от костела до кладбищенских ворот, протяженностью около полукилометра, проходила вдоль старой стены и цветочных лотков. Людей в траурной процессии было мало, они медленно брели под слепящим солнцем и невольно ускорили шаги, когда на них повеяло кладбищенской прохладой. Шедший впереди ксендз поднял крест над головой и свернул в боковую аллею. Процессия миновала старые могилы, о которых уже никто не заботился. Ольшак немного отстал, облюбовал себе наблюдательный пункт на пригорке, с которого был виден ксендз, служивший панихиду, и все остальные, столпившиеся у гроба. Иоланта стояла рядом со старой женщиной в черном, теткой покойного. Ольшак познакомился с ней еще перед началом похорон у костела, где она

вместе с Иолантой сидела на лавочке. У старушки была сухая ладошь, маленькие глазки внимательно изучали инспектора.

— Он был добрым мальчиком, — сказала она. — Каждый месяц присылал мне триста злотых.

Как она утверждала, Сельчик всегда помнил о ней, хотя виделись они редко. Иногда забегал на полчаса, когда приезжал в Варшаву. Он с детства был таким: вечно чем-то занят. После варшавского восстания, когда она взяла его к себе, целыми днями лазил по развалинам и приносил домой бог знает что: всякий старый хлам, какую-то жесь. Все это пришлось выбросить, когда ей, как заведующей столовой, дали квартиру на Праге. Учился Конрад хорошо, ничего не скажешь, но друзей у него было мало, а может, она просто не знала о них. Когда подросток, много читал и не обязательно учебники. Он всегда был тщеславным, часто говорил: «Посмотри, как люди живут, какая у них мебель, радиоприемники, одеваются как, а мы что?»

Много она ему дать не могла, но голодным он не ходил. А теперь чтобы сам?.. Когда пришла телеграмма, она думала, что произошел несчастный случай, автомобильная катастрофа. Никак не могла поверить Иоланте, что Конрад покончил с собой.

Старушка встала с лавочки и направилась к костелу.

— Ксендзу ни слова, — сказала она грозно, — я бы не перенесла, если бы его как собаку зарыли в землю...

Ольшак задержал ее еще на минуту и спросил о часах. Да, после окончания школы она подарила ему хорошие заграничные часы, чтобы на всю жизнь. И выгравировала на них дату.

Ксендз окропил гроб, и могильщики взяли за лопаты.

Старушка заплакала. Иоланта неподвижно стояла с ней рядом, лицо ее было скрыто под темной вуалью. В косых лучах солнца, пробивающегося сквозь ветви деревьев, вся эта сцена выглядела несколько театральной. Инспектору казалось, что это длится слишком долго и уже надоело всем, равнодушным и намеренно уставшим. Профессор Гурен, в черном, чересчур длинном пиджаке, взял под руку жену и медленно направился к выходу. Барбара Кральская подошла к Иоланте. Дворник с женой держались чуть поодаль, как бы подчеркивая свою непричастность и в то же время готовность отдать последнюю дань уважения человеку, который не имел к ним никакого отношения. Высокого мужчину в коричневом костюме инспектор уже видел раньше: это был шеф Сельчика. Ольшак вспомнил о Роваке: в костеле он был, потом куда-то исчез. Инспектор оглянулся и заметил его рядом с собой. Очевидно, старший ревизор стоял здесь давно, маленькой пилочкой он старательно чистил ногти и, казалось, был всецело поглощен этим занятием.

— Вы меня не заметили, — усмехнулся он, — а я тоже предпочитаю на все смотреть издали.

Старушка опустилась на колени на свежую землю, скрывшую гроб. Ксендз отдал кропило прислужнику и быстро направился по аллее к главным воротам.

Ольшак тоже двинулся к выходу, но Ровак задержал его.

— Подождите немного. Сейчас они столпятся у входа, польются соболезнования. Неужели вам хочется на это смотреть?

Инспектор промолчал. Ровак вынул сигару.

— Такие так и кончают, — сказал он и взглянул на инспектора, как бы ожидая подтверждения своим словам. — Чистые, святые, недоступные, — добавил он неожиданно и тихо рассмеялся. — Но чем была бы жизнь без мелких грешков, не правда ли, пан инспектор?

— Я вас не совсем понимаю, — заметил сухо Ольшак и пошел по аллее; обе женщины в черном уже миновали ворота.

— Например, рюмочка коньяку, — шепнул Ровак. — После этих похорон поминок не будет, так что никого из нас не пригласят добром помянуть покойного. — Ровак облизал пересохшие губы. — Вы не представляете, каким он был жестким человеком, этот Сельчик.

— И неподкупным, правда?

Лицо Ровака не дрогнуло.

— Простите, но из вас на каждом шагу, даже на похоронах, вылезает инспектор милиции. Неподкупным можно быть по-разному. Разве я, например, похож на человека, берущего взятки, а? Впрочем, может, и похож, — признался он самокритично. — Вы считаете, что это так? Я не выставляю напоказ своей чистоты, не мозолю ею людям глаза, не являюсь служителем святой торговой инквизиции, я просто обыкновенный чиновник.

— Нечем хвалиться, пан Ровак.

— А вдруг есть? По-вашему, лучше смотреть на людей как на пустое место, не замечать девушек, знакомых? А он часто мог на тебя взглянуть словно на столб!

— О мертвых плохо не говорят, — напомнил Ольшак.

— Вы шутите. По-моему, вы только тем и занимаетесь, что вытягиваете из меня эти признания, делая вид, что они вас не интересуют.

— Вы его очень не любили?

— Не любил, — признался ревизор и замолчал.

На улице совершенно не было тени. Иоланта и тетка Сельчика уже уехали. Ровак пошел к служебной «варшаве» своего шефа. На автобусной остановке одиноко стояла Барбара Кральская. Инспектор подумал, что, собственно говоря, мог бы взять машину, но с ними в комендатуре вечные хлопоты, да, кроме того, он и не обязан был ехать на кладбище. Ольшак вдруг почувствовал, как он устал. «Слишком много ношусь по городу, — подумал он, — вот спина и разболелась». Инспектор встал рядом с Барбарой Кральской.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал он, может быть, излишне резко.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Мне прийти в милицию?

— Нет, я сам зайду к вам на работу.

В автобус они сели вместе. Было еще несколько свободных мест, но на следующей остановке инспектор уступил свое место женщине с ребенком. Стоя в толпе, он смотрел сверху на темные, гладко причесанные волосы Кральской.

В последнее время Ольшак часто вспоминал ее. Сначала он думал, что она по каким-то неизвестным ему соображениям выгораживает мужа. Соседка сказала, что Кральский вернулся около часу ночи, то есть за несколько минут до смерти Сельчи-

ка. Показания Софьи Галак вряд ли стоило подвергать сомнению, с лестничной площадки действительно видна только дверь квартиры Кральских, это проверяли и он и Кулич. Да и зачем соседке врать? Значит, врала Кральская... Но почему? Даже если бы Кральский был свидетелем самоубийства, ему это ничем не грозило. Ольшак подумал, что богатое воображение осложняет жизнь офицера милиции, ибо он начинает строить слишком много версий. Но ничего не попишешь: приходится действовать на ощупь. Инспектор решил еще сегодня допросить Войцеха Козловского. Может, все-таки стоит его выпустить? Сомнительно, чтобы прокурор подписал ордер на арест, ведь есть только признание, и никаких доказательств совершенного преступления. Гораздо большее значение, чем эта кража, имеет бумажка с адресом. Если действительно имеет... Этих «если» и «может быть» было слишком много. Не стоит торопиться, подумал инспектор, вдруг что-нибудь прояснит дело.

На Партизанской улице автобус попал в пробку. Кральская поднялась и, улыбнувшись Ольшаку на прощанье, стала протискиваться к выходу. Ольшак посмотрел на часы. Лясочак уже, наверное, ждал его в парке. Автобус медленно двигался по узенькой улочке, но, вырвавшись наконец на простор, бодро покатил к площади Свободы. От остановки до ворот парка было еще с полкилометра. Ольшак еле плелся, вспоминая слова врача. «Больше движения, Ольшак, — говорил тот, — ты ведешь сидячий образ жизни. Твоему сердцу нужен кислород». Ну что ж, сегодня оно получило приличную порцию.

В парке было пусто. На лавочках центральной аллеи сидело несколько женщин с детьми, но на тропинке, ведущей к пруду, Ольшак никого не встретил. Только на деревянном горбатом мостике, соединяющем два озерца, инспектор заметил Лясочака.

— Я думал, вы уже не придете, — сказал тот, тревожно оглядываясь по сторонам.

Инспектор вынул пачку сигарет и предложил Лясочаку закурить, потом тяжело оперся о перила и с наслаждением затянулся. Лясочак молчал. Если бы он знал что-нибудь интересное, выложил бы сразу, не дожидаясь вопросов. Жил он у Викторнии, скупщицы краденого, в одном из предместий. Викторния, разбитная бабенка, судилась уже неоднократно за нелегальную продажу водки и за спекуляцию. Со своими поклонниками она обращалась довольно грубо, кажется, даже била их. На толкучках, где она появлялась в цветастых платьях и высокой шляпе с полями, ее называли Графиней. Она не требовала от своих сожителей слишком много, любила послушных и предоставляла им стол и жилье. Поклонник иногда приносил товар, покупал водку, но она никогда не настаивала, чтобы он слишком рисковал собой. Лясочак жил у нее уже несколько лет, побив своеобразный рекорд: так долго еще никто не задерживался у Графини. Жил он скверно. В кухне под окном стояла железная кровать, матрац был грязный и рваный, небрежно прикрытый цветным покрывалом. Под этой кроватью в коробке три года назад Ольшак нашел шубу, украденную у одной актрисы из квартиры на площади Свободы. Лясочак тогда сел в тюрьму. Правда, срок получил небольшой, так как его удалось уличить только в пе-

рекупке краденного. Ольшак, который вел следствие по этому делу, решил побеседовать с Лясочаком, когда тот выходил из тюрьмы.

— Почему ты не хочешь работать? — спросил тогда инспектор.

Лясочак даже не ответил. Попросил папиросу, спрятал ее в карман и вернулся к Графине. Через несколько месяцев они встретились снова. Милицейский патруль застал Лясочака на месте преступления, когда тот взламывал дверцу «варшавы», чтобы стащить бутылку коньяку, оставленную на заднем сиденье. Лясочак попросил о свидании с Ольшаком. Похудевший, с синими кругами под глазами, он жадно смотрел на стакан чаю, стоящий на столе.

— Что, Графиня кормить перестала? — спросил Ольшак.

— Не хочу в тюрьму, — сказал Лясочак, — честное слово, больше не буду.

Ольшак спрятал тогда протокол в ящик.

Позднее они встречались в парке или на остановке автобуса. Лясочак много рассказывал о преступном мире. Это доставляло ему некоторое удовольствие, ведь он был там ничем, простой пешкой, вором, которому ни разу так и не удалось сделать собственное дело. В одном он только был непоколебим: никогда не говорил о Графине, но инспектор чересчур не нажимал...

— Что-нибудь нашел? — спросил Ольшак.

Лясочак сжался и опустил глаза.

— Как сквозь землю провалилось, — сказал он и опять тревожно оглянулся. — Давайте сойдем с мостика, пан инспектор, здесь нас видно слишком хорошо. — Говорил он это каждый раз, когда разговор происходил в парке.

Они шли по пустынной аллейке, потом остановились под развесистым каштаном. Издалека доносились голоса детей.

— Излезил всю толкучку, пан инспектор. У Старосты, который торгует серебром, сейчас застой, никакого товара. Очевидно, это сделал кто-то не из наших...

— Ерунда, — пробормотал Ольшак.

— Ей-богу, пан инспектор. Сам удивляюсь. Для такой солидной работы требуется специалист...

— И без тебя знаю. А может, стоит спросить у Графини?

Лясочак сжался еще больше.

— Вы мне не верите? Я говорю чистую правду. У Графини ничего нет.

— Ну ладно, ладно. Приглядишься на толкучке. Не думаю, чтобы вывезли это серебро. И еще одно. Меня интересуют часы марки «Омега», украденные, вероятно, третьего или четвертого сентября.

— Иголка в стоге сена, — заметил Лясочак.

— Не совсем, — Ольшак описал часы Сельчика и сказал, какая дата выгравирована на корпусе.

— Где их стибрили? — спросил Лясочак.

Инспектор пожал плечами, он не знал даже, были ли они украдены.

— Мне очень нужны эти часы, — сказал он.

Они приблизились к центральной аллее. Ольшак остановился.

— Пожалуй, все. Через три дня на этом же месте.

Ночью ему снилось, что он выслеживал Янека на длинной улице, на которой не было ни одного целого дома, только руины, кое-где входы в подвалы и крутые тропинки через развалины. Потом он вспомнил, что это Вроцлав 1945 года, но никак не мог понять, как очутился здесь Янек, ведь он родился только в сорок седьмом. Внезапно Янек оказался на верху оползня, и Ольшаку отчетливо была видна его фигура, протискивающаяся между обожженными стенами, которые соединялись вдаль, образуя какой-то странный коридор. Ольшак хотел закричать и не мог, хотел протянуть руку и раздвинуть стены (они были мягкими, словно из пластилина, но уже начинали застывать) и понимал, что через минуту будет поздно.

Он проснулся и увидел над собой испуганное лицо Гражины.

Этот сон почему-то припомнился ему во время беседы с прокурором Стефянком. Они знали друг друга много лет, можно даже сказать, были приятелями, хотя им и в голову не приходило таким словом определять свои отношения. Время от времени они распивали бутылочку у Стефянка, который был холостяком и очень этим гордился.

«Ты удивительный чудак, — говаривал Стефянок. — С виду мужчина как мужчина, в соку, что называется, с брюшком, в меру пьющий, неглупый, а простейшее дело можешь представить так, что черт ногу сломит. И самое забавное, часто ты бываешь прав».

— Ну что у тебя на сей раз, мосье Мегрэ? — приветствовал прокурор инспектора.

На сей раз речь шла о Козловском.

— Говорит, что обокрал Спавача, — улыбнулся прокурор, — а доказательства? Назови мне хотя бы кого-нибудь, кто покупал у Козловского такой свитер. Я вчера в «Деликатесах», — перевел он разговор, — купил венгерский коньяк, хороший, правда чересчур пахучий, но, пожалуй, не хуже грузинского будет. Никогда не пил? Забегай вечером, познакомлю с блондинкой, которая не прочь стать женой прокурора... Да отстань ты от меня с ордером на арест! Может, парень склонен к шизофрении? Ольшак все-таки выбил из него этот ордер.

— Пойми, — говорил прокурор, — если Спавач не заявил о краже, то преступления не было. Каждый имеет право поступать со своей собственностью как ему заблагорассудится. Впрочем, — добавил он, — бывают случаи, когда человек не сообщает о том, что его обокрали, боясь, что раскроются его собственные преступления. Это ты подозреваешь?

Ольшак и сам толком не знал, что он подозревает.

— Через неделю допрошу Козловского лично, — сказал, снисходительно улыбаясь, прокурор, подписывая ордер.

Это значило: если за неделю инспектор ничего не обнаружит, парня придется выпустить. И тогда он, Ольшак, обязан будет включить в дело показания Янека о свитере, купленном за триста злотых, а майор Керч наверняка поручит следствие кому-нибудь другому, ибо Ольшак станет заинтересованным лицом.

Инспектор поднялся, но прокурор предложил еще одну чашечку кофе. Конечно, Ольшак должен был отказаться: с его сердцем

нельзя пить столько кофе, но он согласился. Кофе у прокурора был превосходным, очевидно, его секретарше пани Дороте был известен какой-то особый рецепт или она просто не жалела кофе. Вдыхая аромат, инспектор наслаждался напитком и слушал рассуждения Стефяняка.

— Я не отрицаю, — говорил прокурор, — что в деле Сельчика есть что-то странное. Это каждому заметно, не только тебе. Не сердись, старик, ты же знаешь, что я ценю тебя, хотя ты часто носишься с сумасбродными идеями. Из твоего рассказа следует, что ты подозреваешь убийство. Ну какое же это убийство? Не вызывает ни малейшего сомнения, что Сельчик покончил счеты с жизнью сам. Попробуй заставить человека написать такую записку! На моем веку еще не случалось, чтобы жертва заботилась об алиби убийцы. Шантаж, принуждение, это звучит более правдоподобно, поэтому стоит заняться человеком, которого видела дворничиха и отпечатки пальцев которого были обнаружены в квартире. Ты говоришь о Кральской. Но какая здесь связь? Во всяком случае, держи меня в курсе и никого пока не арестовывай. Больше я тебе ничего подписывать не буду. И загляни на коньячок. Расскажешь о беседе с Кральской.

Ольшак хотел прямо из прокуратуры ехать в приемный пункт мастерской по ремонту электроприборов, где работала Барбара Кральская, но зашел в парикмахерскую, и это спутало его планы. Усаживаясь в кресло, он взглянул на себя в зеркало и поморщился. Припухшее лицо, заплавленные глаза, под ними сеть густых морщин. Ольшак решил разориться на массаж, хотя никогда этого не делал, и ужасно сконфузился, когда в зеркале увидел входящего Кулича. Правда, у того были свои заботы. Усевшись в соседнее кресло, поручик доверительно сообщил, что близнецы всю ночь орали почти без перерыва, жена сбилась с ног, а брать домработницу слишком накладно, не говоря уже о том, что неизвестно, где ее найти.

Ольшак был уверен, что поручик злорадно улыбается при виде электрической машинки для массажа, хотя в это время мастер покрывал лицо Кулича густой мыльной пеной, а в таких случаях люди, как правило, редко улыбаются.

Из парикмахерской они вышли вместе, и Кулич сразу же доложил о том, что удалось выяснить о Кральском.

На совещание в Варшаву поехали трое, и среди них Кральский. Все они возвратились поездом, прибывающим в 21.07 3 сентября. Таким образом Кральский вопреки показаниям своей жены приехал за несколько часов до самоубийства Сельчика и, конечно же, мог вернуться домой в первом часу ночи, как это утверждала соседка.

— Мог, — улыбнулся Кулич, — но не вернулся.

Он разговаривал с Кральским на работе. Этот крупный неуклюжий мужчина примерно сорока лет был очень удивлен его визитом, сказав, что никогда не имел дела с милицией, но сразу же выразил готовность сообщить все, что ему было известно. Кулич объяснил, что речь идет о Сельчике, и поинтересовался, что Кральский может сказать о бывшем соседе. Кральский, не задумываясь, ответил, что он ничего не знает, и сослался на свою жену, которой могло быть известно о Сельчике чуточку больше: ведь именно она их когда-то познакомила. Кажется,

Сельчик был женихом какой-то ее приятельницы. Несколько раз они сталкивались в лифте или на лестнице. Нет, он не производил на него приятного впечатления. Судя по всему, Сельчик был человек угрюмый, без чувства юмора, а юмор он, Кральский, ценит превыше всего. Кулич выслушал, не прерывая, этот длинный, но в конечном итоге пустой монолог, а потом задал главный вопрос: что пан Кральский делал в тот вечер? Кральский замер и ответил не сразу.

— Вы, очевидно, разговаривали с моей женой, — наконец решился он, — и она сказала, что меня не было дома.

Кулич, ничего не подтверждая и не отрицая, выжидал.

— Я был на совещании в Варшаве, — продолжал Кральский медленно и осторожно, как бы проверяя реакцию Кулича, но лицо поручика оставалось непроницаемым.

Кральский как будто оттаял, открыл пачку сигарет и предложил Куличу чашечку кофе.

— Пан поручик, — начал он, — я полагаю, то, где я был в тот вечер, не представляет для вас никакого интереса, но мне нет смысла заперяться. Я вернулся из Варшавы в 21.07, однако домой не поехал. Моя жена сказала правду... — на мгновение он замолчал. — Надеюсь, вы меня понимаете. Ее я предупредил, что вернусь только на следующий день. Мои коллеги умеют быть деликатными... Кстати, если вас это интересует, — добавил он, — на вокзале я встретил Сельчика.

На этот раз удивился Кулич.

— На вокзале? — переспросил он. — В 21.07? А вы не ошибаетесь?

— Не ошибаюсь, — заявил муж Барбары. — Я как раз выходил из вагона-ресторана, ведь мы возвращались вдвоем, и вы сами понимаете... и увидел его на перроне. Я даже поклонился ему, хотя он был и моложе, но Сельчик меня не заметил, так как в это время появился тот, кого он ожидал.

— Кто это был?

— Откуда мне знать? Какой-то мужчина. На перроне не очень-то светло, да, впрочем, меня не слишком интересовало, кого ждал Сельчик.

— Может, вы обратили внимание на какую-нибудь особенность?

— Ну, я не знаю. Мужчина в пальто и шляпе, — Кральский задумался. — Одного роста с Сельчиком. Впрочем, ведь вы не знали Сельчика? Больше я ничего не заметил. Сельчик подошел к нему, когда я уже уходил.

— Здоровались они приветливо?

— Я не смотрел. Вы, пан поручик, слишком многого от меня требуете.

Итак, от Иоланты Сельчик поехал на вокзал, после чего, очевидно, дождавшись незнакомца, привез его к себе домой, где их и увидела дворничиха. Кто же это был? Почему Иоланта Каштель ничего об этом не говорила, — размышлял Ольшак. Но на время отогнал от себя эти мысли, ибо Кулич еще не окончил своего рассказа.

— Однако в ту ночь вы все-таки вернулись домой? — сказал Кулич, обращаясь к Кральскому. Тот посмотрел на поручика

с нескрываемым удивлением. В глазах его появились жесткие огоньки.

— Ну, если это сказала моя жена, — ответил он, — то ей придется объясняться со мной за эту ложь.

— То есть, надо понимать, вас не было дома? — Кулич являл собой само спокойствие и предупредительность.

— Конечно. Той ночью я был в другом месте.

— Вы можете это доказать?

— А разве нужны доказательства? Меня в чем-то подозревают? Мне необходимо алиби?

— Нет, избави боже.

Кулич объяснил, что речь идет только о следствии, в котором необходимо перебрать все возможные варианты, чтобы остался единственный, искомый.

— Но это же было самоубийство?

— Самоубийства бывают разные, — ответил Кулич. — Представьте себе, что некто видел пана Кральского, возвращавшегося домой за несколько минут до самоубийства Сельчика. А вы это отрицаете. Кажется ли это подозрительным? Но вас никто ни в чем не подозревает, речь идет исключительно о выяснении некоторых обстоятельств.

Кральский сдался гораздо быстрее, чем этого ожидал Кулич. Он стал вдруг сердечным, ссылаясь на мужскую солидарность и повсеместно известную деликатность работников милиции.

Его монолог даже несколько затянулся. Что греха таить, повествовал Кральский, его семейная жизнь с Барбарой не удалась. Он, Кральский, не видит в этом своей вины, ибо всегда любил дом, мечтал о покое, тишине, детях, жене, готовящей обеды и терпеливо ожидающей возвращения мужа. В конце концов мужчине, занятому на трудной работе, это необходимо. Однако Барбара была не такой, она хотела сама работать, скучала без кино, любила рестораны и совершенно не заботилась о доме. Именно это отсутствие заботы об их общем хозяйстве, подчеркивал Кральский, склонило его, домоседа и приличного человека, искать другую женщину.

Кулич слушал скучая. У Кральского были большие жилистые руки, пальцами он сдавливал чашку с кофе так сильно, что Куличу хотелось сказать: осторожней, сейчас она треснет.

Итак, Кральский нашел другую, прелестную девушку, но Барбаре об этом еще не говорил. Каждый мужчина имеет собственные цепи, которые удерживают его, даже если ясно, что семью сохранить невозможно. С большой неохотой Кральский дал адрес.

— Все это страшно неприятно для меня, — то и дело повторял он. — Если можно вас попросить...

Взяв у Кулича адрес, Олышак сразу же поехал по нему.

Огромная квартира, перегруженная шкапами. Разноцветные подушки, стилизованный комод, на нем фотографии в рамках. На одной — Кральский, на второй — пожилой мужчина, застывший в торжественной позе. Оказалось, что Кристина Боярская, вдова мужчины с фотографии, владелица процветающего овощного магазина. Конечно, в юности она мечтала совсем о другом, но вот умер муж, сбережений после него осталось немного, а она должна воспитывать дочь. Маленькая иссушенная женщина

сидела на краю дивана и беспокойно смотрела на инспектора. Дочка скоро вернется, объясняла она, но, может, пан капитан скажет, что ему нужно, она всегда жила в согласии с милицией, — это может подтвердить их квартирный. Его жена, очень милая женщина, покупает у нее овощи.

Ольшак спросил о Кральском. Женщина оживилась, но беспокойство ее возросло.

— Это жених дочери, — объяснила она. — Они знакомы уже почти год, но знаете, как это бывает, у него хлопоты с разводом, ну и свадьба откладывается. Интересно, почему милиция им интересуется? Кральский солидный и порядочный человек, он намного старше Анны, но это даже лучше, если мужчина старше: будет больше любить свою молодую жену.

Ольшак объяснил, что милиция ничего не имеет против Кральского: речь идет об обычной формальности, которая не бросит тень на жениха ее дочери. Ольшак терпеть не мог таких разговоров. Очевидно, он все-таки поспешил, и алиби Кральского нужно было установить как-то иначе. Но все же спросил, помнит ли она вечер 3 сентября. Старушка замолчала и прищурилась припоминаая.

— Третьего сентября, — повторила она. — В семь часов я была в кино, после обеда торговала дочь, а потом я вернулась домой. По дороге зашла в «Деликатесы». Анна просила купить какого-нибудь вина. Стась, то есть Кральский, был уже дома. А почему вы об этом спрашиваете?

— Так, пустяки, — ответил Ольшак, — формальность. А когда пан Кральский ушел?

Пани Боярская молчала довольно долго, потом вытерла глаза платочком и спросила, на самом ли деле это так важно. Ей бы не хотелось об этом говорить, но если пан инспектор настаивает... Она женщина старого воспитания, вы понимаете, но эта молодежь... В общем, пан Кральский ушел только на следующий день... Кажется, после обеда, так как ему не нужно было идти на работу.

7

Сообщение поручика Кулича и беседа с Боярской подтвердили, что Барбара Кральская не лгала, сказав, что муж ее не возвращался ночью. Однако соседка продолжала настаивать, что кто-то вошел к Кральским за несколько минут до смерти Сельчика. Но кто? Скажет ли об этом сама Барбара? — размышлял Ольшак по дороге в приемный пункт, где работала Кральская. Может, лучше вызвать ее в управление? Однако Ольшак принадлежал, как гсворил майор Керч, к «ходячим инспекторам», он любил ездить по городу, разговаривать с людьми в их квартирах или на работе, объясняя это тем, что в милиции беседы бывают менее непринужденными.

На углу Партизанской улицы в витрине какой-то лавочки висело зеркало. Ольшак остановился и внимательно оглядел себя. После парикмахерской и при тусклом освещении он выглядел немного лучше, чем утром. Втянув живот, Ольшак попробовал по сильнее затянуть ремень и подумал, что слишком мало забо-

тится о себе. Прогулки ему не помогают, очевидно, лучше заняться спортом. Впрочем, какой там спорт с его-то сердцем и ревматизмом... Инспектор усмехнулся и прибавил шаг. Что же скажет Барбара Кральская? На этот раз Ольшак решил не задавать вопросов в лоб, а действовать постепенно и проявить максимум терпения. Интересно, почему эта женщина обманывает его? А может, врут Кральский и уважаемая пани Боярская? В этом деле почти все показания были сомнительными: Козловского, Спавача, Ровака... Инспектор засунул руку в карман и нащупал тряпичного клоуна. Нужно будет спросить о нем Иоланту. И еще о человеке, которого ожидал на вокзале Сельчик.

В приемном пункте какой-то молодой человек в кожаной куртке объяснял, что пылесос после ремонта ревет так, что соседи протестуют. А ведь он просил... Кральская улыбнулась, и молодой человек замолчал. Барбара включила пылесос. Шум был такой, что на улице останавливались прохожие.

— Это фабричный дефект, — сказала Кральская. — Мы ничем помочь не можем.

Молодой человек схватил пылесос и выбежал на улицу.

— Сейчас я освобожусь, — Кральская повернулась к Ольшаку. — Только попрошу меня сменить.

Они присели за маленький столик у окна. Сменщица Кральской занялась элегантно одетой дамой, которая принесла электробритву.

— Импортные не чиним. Это можно только частным путем.

— Ну так закройте свою лавочку, — посоветовала дама.

Барбара, подкрасив губы, лукаво улыбнулась Ольшаку, и он испугался, что она может посчитать дело Сельчика только предлогом для знакомства с ней. Или она прикрывается этой улыбкой? Ведь правды-то она не сказала. Наверняка не сказала.

Сменщица с интересом рассматривала их из-за прилавка, и теперь Ольшак потасовал, что не договорился о встрече в кафе. На его счастье, сменщицу отвлек какой-то вспыльчивый человек, красноречиво объяснявший, почему он собирается обратиться прямо в воеводский народный совет с просьбой прикрыть этот горе-ремонтный пункт. Его кофемолку ремонтировали уже трижды. Но она вновь не работает...

— Почему я снова должна давать показания? — спросила Кральская внешне беззаботным тоном.

— Речь идет не о показаниях. Просто мне хотелось получить ответ на несколько вопросов и предложить, чтобы мы вместе установили некоторые факты. Все, конечно, останется между нами...

Барбара заверила, что ничто не доставит ей такого удовольствия, как возможность помочь пану инспектору.

— Я бы хотел кое-что спросить о вашем муже, — сказал Ольшак. — Что связывало его с Сельчиком?

Кральская искренне удивилась.

— Но они почти не были знакомы...

— Вы уверены в этом?

— Совершенно. В чем вы его подозреваете? — Она рассмееалась: — Стась и Сельчик? Надеюсь, это несерьезно, пан инспектор?

— Когда ваш муж вернулся из Варшавы? — инспектор старался перейти на официальный тон.

— Четвертого, после обеда, я ведь говорила. Я пришла домой в половине восьмого, он уже спал. Он так устал...

— Бедняга, — посочувствовал Ольшак. — Может быть, я буду нескромен, если спрошу...

— Будете, — ответила она резко. — Надеюсь, наши супружеские отношения не являются предметом следствия.

— Конечно, — Ольшак утвердительно кивнул головой. — Поэтому вы мне скажете только то, что посчитаете нужным. Но рассудите сами: живущий рядом с вами человек покончил с собой при таинственных обстоятельствах...

— И поэтому моя личная жизнь становится предметом изучения?

— Я действительно не намерен этого делать. Но представьте себе: за несколько минут до смерти Сельчика пан Кральский возвращается домой, а его жена утверждает, что он вернулся на следующий день. Будь вы на моем месте, что бы вы подумали?

— Ерунда! Той ночью моего мужа в самом деле не было дома.

— Если вы не в состоянии отремонтировать настольную лампу, то за что вам платят? — кричала у прилавка пышная дама в очках.

— Вы видите, какая у меня работа, — кивнула в ее сторону Кральская, закуривая. — Иногда просто больная возвращается домой.

У нее были длинные тонкие пальцы с красивыми, покрытыми лаком ногтями.

Ольшак молча вытащил из кармана сигареты.

— Мне известно, — сказал он наконец, — что той ночью в вашу квартиру кто-то входил.

Ольшак ожидал растерянности или резкой отповеди, но Барбара стряхнула пепел и спокойно спросила:

— Ну и что?

— Это был не муж?

— Ну конечно, не муж. Ведь Стась вернулся только на следующий день.

— Этот мужчина вошел в вашу квартиру незадолго до смерти Сельчика.

— Неправда! — Вот теперь она смотрела на Ольшака с нескрываемым удивлением. — В то время ко мне никто не мог войти. Выходить мог, но значительно раньше.

— Пани Барбара, — заметил Ольшак, — у меня есть свидетели, которым нет смысла врать.

— Свидетели врут, — заметила она и, помолчав, добавила: — Странно...

— Может быть, вы все же соизволите со мной объясниться?

— Представьте себе, соизволю, — Кральская рассмеялась. — Вы очень симпатичны мне, пан инспектор. Сейчас вы услышите о невинном, — смутилась она, — приключении молодой женщины. Что вы на это скажете?

— Буду нем как могила.

Она наклонилась к нему и стала говорить почти шепотом:

— У моего мужа кто-то есть, я знаю. Мне уже давно необходимо было взять реванш, — она запнулась. — Впрочем, не в этом дело. Ко мне в тот вечер заходил один парень. Этого достаточно?

— Нет, — сказал Олышак.

— Что еще?

— В котором часу он пришел и когда вышел?

— Пришли мы вместе около одиннадцати. До этого посидели в «Спутнике». Вы там когда-нибудь бывали? Наверное, нет. Там собирается молодежь. Немного пьют, немного танцуют. В тот вечер я выпила больше, чем нужно... Он танцевал только со мной и очень мило за мной ухаживал. Честное слово. Потом он посадил меня в такси, и мы поехали на Солдатскую. В кармане у него было еще полбутылки вермута. Впрочем, зачем я рассказываю вам о таких мелочах, достаточно, что дома мы выпили по рюмочке, а потом...

Инспектор не задавал вопросов, и Барбара рассмеялась.

— Потом, пан инспектор, все было как в повести для детей. Меня разморило, я заснула, и последнее, что я помню, это звук захлопнувшейся двери. Это было самое большее в половине двенадцатого.

— Значит, он возвращался?

— Вы шутите, как он мог вернуться, если у него не было ключей? — Кральская задумалась. — Я отчетливо слышала стук двери. Вы же знаете, иногда сквозь сон хорошо слышно. Проснулась я только от вашего звонка. Больше я ничего не знаю.

Говорила ли она правду? А если да, то кого видела София Галак? Предположим, Кральский дал кому-нибудь ключи. Но откуда он мог знать, что его жены нет дома или что она спит так крепко? Крепко спит... Выпила рюмку вермута и сразу заснула. Может, она была просто очень пьяной?

— Он был у вас в первый раз?

— Кто?

— Этот парень.

— Ну конечно. Разве похоже, что я систематически изменяю мужу?

И вот он, самый главный вопрос:

— А вы не скажете мне, как его зовут?

Женщина рассмеялась.

— Может, это странно, но я на самом деле не знаю. Честное слово. Он назвался Тадеком, а о фамилии я его не спрашивала.

— Что-то не очень верится. Когда вы с ним познакомились? — спросил инспектор.

— За два дня до этого, пан инспектор. Мне позвонила Йо-ланта...

— Йо-ланта Каштель, невеста Сельчика?

— Ну да, и сказала, что ей скучно, что Конрад снова занимается своей диссертацией и что мне, наверное, тоже невесело, так как Стася, как обычно, нег дома, и предложила сходить в «Спутник».

— И что дальше?

— Ничего. Мы заказали два кофе и сидели себе смирненько, сплетничали о знакомых из нашего управления. За соседний столик сели двое мужчин: один пожилой и очень элегантный,

а другой тот самый Тадек... Сначала они выпили по рюмочке, потом еще, а потом подсади к нам...

— Иоланта их знала?

— По-моему, нет. Пожилой был при деньгах, так как он за-казывал и платил. Он принялся ухаживать за Иолантой, а Та-дек за мной. Не скрою, он мне понравился.

— А Иоланте ее поклонник?

— Я, кажется, говорила вам, что Иоланта была влюблена в Сельчика. Потанцует, выпьет рюмочку вина и отделяется от парней. Такой у нее метод. А Тадек договорился о встрече со мной как раз на третье сентября.

— А что было после третьего сентября?

Барбара помолчала.

— Ну хорошо, — сказала она наконец. — Если я вам уже столько сказала, то могу и больше.

— Пожилые люди созданы для того, чтобы выслушивать ис-поведи.

— «Пожилые люди», — передразнила его Кральская. — Мой муж ненамного моложе вас. Ну так вот, с того вечера я Таде-ка уже не видела. Я дважды заходила в «Спутник», но его не заставала.

— А другого?

— Другой сидел с какой-то большой компанией, и у меня не было желания подходить. В конце концов он даже не по-клонился.

Они помолчали. Седой человек ставил на прилавок электри-ческий чайник, а напарница Кральской выписывала квитанцию.

— Это очень важно? — спросила Барбара тихо.

— Что?

— Ну все... Что кто-то мог войти ко мне в первом часу...

— Мне бы хотелось поговорить с этим парнем, — сказал Ольшак.

— Этого удовольствия я вам не могу доставить, — ответила Барбара довольно резко, но сразу же опомнилась. — Извините, но мне бы тоже хотелось с ним поговорить.

— Он вам понравился?

— Немного. Высокий, хорошо сложенный блондин, светлые глаза.

— А какие-нибудь особые приметы?

— Боже, ох уж эти офицеры милиции! Интересный, пан ин-спектор. Интересный и очень симпатичный.

Больше ей нечего было сказать. Барбара проводила инспек-тора до двери.

Все могло произойти примерно так... Человек, назвавшийся Тадеком, взял ключи, когда Барбара уснула, а потом вернулся в ее квартиру около часа ночи. Зачем? Если бы у Кральской что-то пропало, она наверняка бы сказала. Хотя это минутное замешательство, когда она вспоминала, что у ее знакомого не было ключей. И потом, когда Ольшак был в первый раз у Кральских 4 сентября утром, хозяйка что-то искала в сумоч-ке, как будто бы обеспокоенная. Может, нужно по-другому по-ставить вопрос. Зачем Тадек вообще выходил, если собирался вернуться в эту квартиру в час ночи? Кральская была уверена, что ее муж придет только на следующий день, и вполне могла

сказать об этом своему ухажеру. Или Тадек знал, когда появится Кральский? И наконец, главное: какую связь все это может иметь с самоубийством Сельчика? Час ночи... Тадек выходит в лоджию... Молодой, ловкий, перескакивает через барьер, и вот он уже в квартире Сельчика. А дальше? Заставляет написать эту пресловутую записку? Каким образом? Почему?

Гипотеза привела к абсурду. А может, Тадек хотел оказаться в квартире Сельчика после его смерти? Сколько у него было времени? Несколько минут до прибытия милиции. Этого могло хватить. Но откуда он мог знать, что Сельчик выбросится из окна?

Так или иначе, прежде всего нужно было установить, кто этот Тадек. Это не казалось инспектору слишком трудным делом. Сразу же по возвращении в управление он вызвал сержанта Марысю Клею. Девушка вот уже несколько дней слонялась без дела, и майор Керч смотрел на это косо. «Отдай Марысю Чулику, — говорил он Ольшаку, — ему всегда не хватает сотрудников».

— В чем дело? — спросила Марыся.

— Речь идет о ресторане под названием «Спутник».

Марыся рассмеялась.

— Кажется, мы должны там иметь постоянного представителя. Все время «Спутник» кому-нибудь нужен. Недавно Чулик посылал туда Костишевского, который целую неделю тратил деньги на кофе и ухаживал за девушками, но так ничего интересного и не обнаружил.

Ольшак объяснил ей, что нужно разыскать парня по имени Тадек, причем буквально в ближайшие часы. Известно, что приятель Тадека, пожилой и элегантный человек по имени Сташек, также бывает в «Спутнике».

— Будет сделано, — ответила девушка. — У меня там есть ходы. А если парень хоть раз появился в «Спутнике», кто-нибудь да должен его помнить.

Ольшак описал ей Барбару Кральскую, а потом уже по привычке посоветовал быть осторожнее. Мало ли на что могут быть способны некоторые посетители...

— Ухаживать за девушками, — ответила Марыся, — да пускать пыль в глаза. Ничего интересного, знаю я эту публику. — Она критически разглядывала свои туфли. — Уже две недели ишу босоножки, — пожаловалась она, — и ничего не могу найти. Может, заняться обувными магазинами?

— Это не в нашем ведении, — ответил Ольшак.

Отправив Марысю и дождавшись кофе, он стал читать рапорт Келки. Келка не любил писать, охотнее рассказывал. Каждый инспектор знал, что отчеты сотрудника были только скупым конспектом его обширных наблюдений.

«В 21.30 Антоний Спавач вошел в ресторан «Орбис», где вышеупомянутый сел за столик с двумя мужчинами, личности которых мне удалось установить, а именно: Ровак Тадеуш и Желковский Винцент, снабженец фабрики «Анилана». Скандалов или иных нарушений общественного порядка не наблюдалось».

Инспектор с трудом пробирался сквозь текст рапорта. Сам Келка рассказал бы это иначе. Примерно так.

— Сначала, пан инспектор, я увидел машину Желковского перед гостиницей «Орбис», такой голубой «фиат», на котором он ездит всего год и, очевидно, скоро поменяет... и никто, пан инспектор, не спросит его, откуда он берет деньги. Знакомый портень в «Орбисе» сразу мне сказал, что пан снабженец приехал, как всегда, на два дня и, как всегда, получил шестой номер с ванной. Ну, я пошел на Варминскую и сел у окна в кафе Ратайя, как раз напротив магазина Спавача. В этом кафе одна официантка думает, что я прихожу из-за нее, и строит мне глазки. Она дала мне двойной кофе, и я спокойно дожидался голубого «фиата». По правде говоря, меня больше интересовал фабричный грузовик, который развозит товар фабрики «Анилана». Голову даю на отсечение, пан инспектор, что Желковский поставляет Спавачу налево нейлон, но нет ни одного доказательства. «Фиат» приехал перед обедом. Желковский не из трусливых. Он поставил машину прямо перед магазином Спавача и вошел внутрь. Я, естественно, потащился за ним и начал торговаться с блондинкой, продавщицей, о цене свитера, пока она не сказала мне, что я, мол, плохо воспитан. Желковский со Спавачем сидели в задней комнате, стены там тонкие, но я ничего не услышал, так как говорили они очень тихо. Нет, вы мне скажите, пан инспектор, о чем могут говорить снабженец большой фабрики и торговец с Варминской? Мне пришлось выйти из магазина и ждать Желковского еще полчаса. Он вернулся в гостиницу, а я засел в холле до самого вечера, так как был уверен, что они еще раз встретятся.

Спавач пришел в девять и сразу прошел в ресторан. Его уже ожидал тот ревизор, что курит сигары, Ровак. Неподалеку был свободный столик, я его сейчас же занял и заказал четвертинку, чтобы официант оставил меня на время в покое. Спавач и Ровак разговаривали очень тихо, и я расслышал всего несколько слов... Спавач повысил голос и сказал что-то вроде: «Вы ошибаетесь, пан Тадеуш, у этой блондинки великолепные ноги». Потом несколько раз повторилось слово «шахматы». Спавач говорил о коммиссионном, где их можно купить. Официант принес им заливную рыбу и рябиновую настойку. А проходя мимо меня, сделал вид, словно не заметил. Потом они выпили, Ровак залпом, а Спавач только пригубил, видно, боится водки... Нет, пан инспектор, я вовсе не утверждаю, что, если кто боится водки, у того совесть нечиста. Наконец появился Желковский. Я почему-то подумал, что хорошая получилась тройка: торговая инспекция, частная инициатива и снабжение. Желковский и Ровак между собой на «ты». Желковский сказал: «Рад, что снова тебя вижу», а Ровак только улыбнулся. Официант наконец принес мне четвертинку. Уже начались танцы, и их внимание привлекла одна очень милая пташка. Ровак хотел было встать из-за стола, чтобы пригласить ее на танец, но Желковский придержал его за рукав. Потом они стали говорить немного громче, так как официант принес очередную поллитровку. Ровак сказал: «Я не видел этого письма». Спавач же, изрядно пьяный, хоть и пил меньше других, встал, держась за угол стола, и провозгласил: «Выпьем за упокой его души». Ровак тоже поднял рюмку. «За упокой души Конрада Сельчика», — повторил он.

Потом Спавач шептал что-то на ухо Роваку, а тот крутил го-

ловой и смотрел на меня. Долго так смотрел, а потом встал и подошел к моему столику.

«Я хочу с вами выпить, молодой человек», — объявил он.

Я ответил согласием и спросил, чему обязан такой чести.

«Мне нравится ваша морда, — сказал Ровак. — Она не подходит к вашей работе».

«К какой работе?» — спросил я, наполняя рюмки.

«За холостяков, — произнес он и угостил меня сигарой. — Эта сигара, — заметил он, — куплена на собственные деньги. А вам за водку возвращают или нет?»

Я покраснел, но оставался спокойным.

«Что вы имеете в виду?» — спросил я вежливо.

«Ничего, — уверил он меня. — У каждого человека есть свое хобби. Я, например, люблю пить на деньги Спавача. Но и вашу водку охотно пью. Предлагайте тост».

«Может, за упокой умершего?» — предложил я.

«Ах, вы слышали? Стенограмму нашей беседы я пришлю в следующий раз. А сейчас выпьем за здоровье моего друга, инспектора Ольшака».

Что мне оставалось делать, пан инспектор? Я выпил. Этот Ровак какой-то странный, уж слишком самоуверен.

Репорт сержанта Келки кончался следующим образом: «Счет за этот дорогой ужин оплатил Спавач Антоний. Он (счет) составил 1456 злотых плюс 44 злотых чаевые».

Инспектор Ольшак записал на карточке: «Шахматы. Может, именно шахматы взял этот Тадек из комнаты Сельчика? Установить, кто последний раз проводил ревизию в магазине Спавача».

Версий было много, нерешенных вопросов еще больше. Двое в «Спутнике», неизвестная личность на вокзале, снова Ровак.

Ольшак нашел служебный телефон Иоланты Каשתель и договорился с ней на следующий день о встрече в квартире Сельчика. Он не хотел вызывать ее в милицию и нашел предлог.

— Вы хотели забрать кое-какие мелочи из квартиры жениха? Можем встретиться там завтра.

8

Инспектор открыл дверь в лоджию. Во дворе стояла тишина, только где-то на нижнем этаже выстукивали одним пальцем гаммы на пианино. Ольшак сел на тахту и взял в руки клоуна, но, подумав, спрятал его в карман. Интересно, заметит Иоланта отсутствие куклы? Три клоуна... У Сельчика, у Спавача, у ювелира. Прокурор Стефаняк рассмеялся: «Совпадение». Ольшак показал клоуна Козловскому, однако на арестованного это не произвело никакого впечатления. «Кукла какая-то, — хмыкнул он, — никогда такой не видел». А вот Спавач побледнел, когда инспектор посадил клоуна себе на колено.

Ольшак подошел к столу и еще раз просмотрел ящики. Может, он что-нибудь пропустил? Нет, все как было: многочисленные фотографии, документы. Инспектор задвинул ящики. Однако он не мог избавиться от какого-то мучительного ощущения, словно он что-то забыл или что-то ускользнуло от его внимания.

Снова вспомнилась Кральская. Вчера вечером она была

в «Спутнике». Марыся ее заметила и, конечно, подседа, завязала разговор. Они выпили кофе. Все-таки Марыся великолепно справлялась с такими делами. Кральская показала ей Сташека, элегантного приятеля Тадека. Фамилия Сташека была Махулевич, однако в данный момент он мало интересовал инспектора. Сейчас нужно было добраться до Тадека, но тот в «Спутнике» не появился.

Вечером Ольшак пошел с женой в кино. Когда они вернулись, Янека еще не было. Он пришел только в час ночи. Ольшак не спал и слышал, как сын возился на кухне, хотел встать и спросить, где он был, но раздумал. Получилось бы смешно и глупо. В конце концов Янек уже взрослый и делает то, что считает нужным.

Инспектор снова вышел в лоджию и сверху увидел Иоланту, которая наискосок пересекла двор и исчезла в подъезде. Когда Ольшак открыл ей дверь, она молча подала ему руку и вошла в комнату. Девушка села к столу — теперь инспектор видел только ее спину, — долго молчала, потом спросила:

— Можно открыть ящики?

— Конечно, — ответил инспектор.

Осторожно и очень медленно, как будто боясь что-то испортить, она вынимала бумаги, письма, фотографии и, старательно сортируя, раскладывала их.

— Что-то мало здесь бумаг, — сказал Ольшак.

— Я никогда не знала, что лежит в этих ящиках, — ответила Иоланта.

— И ни разу не заглянули?

— Нет. Я имела отношение только к посудному шкафчику, — она улыбнулась. — Конрад не любил, когда рылись в его вещах.

— У него не было даже вашей фотографии?

— Он всегда говорил, что у него есть я, так зачем ему фотография. Вообще, Конрад не любил ненужных вещей и даже как-то сказал, что в нашем доме никогда не будет тех идиотских мелочей, которые так любят женщины. — Девушка встала и подошла к инспектору. — Вы знаете, иногда меня это пугало, и я боялась Конрада, не понимала его...

— Вы писали ему письма?

— Пару раз из отпуска, и знаю, что он их уничтожал. — Она пожала плечами. — Впрочем, мы с ним почти не расставались. Он мне тоже никогда не писал, только иногда оставлял записку: «Сегодня занят, не приду» и даже никогда не добавлял «целую» или «обнимаю». Вообще, он не выносил сентиментальных приписок и всякой экзальтации.

— И все-таки вы его любили?

— Любила, — ответила Каштель серьезно. Она села на тахту и погладила покрывало. — Надеюсь, он меня тоже. Не правда ли, это единственная бросающаяся в глаза вещь в квартире? — переменяла она тему. — Это покрывало я покупала.

Ольшак сел рядом с ней. Пожалуй, она была красивее Барбары Кральской, лучше сложена, с правильными чертами лица, но от нее веяло каким-то холодом.

— Я могу забрать эти бумаги? — спросила Иоланта.

— Конечно, — ответил инспектор. — Может быть, вы еще что-нибудь хотите взять?

Девушка обвела комнату глазами. Инспектор наблюдал за ней. — Пожалуй, больше ничего, — ответила она. — Вот если только покрывало... Впрочем, нет, я не смогу на него смотреть. — Еще один вопрос. Вы хорошо знаете Барбару Кральскую, не правда ли? — спросил Ольшак.

— Да. Это моя сослуживица.

— За два дня до смерти Сельчика вы были с ней в «Спутнике».

Иоланта слабо улыбнулась.

— Я точно не помню, когда это было, но если Бася сказала, что за два дня до смерти Конрада, значит так оно и есть. А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы были в компании с двумя мужчинами?

— Да, я помню тот вечер, — подтвердила Иоланта. — Конрад никогда не обижался, если я ходила выпить чашку кофе и немного потанцевать. Он не ревновал, скорее был самоуверен и считал, что я не могу ему изменить.

— Сейчас меня интересуют те двое мужчин. Вы были с ними знакомы?

— Они сами подсели к нам. Вы ведь знаете, как это бывает... Две одинокие молодые женщины... Притом недурны собой, — она снова улыбнулась. — Откровенно говоря, и мы ничего не имели против, так как они вели себя вежливо и очень мило.

— Вы до этого их не видели?

— Нет, по-моему... Может, в «Спутнике», но там всегда столько людей...

— А фамилии?

— Они нам представились, но я просто не запомнила. Одного звали Сташек, я танцевала с ним, а другого, по-моему, Тадек... Да, конечно, Тадек. Он еще так понравился Басе.

— Часто вы бывали с ней в «Спутнике»?

— Нет, не очень. Бася ведь замужем, и мне только изредка удавалось ее вытащить. Прошу прощения, но к чему вы так расспрашиваете о Басе? Ведь у нее ничего не было общего с Конрадом.

— Да, конечно, — подтвердил инспектор. — Просто, пока следствие не закончено, нас интересует все. Вы не знаете, например, как складываются супружеские отношения Кральских?

— По-моему, не очень хорошо, — сказала Иоланта. — Мне кажется, он изменяет ей, а она делает вид, что не замечает. Этот Кральский неинтересный человек, и мне иногда кажется, что Басе все это надоело. Я не понимаю этого союза. А вы что-нибудь подозреваете?

Инспектор не отвечал. Он думал о том, что Иоланта не заметила отсутствия клоуна. Или делала вид, что не заметила.

— Конрад не любил Басю, — продолжала Каштель. — Он вообще не любил моих приятельниц. Впрочем, у него самого было мало знакомых.

— Вам знакома фамилия Ровак?

— Да, я слышала о нем, — тихо сказала Иоланта, — это сослуживец Конрада, не так ли?

— Они дружили?

— Не думаю.

— Нравился он вашему жениху?

Иоланта помолчала.

— По-моему, нет, — наконец ответила она.

— У Сельчика могли быть знакомые, о которых вы не знали? Она пожала плечами.

— Редкий мужчина все говорит женщине.

— Ваш жених ушел от вас около девяти. Он никого не ожидал? Не говорил ли он вам, что едет кого-то встречать на вокзал?

— На вокзал? — удивленно переспросила Иоланта. — Нет, пан инспектор, ничего не говорил. — Она закрыла лицо ладонями. — Скажите, он что, был на вокзале?

— Постарайтесь вспомнить, может, кто-то должен был приехать к нему, он кого-то ожидал?

— Нет, не припоминаю, — ответила Иоланта. — Знаю только, что он тогда очень спешил. Я ведь вам говорила. «У меня двенадцать минут времени». Почему-то я тоже подумала тогда о поезде. Но тетка никогда к нему не приезжала. Или он не хотел говорить из-за моей приятельницы? — размышляла Иоланта.

— Все может быть, — согласился Ольшек.

Он встал и прошелся по комнате, еще раз посмотрел на бумаги и фотографии, лежавшие на столе, на полку с ровно расставленными книгами.

— Пани Иоланта, — сказал он наконец, — прошу вас внимательно осмотреть комнату. Может, здесь чего-нибудь не хватает? Бывает так, что бросается в глаза отсутствие какого-то пустяка, какой-нибудь мелочи.

Иоланта поднялась с тахты и прошлась по комнате, подошла к книжной полке, к столу, потом взглянула на тахту, снова погладила покрывало.

— Нет, — ответила она, — по-моему, все так, как было, все на месте.

— Вы в этом уверены?

— Да.

Ольшек вынул из кармана клоуна, усадил его к себе на ладонь и внимательно посмотрел на Иоланту, но ее глаза были пустыми и ничего не выражали.

— Что это? — спросила только она.

— Тряпичный клоун. Вы никогда такого не видели?

Короткое замешательство. Нет, он не ошибался, она смешалась.

— Не видела, — ответила Иоланта. — Это какая-то игрушка.

Ольшек посадил куклу на тахту. Она даже шла к пестрому покрывалу.

— Он сидел здесь, — сказал инспектор.

— Не может быть. Конрад терпеть не мог игрушек, и такого клоуна у него никогда не было.

Инспектор осторожно взял клоуна с тахты и спрятал было его в карман брюк, но, передумав, переложил его в пиджак, как будто игрушка стала ценнее.

— Еще один вопрос. Какие сигареты курил пан Сельчик?

— Никаких, — ответила Иоланта спокойно. — Он терпеть не мог сигарет и говорил, что из-за этого не любит кафе и рестораны: в них всегда полно дыма.

— Однако перед смертью он курил. Отпечатки пальцев на окурке, которые мы обнаружили, принадлежат Сельчику. Это была французская сигарета.

— Не понимаю, — сказала Иоланта и встала. — Конрад никогда при мне не курил.

Они вышли вместе. На улице перед домом стояла «сирена» Иоланты. Отперев дверцу, она пригласила инспектора.

— Я могу подвезти вас, — сказала она. — Если вы, конечно, не боитесь.

— Не боюсь, — засмеялся Ольшак, но все-таки сел на заднее сиденье.

Иоланта повернула ключ, машина вздрогнула и двинулась с места. Ольшак достал сигареты и пошарил по карманам в поисках спичек. Они свернули на Партизанскую улицу и остановились перед светофором. Наконец он нашел спички, но Иоланта в этот момент так резко тронула машину, что коробка упала на пол. Ольшак с трудом нагнулся, сдвинул ногой коврик и под ним, почти у дверцы, заметил обрывок твердой бумаги. Он поднял его. Это был кусок картонной бирки, какие навешиваются на чемоданы в аэропортах. На бирке был номер и дата, однако инспектор пока не знал, пригодится ли эта находка.

— Что вы там нашли? — спросила Иоланта, останавливая машину перед управлением.

— Багажную бирку, — ответил Ольшак.

Девушка удивилась.

— Вы не возили никого, у кого бы на чемодане была такая бирка?

Она недоуменно пожала плечами. Значит, если Сельчик был на вокзале, кого-то встретил, а потом привез к себе, то эта бирка может быть следом... единственным следом, оставленным мужчиной, который, как утверждает дворничиха, был обут в «смешные» ботинки.

9

Из крана тонкой струйкой текла чуть теплая вода. Значит, снова нужно будет вызывать мастера и прочищать колосник газовой колонки. Ольшак вздохнул, представив поиски слесаря, который, прежде чем прийти и потыкать проволоочной щеткой в кольцо газового нагревателя и получить свои сто злотых, будет долгое время просто неуловим. Три, а то и четыре раза Ольшак сходит в жилконтору, чтобы услышать, что слесарь минуту назад вышел или еще не пришел; наконец он встретит его и, проклиная себя в душе, сунет в перемазанную маслом лапу двадцать злотых, говоря при этом: «Вот мой адрес, чтобы не забыли». И только тогда специалист по прочистке колосников в газовых колонках, единственный в квартале и ценимый, как профессор редкой специальности, соизволит посетить его квартиру. Потом через две копрки выпишет счет, а Ольшак заплатит сколько нужно, естественно не вспоминая о той двадцатке, так как между приличными людьми не ведутся разговоры на столь тривиальные темы. Что делать, человек к старости становится более терпимым. Еще пятнадцать или двадцать лет

назад Ольшак ни за что бы не дал взятки типу, который зарабатывает наверняка больше его и который просто обязан прогнать этот чертов колосник, ибо это входит в его обязанности, так же как в обязанности Ольшака входит поимка бандитов, убийц или поиски мотивов самоубийства каких-то магистров экономики. И вдруг ему пришло в голову, что пятнадцать лет назад у него не было газовой колонки, они жили тогда вдвоем в маленькой комнатке с вечно дымящейся железной печуркой. Конечно, Ольшак мог не давать мастеру «своего адреса», но тогда пришлось бы ждать неделю или две, а он не в силах этого себе позволить, ибо привык к ежевечернему очень горячему душу и не может заснуть без него. «Отец смывает с себя грязь преступного мира», — как-то сказал Янек, и кто знает, может, в этом шутливом высказывании была доля истины.

Ольшак закрыл кран (вода действительно становилась все холоднее, значит, все-таки придется идти в домоуправление) и, оставив последнюю тарелку, вынул чистое посудное полотенце и стал вытирать посуду. Мытье посуды после обеда являлось его постоянной обязанностью... Янек моет посуду после завтрака и ужина и натирает пол, жена по дороге с работы делает покупки и готовит обед. У каждого свои обязанности, и Ольшак не считает себя обиженным из-за того, что после обеда должен носить цветастый фартук. Ему кажется справедливым, что, когда муж и жена работают, они поровну делают домашние обязанности. Он даже полюбил свои ежедневные полчаса над мойкой — здесь он один и может ни о чем не думать, оторваться в мыслях от своих дел, которые потом, когда он вернется в комнату и усядется в старом и удобном кресле, снова обступят его, хотя он и постарается их отогнать, делая вид, что читает газету или смотрит телевизор.

Вошла Гражина со стаканом и книжкой. Даже не глядя на название, он знал, что это учебник для автолюбителей. У нее на работе организовали курсы, и она с удивительным упорством старается понять разницу между двухтактным и четырехтактным двигателями.

— Компоту хочется, — сказала она.

— Сейчас достану лед, — ответил Ольшак и поцеловал жену в щеку. За двадцать два года совместной жизни Гражина мало изменилась: худенькая и маленькая, аккуратная, не бросающаяся в глаза. Только волосы утратили свой прежний цвет. А двадцать лет назад у нее были великолепные волосы.

— Прозжаменуешь меня по правилам уличного движения?

— Разве что вечером. Сейчас не могу. Да, забыл тебе сказать, сюда зайдет Марыська.

— Хочешь, чтобы я ушла? — спросила жена просто.

— Ну зачем же, занимайся. В нашем доме будет три человека с водительскими правами и ни одной машины. А может, — добавил он неожиданно для себя, — все-таки купим «сирену»? Это нужно обмозговать.

— Если у тебя будет хотя бы полчаса свободного времени, — усмехнулась она. — А Марысю угости кофе и не забудь, что она любит с молоком.

Он снова остался один. Стопка тарелок таяла медленно. Же-

ну не удивил визит Марыси, ее вообще ничем нельзя было удивить — ни телефонным звонком в четыре часа утра, ни даже тем, что однажды утром она застала в кухне дремлющего поручика Кулича, которому Ольшак приказал себя дожидаться. Не удивляли ее пузатые папки с материалами следствия, которые он приносил домой и просматривал до поздней ночи, заслонив абажур лампы газетой, чтобы свет не мешал ей спать. Она знала сотрудников мужа, по крайней мере, тех, с которыми ему приходилось чаще всего работать, привыкла и к тому, что Ольшак переносил свой кабинет с пятого этажа воеводского управления в их двухкомнатную квартиру с маленькой кухней. Когда-то он объяснил, что работники милиции, расследуя какое-нибудь преступление, чтобы не нарушать конспирацию, не должны крутиться возле управления. У них давно уже говорят о создании нескольких пунктов встреч в разных местах города, но все так и остается на словах, ибо помещений вечно не хватает, и когда наконец председатель народного совета все-таки дает им ордер на квартиру, тут же оказывается, что именно сейчас кому-то из управления до разреза необходима жилплощадь. В последнем таком пункте для конспиративных встреч, в том самом новом районе за железнодорожной станцией, где несколько дней назад выбросился из лоджии Сельчик, обосновался поручик Кулич, которого жена осчастливила близнецами. До этого поручик жил в гостинице, его жена — в общежитии, они стояли на очереди на однокомнатную квартиру, но близнецы решили дело. Ольшак сам пошел к шефу просить квартиру для Кулича, а теперь принимает Марысю Клею, старшего сержанта следственного отдела с детски-наивным лицом, в собственной кухне.

Инспектор убрал тарелки на полку, посмотрел на часы. Марыся должна вот-вот прийти. Своих сотрудников он приучил к пунктуальности. Ольшак поставил на газ кофейник, полученный в подарок от человека, которого он когда-то чуть не обвинил в отравлении жены кофе, приготовленным именно в этом кофейнике. Это было чертовски трудное расследование. Ольшаку тогда до самого финала казалось, что он пробирается сквозь липкую и склизкую мглу. Что же вело его тогда к раскрытию истины? Инстинкт? Шестое чувство? «Здесь плохо пахнет», — говорил сам себе Ольшак в подобных случаях и в эти три слова вкладывал все свое беспокойство, все свои сомнения. В последний раз он подумал так, когда увидел этого идиотского клоуна, найденного под дверью ограбленного магазина ювелира, точно такого же, как в квартире самоубийцы, а потом в галантерейном магазине, владельцем которого был английский лорд с мешанской фамилией Спавач.

Ольшак закурил, ожидая, когда закипит кофе.

Из комнаты сына доносились звуки современной музыки. Удивительно, как Янек может заниматься в таком шуме.

Марыся улыбнулась, увидев шефа в цветастом фартуке, однако инспектор сделал вид, что не заметил этой улыбки, и подсунул девушке чашку кофе с молском.

— Ну что интересного?

— Саша Дистель, — громко ответила она.

— Что? — не понял Ольшак.

— По-моему, это поет Саша Дистель, — повторила девушка, кивая на стену, из-за которой раздавались не очень мелодичные звуки.

— Интересно, — сказал инспектор. — Мой сын тоже утверждает, что это пение.

— Конфликт поколений, — рассмеялась Марыся и, открыв портфельчик, положила на стол тряпичного клоуна.

— Четвертый, — удивился Ольшак. — Откуда он у тебя?

— Одолжила у своего поклонника, который так вас интересуется. Надеюсь, что пан Махулевич не заметит его отсутствия. В прихожей у него стоит картонная коробка, в которой, по крайней мере, сотня таких шедевров хорошего вкуса.

Ольшак пригляделся к клоуну и только сейчас увидел, насколько кукла уродлива.

— Ты была у него в квартире? Заклеила его, как теперь говорятся?

— Простите, шеф, но это он меня заклеил. Оказалось, что он любит маленьких блондинок с глупыми глазками.

Марыся красивая и интеллигентная девушка, а ее глаза, быть может чересчур округлые, но совсем не глупенькие, хотя и выражают вечное удивление миром, умеют многое увидеть. Но сейчас, слушая с должным вниманием столь необычный по своему стилю рапорт сержанта, Ольшак не мог, да и не хотел выходить из роли шефа.

— А он? Что за человек Махулевич? — вопрос прозвучал несколько сухо.

— Говоря коротко — плейбой, — Марыся и не собиралась менять тон. — Внешне — франт с душой нараспашку, на хате — репродукции голых девиц, магник — четырехдорожечный «Филипс», хорошие записи битлзов, в баре фирменные напитки. Но ко мне отнесся как к сопливой девчонке. Не могу сказать, что в данном случае это доставило мне удовольствие. Налил из бутылки с этикеткой «Белая лошадь» обыкновенной «Плиски».

Ольшак, разумеется, знал, что Марысе двадцать семь лет, у нее шестилетний сын, но в это трудно поверить. Марыся выглядела лет на десять моложе, одевалась модно, даже экстравагантно. Ничего удивительного, что Махулевич попался на удочку и поверил всему, что она про себя рассказывала: двадцатилетняя девочка из провинции, богатые и до ужаса скучные родители, а она хочет вкусить жизнь большого города.

— Кроме этих клоунов — ничего интересного. Вероятнее всего, клоуны производства его мастерской. Несколько лет назад у него даже был какой-то контракт на поставку продукции на экспорт: проверила своего кавалера по картотеке капитана Мязговского, — Марыся заглянула в блокнотик. — Ничего особенного. Четыре года назад у него было какое-то уголовно-финансовое дело: сокрытие доходов или что-то в этом роде. Больше ни в чем не замечен.

— Это я знаю, — кивнул инспектор. — А в «Спутнике»?

— Там сменили оркестр. — Марыся отхлебнула кофе. — Ударник — мой знакомый. Он обещал мне кое-что узнать. Ручаюсь — свой парень. О Тадеке слишком расспрашивать не пришлось, за меня это делает Барбара Кральская. Как я вам уже

говорила, мы с ней друзья. Бедная девушка, она его по-настоящему любит.

— Кого? Тадека, который растворился в воздухе?

— Вы совершенно не знаете женщин, шеф, — сказала Марыся сердито и встала. — Она любит мужа. Мне очень жаль, что больше ничего не могу вам сообщить. Может, удастся еще что-нибудь прояснить у Махулевича. Вчера я была вынуждена быстро ретироваться.

— Не так уж мало ты узнала для первого раза, — сказал Ольшак и подбросил на ладони тряпичного клоуна.

Если бы еще выяснить, что это страшилище символизирует, размышлял инспектор после ухода Марыси. А ведь оно должно что-нибудь обозначать: у покойного — клоун, у Броката — тоже, только с вырванным глазом. Интересно, отсутствие глаза что-нибудь значит? Ювелир Брокат делает вид или действительно не знает, что обозначает эта кукла? Его магазин ограбили, забрали на тридцать тысяч серебра. Есть ли связь между этим ограблением и появлением куклы? В свою очередь, Спавач говорит, что купил клоуна у случайной торговки, но не признается, что его ограбили. Так все-таки грабили Спавача или нет? Если нет, зачем Козловскому наговаривать на себя? Бойтся чего-то, допустим! Может, даже хочет укрыться в милиции — и не такое приходилось видеть за двадцать лет милицмейской работы. Если человеку грозит опасность, он выбирает меньшее зло. Попасть в милицию менее неприятно, чем попасть под поезд. Но, очевидно, он все-таки не такой идиот, чтобы предполагать, что милиция арестует его исключительно по самообвинению. Наверное, просто хочет пересидеть несколько дней. О краже говорит с такой уверенностью, сыплет подробностями... Но тогда почему молчит пострадавший?

Инспектор посмотрел в глаза-бусинки тряпичного клоуна, как будто хотел найти в них ответ.

За этим занятием и застал его Янек. Усевшись на табурет, он без спросу потянулся к отцовским сигаретам. Значительно взглянул на гору окурков в пепельнице.

— Не говори матери, — сказал Ольшак, встал и выбросил окурки. Он хорошо знал, что не должен столько курить. Жена прощает ему кофе, беспорядочное питание, готова даже не замечать его ночных бдений, но с сигаретами ведет беспощадную борьбу, требует, чтобы он выкуривал не больше десяти штук в день. Он выторговал себе двадцать, но ему редко удается сдержатъ слово. Две, а то и три пачки в течение дня, если он занят каким-нибудь трудным делом, как, например, теперь, когда нет ничего, за что можно было бы ухватиться.

— Персонал у тебя похорошел, — донесся до него голос Янека. — Ты это хоть заметил?

— А мне показалось, что тебе больше нравятся брюнетки.

— Уже знаешь? Мать?

— Видел как-то. Вы были так увлечены собой...

— Какое там, — смутился Янек. — Скажешь тоже — увлечены. Просто о чем-то болтали.

— Она интересная, — сказал Ольшак неуверенно. Он даже не присмотрелся к девушке, с которой видел сына на улице.

— Действительно ничего. Эта Каська тоже ничего. Может, даже лучше. Я встречал ее в «Спутнике» и даже как-то танцевал с ней.

Только сейчас инспектор понял, что Янек говорит о Марысе. Ну конечно, Марыся, посещая «Спутник», придумала себе имя и фамилию.

— А что, — спросил он, — Марыся в последнее время часто бывает в «Спутнике»?

— В последнее время! — рассмеялся Янек. — По крайней мере, два года. Ее зовут Марыся? А я слышал, что ее называли Каськой.

— Два года? — искренне удивился Ольшак. Немного же он знает о личной жизни подчиненных. А почему бы ей не ходить в «Спутник»? Может, она любит танцевать. А это в городе единственное место, куда девушка вечером может прийти одна. Не говоря уже о том, что там завязываются полезные знакомства, которые могут когда-нибудь пригодиться. Марыся недавно получила повышение по службе за раскрытие шайки молодых угонщиков автомобилей. Кто знает, может, именно «Спутник» ей помог? В этом молодежном танцклубе должно происходить много интересных вещей.

— И ее всегда называют Каськой?

— А как же еще? — теперь удивился Янек. — Может, ей не нравится ее настоящее имя? Я знал одну Мариоллу, которая потом оказалась Казимирой. В «Спутнике» паспорта не спрашивают. Говорит — Каська; значит, Каська. Советую тебе как-нибудь заглянуть туда.

— Пожалуй, ты прав. Может, даже сегодня успею это сделать, — инспектор посмотрел на часы. — Ты подбросил мне одну хорошую идейку... Послушай, — он вдруг сообразил, почему Янек сидит с ним в кухне, вместо того чтобы слушать свой магнитофон, — как у тебя с деньгами?

— По правде говоря, катастрофично.

Ольшак достал бумажник и вытащил сотенную, подсчитывая одновременно, сколько дней осталось до первого числа.

— Больше не могу, — сказал он, оправдываясь, хотя в душе и сердился на себя за это. — Ты же знаешь, что мы откладываем на машину.

— Хватит, — ответил Янек. — Если хочешь, я могу ежедневно подкидывать тебе идеи.

10

Несмотря на позднее время, Ольшак зашел в лабораторию, попросил как можно скорее увеличить фотографию с удостоверения Козловского и с еще влажными снимками в кармане отправился в «Спутник».

Никто из обгоняющих его пешеходов не распознал бы инспектора уголовного розыска в этом стареющем, одетом в мешковатый костюм мужчине. Смешно, но любая одежда сидит на нем мешком. Ольшак привык носить готовые костюмы, но каждый, даже самый лучший, костюм, когда его надевал Ольшак, становился пепельным (а он любил этот цвет) мешком.

Однажды, когда у них появились свободные деньги (между приобретением стиральной машины и телевизором — вспомнил Ольшак), жена силой притащила его к лучшему в городе портному. Ольшак заплатил за пошив столько, что мог бы купить два готовых костюма, но через три дня оказалось, что его элегантный наряд стал похожим на все прежние. Гражина махнула рукой, а ему это никогда не мешало. Откровенно говоря, хорошо одеваться Ольшак считал недостойным мужчины, и его сердило, что Янек уделяет слишком большое внимание нейлону и джерси.

В слове «Спутник» на неоновой вывеске не горела первая буква. Группа подростков оккупировала вход. Ольшак протиснулся сквозь молодежь и подошел к столику, за которым платиновая блондинка продавала входные билеты.

— Для членов клуба десять злотых, для остальных двадцать. Вы, очевидно, не член клуба? — улыбнулась она Ольшаку.

Инспектор молча положил две монеты по десять злотых. Он, конечно, мог показать свое удостоверение, но предпочел этого не делать. Стареющая прелестница не производила впечатления особы, умеющей хранить секреты, а Ольшаку меньше всего хотелось, чтобы интерес милиции к молодежному клубу «Спутник» стал всеобщей тайной.

— Вы предпочитаете сидеть внизу или наверху? — защелкала перекисная дама. — Пожилые мужчины обычно идут на балкон: оттуда все лучше видно. Но, может, вы хотите расположиться поближе к танцплощадке?

— Нет, определите меня лучше на балкон, — сказал Ольшак. Он спрятал в карман карточку с указанием столика, заметив, что блондинка вычеркнула на лежащей перед ней схеме его номер, и по узким, разрисованным под мрамор ступенькам поднялся наверх. Середина зала внизу была свободна от столиков, и там в ритм музыки двигались танцующие пары. Инспектор заказал кофе и только тогда заметил, что другое место за его столиком занято, о чем свидетельствовала недопитая чашка кофе и надкусанное пирожное. Очевидно, его сосед, а может и соседка, развлекаются сейчас внизу.

Ольшак взглянул через балюстраду, как будто хотел кого-то отыскать среди танцующих, однако увидел только взбитые, почти одинаковой длины прически девушек и парней; изредка только, как скалистый островок, мелькала лысина пожилого допжуана. Ольшак полез в карман за сигаретами и наткнулся на фотографии. Вынув одну из них, он положил ее перед собой. Еще раз посмотрел вниз в надежде увидеть среди танцующих Басю Кральскую, но в этот момент оркестр замолк и паркет мгновенно опустел. Услышав за спиной пошарывание, инспектор обернулся, чтобы взглянуть на соседа по столику, и обомлел. Он ожидал всего, чего угодно, только не встречи с этим человеком.

— Добрый день, пан капитан, — поклонился Ровак и, машинально поправив белоснежный платок в кармане пиджака, протянул Ольшаку руку. Ладонь была холодная, мягкая и неприятная в прикосновении. — Вы уже кого-нибудь подцепили? Или вы пришли по службе?

— Нет, частным образом. — ответил Ольшак. — И потому прошу без титулов.

— Отлично. Должен признаться, что никак не ожидал увидеть вас здесь, хотя внутреннее чувство говорило мне, что рано или поздно мы еще встретимся. — Ровак пытался закурить сигару.

— Вы так считали?

— Знаете, — улыбнулся Ровак, — у меня хорошая память на лица. Осталось со времен оккупации. Если за мной в течение трех дней ходит какой-то курносый молодой человек, если я вижу его утром по дороге на работу и вечером несколько переодетого, когда выпиваю пару рюмок в ресторане, то поневоле догадываюсь, что в скором времени со мной захочет встретиться лично капитан Ольшак.

— Вы были в подполье? — Ольшак ушел в сторону от ответа.

— А что, непохоже? Ревизор ГТИ — и подполье. Причем не обычное подполье, пан Ольшак. Вы, очевидно, знаете, чем занимался батальон «Корморан»?

— Разведка, ликвидация предателей.

— Не только. Еще выявление провокаторов в собственных рядах, что-то вроде военной контрразведки. Два креста за доблесть и Виртути пятого класса. Последний пригодится мне, когда я пойду на пенсию. Двадцать пять процентов надбавки — это кое-что значит. Смешно? — Ровак протер очки.

— Не очень, — буркнул Ольшак. Он пытался представить себе этого невзрачного, не очень чисто выбритого человека в лоснящемся костюме, с небрежно завязанным галстуком солдатом подпольной армии, той части этой армии, которая выполняла очень трудную задачу: выявление предателей.

— Так что вас привело сюда? — донесся до него голос Ровака.

— Люблю посмотреть на молодежь.

— И послушать современную музыку? — поморщился Ровак. — Значит, все-таки вы здесь по службе. — И, прежде чем Ольшак успел сориентироваться, Ровак протянул руку к фотографии, лежащей на столе. — Этот молодой человек — Козловский, если не ошибаюсь? Он бывает здесь. Однако в последнее время его что-то не видно. Вы, наверное, слышали, с ним произошло какое-то неприятное происшествие.

— Да? — Ольшак удивился осведомленности Ровака, но, пожалуй, еще больше признанию ревизора в этом знакомстве. Что может связывать пожилого служащего с двадцатидвухлетним парнем, сбившимся с пути, бывшим студентом, работником подозрительной галантерейной мастерской? Ответ не заставил себя ждать.

— Его мать работает секретаршей нашего директора, знаете, такая типичная вдова, воспитавшая единственного ребенка. Тонны нежных чувств, которые она расточала, вскружили мальчишке голову. Время от времени, когда нет ни гроша в кармане, он заходит к ней на работу, и эта идиотка никогда ему не отказывает, а сама тонет в долгах. Такие матери — общественное зло, не правда ли?

— Вы от нее узнали о происшествии с сыном?

Ровак не ответил, разглядывая фотографию. Наконец протянул ее Ольшаку.

— Им уже интересуется милиция. Этим и должно было кончиться. И чего она хочет, эта молодежь? Все сразу? Деньги, много денег, миллионы? А может, они правы? — Ровак наклонился к Ольшаку. — Может, они лучше нас знают, как надо жить? Наша молодость прошла в боях, а потом мы сели за канцелярские столы. Пожалуйста, не перебивайте, — попросил Ровак, заметив нетерпеливый жест Ольшака. — Ведь и вы когда-то стреляли, командовали людьми, у вас была власть, настоящая власть. Я был командиром взвода. Если бы я приказал кому-нибудь из своих людей броситься с моста, он бы и не спросил зачем, а просто прыгнул, и все.

— Или из лоджии девятого этажа...

— А теперь, — Ровак оставил без внимания замечание Ольшака, — а теперь я сижу над бумажками в ожидании пенсии и пересчитываю свои ордена на двадцатипятипроцентную надбавку... Так что, может, они и правы, эти молодые, что хотят иметь деньги, квартиры, машины... Ведь, несмотря ни на что, на деньги можно купить все и каждого, ну почти каждого, — поправился он и отпил кофе из чашки.

— Ну, не скажите, похоже, что Сельчика, — заметил Ольшак, — нельзя было купить. Может быть, именно поэтому его сейчас нет в живых.

— Не знаю, — Ровак пожал плечами. — Я уже говорил, что не люблю таких людей, с чересчур чистыми руками. Сказать откровенно, они вызывают во мне отвращение и кажутся подозрительными. Вам не надоело со мной?

— Напротив.

— Время от времени у человека возникает желание перед кем-нибудь излить душу. Может быть, я именно поэтому иногда завижусь женатым, им есть перед кем выговориться. Вы часто бываете здесь?

— Первый раз, — признался Ольшак.

— Я же каждую неделю.

— От кого вы узнали о случае с Козловским? — спросил инспектор.

— От кого я мог узнать? — удивился Ровак. — Сам видел, как его несли в карету «Скорой помощи».

— Вы были на вокзале? — Ольшак даже подскочил на стуле.

— Ну и что? Иногда я захожу в вокзальный ресторан. Тем более что он в моей зоне инспекции. А что, этот малый хотел покончить с собой?

— Откуда я знаю? Среди ваших знакомых самоубийства становятся настоящей эпидемией. Сначала ваш шахматный партнер... Минутку, минутку, — прервал себя Ольшак. — Если вы знали этого парня, то наверняка его знал и Сельчик. А Козловский мог знать о Сельчике? Вы не в курсе?

— Козловского у нас на работе знали все, и он знал всех. А почему вы спрашиваете? Ведь Сельчик покончил с собой. Кстати, вы не нашли его миниатюрных шахмат? Я был в нескольких комиссионных, и нигде таких нет. А я так привык к ним. Если бы вы их нашли, я охотно купил бы их у наследников нашего Катона. Вы не знаете, кто после него наследует?

— Ни о каком наследстве не может быть и речи, пока не кон-

чится следствие, — сказал Ольшак и сразу же пожалел о своих словах.

— Следствие? — как бы обрадовался Ровак. — Значит, все-таки вы считаете, что это не самоубийство?

— Нужно еще установить его мотивы.

— Мотивы, — улыбнулся Ровак. — А вам ни разу не хотелось бросить все и пустить себе пулю в лоб? Просто так, без мотивов, потому что плохая погода, что ломит в костях, что начальник свинья, а женщины... что, одним словом, почти все не имеет смысла.

— Нужно во всем искать смысл, — сказал Ольшак и устыдился той банальности, прозвучавшей как фрагмент моральной проповеди.

Снизу доносились звуки танго.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — произнес Ровак. Поправляя белый платок, явно диссонировавший со всем его нарядом, он пошел к узкой лестнице, разрисованной под мрамор.

«Наверняка увидимся», — подумал Ольшак. Этот Ровак интересовал его все больше: знал Козловского, был на вокзале именно в тот день, когда парня спихнули под колеса поезда. Говорит, что инспектировал вокзальный ресторан. Очень может быть. Но все же. Очевидно, какая-то связь между Козловским и Сельчиком существовала, но какая? Было ли это шапочным знакомством или их связывало нечто большее?

А может, это Ровака связывало что-то с Козловским? Станный тип. Подполье и эта тоска о миллионе. Признался, что не любил Сельчика, но бывал у него. Кроме того, у Ровака был повод приходить в дом, где жил Сельчик. Ведь Гурены были соседями магистра экономики. Их лоджии разделялись только одной стенкой, а со стороны Гуренов в эту стенку был вбит крюк для бельевой веревки. Ольшак представил себе Ровака, перелезающего над девятиэтажной пропастью, и сразу отбросил эту мысль.

Разумеется, Сельчик покончил с собой, так почему у инспектора засел в голове этот крюк? Неопровержимо доказано, что прощальное письмо написано той же рукой, что и неоконченная докторская диссертация, автобиография в отделе кадров ГТИ и последний отчет о ревизии, проведенной Сельчиком за два дня до смерти. Можно насильно принудить человека к самоубийству, хотя человек, которого выбрасывают из окна, оборонялся бы просто инстинктивно, а вскрытие не обнаружило никаких следов борьбы, но нельзя ведь, черт возьми, заставить кого-нибудь написать прощальное письмо такого содержания. Так что же здесь искать? Все ясно, и никто не будет в претензии, если инспектор закроет следствие и в почти пустую папку с делом Сельчика добавит последнюю бумажку: «Самоубийство по неустановленной причине». Но что-то не позволяло Ольшаку написать эту фразу. Может быть, этот тряпичный клоун? А может, Ровак? Или же загадочное признание в краже, которой Козловский не совершал?

Инспектор посмотрел на лежавшую перед ним фотографию и вспомнил, зачем явился в «Спутник». Если бы его предположения оказались верными, у него был бы хоть какой-нибудь след,

какая-то зацепка. Нужно разыскать Басю Кральскую, в это время она должна уже прийти.

Ольшак подозвал официантку, заплатил за кофе и хотел было уже подняться, когда увидел Кральскую, направляющуюся в его сторону.

— Вы? — улыбнулась она.

— Из-за вас. Нельзя ли здесь найти тихий уголок? А то сейчас явится мой визави, а у меня нет охоты слушать его излияния.

— Зануда? — спросила Кральская, а когда он утвердительно кивнул головой, добавила: — Можно пойти в бар в погребке, там потише. Но только с одним условием: я плачу за себя сама.

Они спустились по узенькой лесенке без каких-либо следов мрамора на бетоне. Главное, здесь было тихо. Заказав по рюмке вина, они расположились в дальнем углу погребка.

— Ну как, нашли вы своего знакомого? Того, что покинул вас, когда вы заснули?

— Нет, не нашла.

— Хотелось бы, однако, узнать, почему вы так крепко спали той ночью?

— Мне нужно алиби? — Глаза Барбары широко раскрылись. Сейчас она была особенно хороша. Ольшаку почему-то вспомнились слова Марыси Клеи. Неужели она действительно влюблена в своего мужа? — Вы меня в чем-то подозреваете?

— Нет. Только удивляюсь: вы спали так крепко, что вас не разбудило даже падение тела с девятого этажа на бетон, а потом вой сирен «Скорой помощи» и милиции.

— Сама не понимаю. Я никогда так крепко не сплю...

— Вот именно, — сказал Ольшак. — И еще вопрос: вам бы хотелось встретиться с этим Тадеком?

Барбара взяла сигарету и затянулась дымом.

— Вы можете смеяться надо мной, но я чувствую, что меня провели. Не подумайте, избави боже, что этот Тадек чем-то особенно мне понравился — обыкновенный смазливый парень. Просто я наконец пришла к выводу, что мой муж... — она замолчала, и Ольшак не прерывал ее. — Вас это, очевидно, не интересует, но вчера мы решили развестись. А тогда, несколько дней назад, мне казалось, что все еще можно поправить, и я хотела, чтобы он приревновал меня. Вы понимаете?

— Моя подчиненная сказала мне сегодня, что я ничего не смыслю в женщинах. Подозреваю, что она права. Но, кажется, я помогу вам разыскать неуловимого Тадека.

— В общем-то, я не уверена, действительно ли мне это так нужно.

— Это он? — Ольшак положил перед ней фотографию Козловского. Барбара внимательно разглядывала снимок.

— В жизни он гораздо интереснее. У вас есть его адрес?

— Да, но боюсь, что вы не сможете с ним побеседовать.

— Может, так оно и лучше, — сказала она. — Собственно говоря, какое мне теперь до этого дело!

— Вы никогда не теряли ключей? — Ольшак сменил тему. — У вас только один комплект?

— Второй у мужа. Вернее, был, — поправилась Кральская. — Стась уже съехал.

— А тогда, в ночь с третьего на четвертое сентября?

— Откуда вы знаете? Это, конечно, чепуха, ключи у меня не пропали, но, понимаете, утром я долго не могла их найти. Они у меня всегда в сумочке. Когда прихожу домой, машинально их туда кладу. И никогда еще не ошибалась, но в тот день после вашего ухода, когда я собралась выйти и хотела запереть квартиру, то никак не могла их найти. Перетрясла весь дом, и, представьте себе, они оказались в сумочке, но не в той, которой я постоянно пользуюсь, а в старой, где я держу чулки. Очевидно, я была сильно пьяна, так что ничего удивительного...

— Может быть, — сказал Ольшак. — Ну, мне пора. А вы, наверное, останетесь?

Оказалось, что и ей пора идти, и они вышли вместе. Переходя через улицу, она взяла его под руку. Ольшаку стало немного не по себе, он испугался, что его может увидеть Янек или кто-нибудь из управления. Очевидно, она заметила его замешательство, потому что сказала оправдываясь:

— На таких каблуках невозможно обойтись без мужской поддержки.

Она хотела сказать это свободно, но, наверное, ей передалось его беспокойство, поэтому фраза прозвучала фальшиво. Ольшак рассмеялся, его вдруг развеселила эта ситуация; кроме того, ему было приятно, что рядом с ним красивая женщина. Всю дорогу он развлекал ее невероятными рассказами о своей работе. И только перед домом на Солдатской поймал себя на мысли, что ему жаль с ней расставаться. Она также остановилась в нерешительности, как бы не зная, что делать дальше.

— Спокойной ночи, — сказал Ольшак, пожимая ей руку, и почувствовал прикосновение обручального кольца. — Мы еще увидимся, — он пытался придать своему голосу добродушный, почти отцовский тон, каким, по его мнению, должен говорить с двадцатидвухлетней женщиной мужчина старше ее почти вдвое, но ему стало грустно, когда она вбежала в подъезд.

Ольшак медленно пошел в сторону своего дома. «Значит, Козловский, — думал он, — был у нее в тот вечер, а потом она не могла найти ключей. Но зачем он еще раз входил в ее квартиру за несколько минут до трагического происшествия?»

Ровак подтвердил, что Сельчик и Козловский знали друг друга. Но обрывок записки, найденной в бумагах парня: «Солдатская, девятый этаж», мог теперь означать адрес Баси Кральской, а не Сельчика, как вначале предполагалось. Хуже, что Козловский ничего не говорит о клоуне. Откуда он взялся у Сельчика? Действительно ли Спавач купил свой у торговки? Он непохож на человека, которого может тронуть бедность старухи, продающей тряпичные куколки. Во всяком случае, известно уже, что выпускает их Махулевич, а за два дня до самоубийства Махулевич и Тадек, то бишь Козловский, сидели за одним столиком с Басей Кральской и Иолантой, невестой Сельчика. Как все это увязать?

Дома уже все спали. Ольшак на цыпочках подошел к телефону, набрал номер дежурного по управлению.

— Доставьте мне утром Козловского, к восьми часам.

Он положил трубку и задумался. Есть ли в квартире Баси Кральской телефон? Потом вспомнил, что аппарат у нее стоит на низком столике у тахты. Может, найти в книге ее телефон и позвонить? Но что он ей скажет? Что взбесился на старости лет?

Ольшак вошел в ванную и включил горячую воду, но из душа полилась едва теплая. «Нужно пойти в жилконтору, — подумал он перец тем, как заснуть, — и поймать слесаря». Эта мысль внезапно успокоила его.

11

Однако утром все произошло не так, как он планировал. Во-первых, он проспал, во-вторых, в доме не оказалось кофе. Еще сонный, Ольшак пошел в контору, но она оказалась запертой, хотя вывеска гласила, что прием посетителей с семи часов. В кафе на углу, где время от времени он пил кофе, конечно не такой, как из подаренного кофейника, но довольно сносный, на сей раз ему подали холодную бурду, и официантка спокойно объяснила, что машина сломалась и неизвестно, когда ее исправят. В довершение всего в своем кабинете вместо ожидаемого Козловского он увидел лысого трясущегося субъекта, а за своим столом — поручика Кулича. Правда, Кулич сразу же освободил место шефа, но Ольшак успел припомнить, что Кулич магистр юстиции и имеет такое же, если не большее, чем Ольшак, право занимать это место.

— Я приказал доставить Козловского, — проворчал инспектор, — тебе не передавали?

— Да, шеф, но мне кажется, что это дело вас заинтересует. Пан Иероним Брокат явился сегодня чуть свет к нам и хочет дать показания.

Ольшак узнал его сразу. Это был тот самый ювелир, у которого месяц назад украли серебро, а взамен оставили одноглазого клоуна.

Инспектор открыл ящик стола. Одноглазый клоун лежал рядом с двумя другими.

— Продолжай, — сказал он Куличу, стараясь говорить как можно мягче. Ольшак злился на себя за минутную вспышку: ведь всем известно, какая теснота в управлении, и он сам не раз предлагал Куличу, если потребуется, пользоваться его кабинетом. Он вышел в секретарнат, попросил принести ему большую чашку кофе, подумав, попросил еще две: для поручика Кулича и его посетителя. Прихлебывая кофе, он со все возрастающим интересом прислушивался к беседе, которую вели поручик Кулич и ювелир с желтым и гладким лицом, внешне напоминающим пудинг.

— По порядку, — сказал Кулич. — Значит, вас предупредили о том, что готовится ограбление?

— Да, по телефону. Я думал, что это шутка. Кража произошла только через три недели после предупреждения, а тогда я решил, что меня только запугивают.

— Почему вы не обратились в милицию?

— Я же говорю: мне казалось, что все это липа и никакого

грабежа не будет. Правда, несколько ночей после того телефонного звонка я на всякий случай спал в магазине.

— Кто вам звонил?

— Женщина.

— Одна и та же? Было ли в ее голосе что-нибудь характерное?

— Не заметил, но узнал бы, если бы еще раз услышал.

— Вы ее видели?

— Один раз перед самым закрытием магазина, после того, как объяснил по телефону, что не намерен приобретать никаких игрушек. Она пришла под вечер и спросила, не изменил ли я своего решения. Я ответил, что нет.

— Как она выглядит?

— Темноволосая, по-моему, даже брюнетка. Она была в темных очках, таких, знаете, закрывающих пол-лица. Сказала, что все покупают у нее клоунов и что она знает способ, чтобы и я покупал раз в месяц, недорого — полторы тысячи злых за штуку.

Ольшак поднялся со своего места, открыл стол, вынул клоуна и показал его Брокату.

— Полторы тысячи, пан Брокат, за эти тряпки? А другие покупают? Почему?

— Не знаю. Не знаю, почему так дорого и почему покупают. Не знаю даже, покупают ли вообще, может, она врала.

— Я начинаю догадываться. Она вам угрожала чем-нибудь?

— Потом, по телефону, — ювелир вытер вспотевшее лицо ладонью.

— Потом угрожала ограблением, а сначала?

— Пан инспектор. Я же пришел добровольно, чтобы дать показания.

— Чтобы опровергнуть свои же ложные показания, — поправил его Кулич. — Это не одно и то же. Когда мы начали дело об ограблении вашего магазина, вы сказали, что видите эту игрушку первый раз в жизни.

— Итак, — перешел в нападение Ольшак, — что заставляло торговцев, владельцев частных магазинов, приобретать такие дорогие игрушки?

— Не только частных, — пробормотал Брокат.

— То есть работники государственных магазинов тоже покупали их? А вы не можете сказать мне почему? Если не можете, то я вам скажу. Эта женщина грозила, что в случае отказа от приобретения клоуна власти узнают о делах, которые торговцы предпочли бы утаить. Так чем конкретно она угрожала вам? Какие грехи хотела выявить?

— Она утверждала, что я скупаю валюту и у нее есть доказательства... Но это неправда.

— Неправда, что есть доказательства? — улынулся Кулич.

— Я не торгую валютой. Когда-то, восемь лет назад, — да, но я за это свое отсидел.

— Не волнуйтесь, пан Брокат. Если вы действительно торгуете валютой, то рано или поздно мы с вами встретимся. В вашу пользу говорит то, что вы не хотели приобретать эти игрушки; против вас, что тянули с признанием столько времени. Почему вы решили признаться именно сейчас?

У ювелира снова задрожал подбородок, задержались руки. «Почему этот вопрос напугал его?» — подумал Ольшак.

— Не знаю, — пробормотал ювелир. — Просто решил, что так будет лучше. Ну и, в общем, совесть меня замучила.

— Конкретно, когда в вас совесть зашевелилась? Вчера, может, сегодня ночью?

У пана Броката снова задрожали веки. Что же случилось вчера, если Иероним Брокат, владелец процветающего ювелирного магазина, решил, что называется, расколоться? Снова шантаж? Этот тип явно чего-то боится. Кто еще так боялся? Ну конечно, Козловский. Его тоже мучили угрызения совести. Умолял, чтобы его посадили. Значит, женщина, продающая по неправдоподобно высокой цене тряпичные игрушки, может запугать и молодого сильного мужчину, и старого пройдоху из торгового полусвета, прошедшего, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы.

— Еще одно, пан Брокат. То, что клоун, найденный в вашем магазине, был одноглазым, имеет какое-нибудь значение?

— Одноглазым? Нет, не знаю.

Судя по выражению лица, ювелир действительно не понимал, в чем дело. Этот визит в милицию стоил ему немало нервов. Тогда почему он пришел? Человек, потерявший сорок тысяч, сначала скрывает от милиции факт, который мог бы привести к поимке бандитов, а потом ни с того ни с сего приходит и сам все выкладывает как по нотам?

Ольшак допивал уже вторую чашку кофе. Отправив Кулича с Брокатом писать протокол, он приказал привести Козловского. Что-то не нравилось ему в этом деле. Каждый день прибавляет новые подробности, которые, вместо того чтобы прояснить ситуацию, все сильнее ее запутывают. Правда, одно инспектор знает наверняка: клоун означает шантаж, своего рода расписку в получении дани. Однако узнал он об этом как-то чересчур легко. Итак, если это только шантаж, клоун у Сельчика означает, что и он стал жертвой. Что же нужно было скрывать тридцатитрехлетнему магистру экономики, ревизору ГТИ, известному своей неподкупностью? Почему-то инспектору вспомнились слова Ровака, что тот недолюбливает людей с чересчур чистыми руками. Может, в этом есть какой-то смысл? Если шантажисты имели ключик к Сельчику, то самоубийство объяснимо. Ему нечем было платить. Он получал две с половиной тысячи злотых в месяц, жил скромно, питался в столовой, сумел из своей зарплаты выкроить на жилищный кооператив, отложил на сберкнижке около восьми тысяч. «Надо будет проверить», — отметил про себя Ольшак, — не снимал ли Сельчик с книжки в последнее время крупных сумм. И Козловский. Какую роль он здесь играет?»

Мысли инспектора прервал приход Козловского в сопровождении милиционера. Измятый пиджак, ботинки без шнурков...

— Садись, — Ольшак показал на стул. — Значит, наврал нам?

— Нет.

— Спавач утверждает, что не было у него никакой кражи ни в мае, ни в апреле, ни в июне. Никогда, понимаешь? Может быть, ты обворовал не Спавача, а другой магазин? Назови адрес, мы проверим.

— Я хорошо помню, что это был магазин Спавача.
— А может, ты только планировал ограбление?
— Я украл около тридцати свитеров.
— И что с ними стало?
— Загнал. На базаре. За полцены. Несколько штук сбыл в «Спутнике».

Ольшак вспомнил свитер Янека. Именно в то время сын купил его у Козловского, так что, может, это и правда.

— Ты помнишь, кому продавал, Тадек?

Парень вздрогнул и ошетинился.

— Меня зовут Войцех, а не Тадек.

— Однако некоторым девушкам ты представляешься как Тадек.

— Ну вы же знаете, пан капитан, как это с девушками... — Козловский старался придать своему голосу шутливый и фамильярный тон, но Ольшак чувствовал, что это только маска, что Козловский сейчас сосредоточен и напряжен.

— Одна девушка, довольно интересная, искала тебя в «Спутнике». Ты знаешь, о ком я говорю... Она живет на Солдатской.

— У меня столько знакомых девиц, — Козловский силился поддерживать взятый тон, но это у него никак не получалось. Страх вылезал из него, как солома из лопнувшего тюфяка.

— Ты догадываешься, кого я имею в виду. Ты был у нее в день смерти Конрада Сельчика, усыпил ее, украл ключи, а потом ночью, когда девушка спала, вернулся в ее квартиру, перелез через стенку, разделяющую лоджии Кральской от лоджии Сельчика, и... — инспектор сделал паузу.

— Нет! — крикнул задержанный. — Я этого не делал! Это Сташек! Я только ключи... Я ему отдал ключи... — Неожиданно Козловский побледнел, разрыдался, сделал попытку встать и упал на пол прямо под ноги Ольшаку. Этого инспектор никак не ожидал.

Прежде чем успел прибежать с первого этажа врач, секретарша вылила на Козловского полграфина воды.

— Шок, — констатировал доктор. — У него было какое-то сильное потрясение. Может, чего-то испугался, — он воткнул иглу в руку парня. — Нужно дать ему несколько дней отдыха.

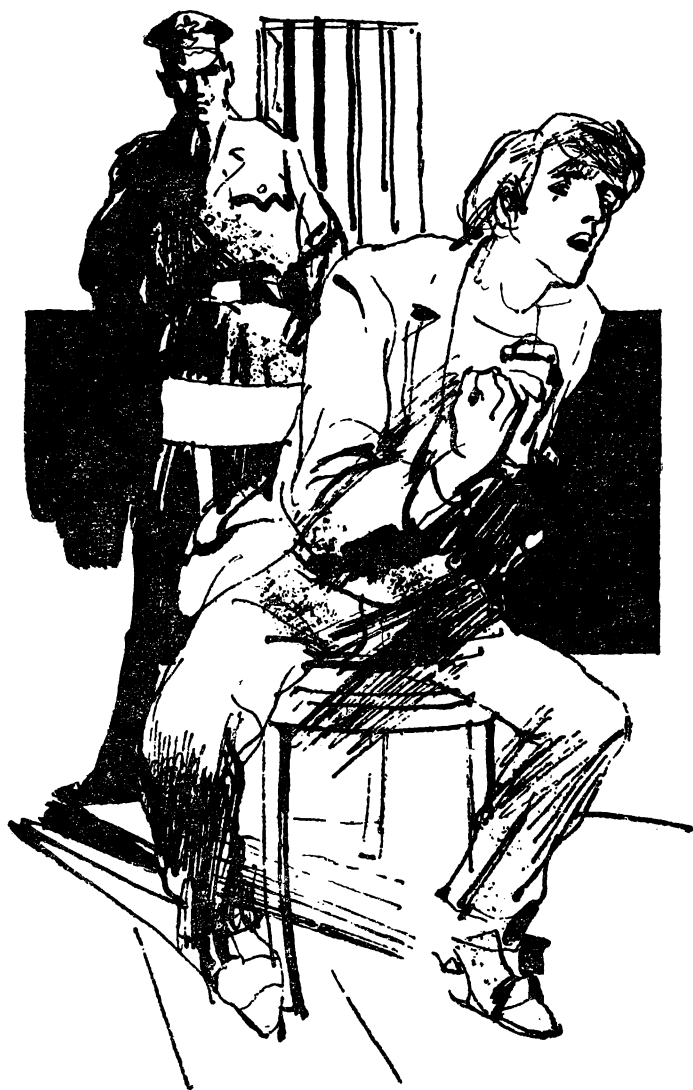
— Плохо, — сказал Ольшак. — Мы не закончили интересный разговор.

— Сейчас он ничего тебе не скажет, — врач кивнул на стеклянные, отсутствующие глаза Козловского. — Убийца?

— Не знаю, — сказал Ольшак. — Не знаю еще многих вещей. Например, мне неизвестно, можно ли убить самоубийцу.

Дождавшись, когда врач уйдет, Ольшак попросил у секретарши третью за сегодняшнее утро чашку кофе. Доктор не любил, когда пациенты не выполняли его указаний. А кофе инспектору он категорически запретил.

Едва он закрыл за собой дверь вагона, как экспресс, следующий в Варшаву, дернулся, и уже через минуту Ольшак увидел из окна проплывающие мимо строения. Поезд набирал скорость, миновал застекленные цехи нового комбината, а когда

Ольшак на минутку вошел в купе, чтобы положить портфель на полку, и, возвратившись в коридор, мимоходом бросил взгляд в окно, то увидел уже только исчезающую башню релейной станции на Бернардинском холме. Инспектор вспомнил, что ничего не ел с утра, а утром успел только перехватить один бутерброд, так как спешил в жилконтору.

Вагон-ресторан был полон, Ольшак с трудом нашел свободное место за столиком, где, судя по обрывкам разговора, три снабженца «обмывали» заключенные в его городе сделки.

День был горячим. Едва увезли Козловского, как пришло известие из Варшавы, что багажные бирки, подобные найденной в машине Иоланты Каштель, выдавались пассажирам рейса № 114 Париж—Варшава 3 сентября, то есть за день до смерти Сельчика. Варшава сообщала, что этим рейсом прибыло сорок восемь человек, из которых двадцать девять задержались в Польше, а остальные после краткого пребывания на аэродроме проследовали дальше. Инспектору передали список двадцати девяти оставшихся пассажиров. Семеро французов, английская супружеская пара, американец, индус, остальные поляки. Кто-то из этих людей был в их городе и, если верить Иоланте, самое позднее, 3 сентября, так как она чужих в своей машине не возила. Сельчик иногда брал ее «сирену». В день смерти он вышел около девяти. Известно, что поехал на вокзал, может, именно за этим пассажиром из самолета, который и обронил в машине Иоланты кусочек багажной бирки.

Ольшак вызвал Келку, изрядно подрастерявшего после встречи с Роваком былую самоуверенность, и послал его со списком по всем отелям города, не минуя даже пригородного кемпинга. Едва молодой человек вышел, как к инспектору ворвалась Марыся Клея и, не говоря ни слова, положила на стол фотокопию какого-то отпечатанного на машинке списка.

— Что это? — спросил Ольшак.

— Прошу извинения, что так поздно, шеф, но в лаборатории столько работы. Я дала им пленку в восемь, проявили только час назад. Фотография была еще мокрой, но я все-таки решила кое-что проверить. Не знаю, может, мне достанется за эту инициативу.

Ольшак, рассматривая снимок, одним ухом прислушивался к Марысиной болтовне. Что это? С первого взгляда видно, что это список магазинов, главным образом частных. Кое-что начало проясняться.

— Ты нашла его у Махулевича?

— Да, шеф, правда, я не знала, имеет ли это какую-нибудь связь с нашим делом, но минуту назад Кулич рассказал мне о показаниях ювелира Броката, так что все одно к одному. Я испробовала свои способности фотолюбителя, когда мой поклонник решил угостить меня кофе.

В списке фигурировали сорок девять магазинов. Перед названием торгового предприятия или фамилией владельца, а также адреса стоял педаanticный номер.

— Броката в этом списке нет, а Спавач есть, — заметил Ольшак. — Скорее всего это приобретатели игрушек. Так в чем заключалась твоя инициатива?

— Был у меня один план, и, по-моему, неплохой. Пока в лаборатории возились со снимками, я пошла в ГТИ и под разными предлогами взяла образцы шрифта всех трех машинок, которые там есть. — Марыся вынула из сумки и положила перед Ольшаком страницу машинописного текста. — Видите «е» и «т»? Эти литеры повреждены. В последнем номере «Криминалистического обозрения» мне попала статья о сравнении маши-

нописных шрифтов. Конечно, нужно будет послать на экспертизу, но мне кажется, что и так не вызывает сомнения.

— Эта страничка, — спросил Ольшак, — отпечатана на машинке в комнате ревизоров?

— Да. Старый «Ундервуд», который стоит в шкафу. Доступ к ней имеют только Ровак и Сельчик, то есть Сельчик уже не имеет к ней доступа.

— Молодец, — похвалил Ольшак. — А с Роваком разговаривала?

— Он был где-то на ревизии. Ключ от комнаты и шкафа я взяла у курьера. Шеф, — продолжала девушка, улыбаясь, — у меня еще одна мысль. Черный парик и солнечные очки не так уж трудно приобрести. У нас есть список сорока девяти покупателей клоунов. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Думаешь, удастся подработать немного денег для нашего отдела? Все равно мы с тобой их не увидим. Интересно, сколько они платят за тряпичную куклу? Полторы тысячи — это высшая или низшая ставка? Нужно посетить прежде всего государственные магазины. Частные интересуют меня сейчас меньше.

Когда Ольшак вышел из кабинета, то с удивлением обнаружил, что уже одиннадцатый час. Стоя выпил в секретариате четвертую за сегодняшнее утро чашку кофе.

В парке у пруда его поджидал Лясочак. Он мелко крошил булку и бросал оголодавшим карпам.

— Стоит их немножко подкормить, чтобы к сочельнику были жирными, — лукаво улыбнулся Лясочак. Он был в хорошем настроении, значит, что-то узнал.

— Если вас поймают, Лясочак, не рассчитывайте на мое заступничество.

Ольшак знал, что этот босяк придумал себе интересную забаву. Через брючную штанину он опускал в пруд леску, на конце которой был нацеплен крючок с наживой. Когда какой-нибудь карп соблазнился, Лясочак вытягивал его через дыру в кармане на берег. Но сейчас, особенно издали, все действия Лясочака выглядели совершенно безобидно: пожилой человек кормит рыбок в пруду.

— Шеф, — отозвался Лясочак, — это я только иногда, ради шутки. Ведь и у меня может быть хобби...

— Что у тебя нового?

— Узнал, где часы с датой. Стоило мне это восемь бигосов, два с половиной литра «Выборовой», не считая потерянного времени.

— Где эти часы?

— У Иренки, что ходит по вечерам в «Розу ветров». Помните, такая черная, высокая. Это стоит четвертинки, верно? А другую вы будете мне должны, когда я скажу, от кого она получила эти часы.

— Согласен.

Лясочак широко улыбнулся, обнажив выщербленные зубы, и от удовольствия потер руки.

— Эти часы Иренка получила от Зенона Бабули, ну, того ненормального, который за двадцать злотых даст любому в морду, — захихикал Лясочак.

— Бабуля?

Инспектор с трудом вспомнил приземистого человека с монгольскими чертами лица. Потомственный босяк, с которым, хотя и ловили его неоднократно, ничего нельзя было поделать, поскольку психиатры с удивительным единодушием признавали у него идиотизм. Он был слишком здоров, чтобы отправить его в сумасшедший дом, и одновременно достаточно невменяем, чтобы любой суд применял к нему чрезвычайно мягкие меры. Обремененный тяжелой наследственностью, алкоголик и сын алкоголиков, он никогда не работал больше двух часов в сутки, ибо запросы его были как у животного: сожрать только что-нибудь и поспать. Бабуля был так насыщен алкоголем, что даже кружка пива валила его с ног.

— Бабуля у кого-то увел эти часы.

— Догадываюсь, что не купил, — сказал Ольшак. — Ну и что он тебе поведал?

— Выпил полкружки и начал нести какую-то ерунду. Вы же знаете, какой он: голова дурная, разум как у грудного ребенка. Говорит, жаль было их оставлять, что если бы они упали с девятого этажа, то наверняка бы разбились. Короче говоря, дурачок. Кто бы стал выбрасывать часы с девятого этажа?

У Ольшака было большое желание покинуть Лясочака и немедленно бежать в управление, но он не хотел, чтобы Лясочак догадался, какой важности информацию он только что сообщил. Поэтому инспектор поболтал с ним несколько минут, переменив тему, как будто история с часами его мало интересовала, спросил о серебре ювелира Броката, но Лясочак стал клясться и божиться, что не мог отыскать никаких следов и не знает, кто организовал кражу у ювелира.

— Может, это кто из любителей, — сказал Лясочак.

Ольшак оставил его у пруда, хотя был почти уверен, что Лясочак примется ловить карпов, но сейчас это его не волновало. Дело начинало проясняться. Бабуля, пожалевший часы, которые могут разбиться, упав с девятого этажа, — это уже было кое-что.

Из машины, оставленной в одной из аллей парка, он соединился с управлением, поймал Кулича и приказал ему разослать людей на поиски Бабули. Конечно, найти его будет не так-то легко. Такие, как Бабуля, обычно нигде не прописаны, а если и прописаны, то редко их можно застать по указанному адресу. Придется перетрясти несколько притонов, прежде чем удастся его разыскать. Все это было известно Ольшаку, но его рассердило, когда Кулич занял, что не знает, сможет ли он сделать это до ночи.

— Достань его хоть из-под земли, но он должен быть у меня сегодня.

Положив трубку радиотелефона, Ольшак приказал отвезти его в магазин Спавача.

От владельца частного магазина пахло, как всегда, лавандой, на нем был голубой галстук-бабочка в белый горошек и твидовый пиджак. Блондинки в магазине не было, и хозяин сам стоял за прилавком.

— Чем могу быть полезен, пан капитан?

— Пожалуйста, закройте магазин ненадолго, минут на десять. Нужно поговорить.

Ольшак заметил, что движения Спавача стали менее уверенными, и это обрадовало его, ибо хотя инспектор и не признавался, но он чувствовал себя не в своей тарелке, разговаривая с этим стареющим денди с полированными и ухоженными, как у женщины, ногтями.

— Вы ведь любите картины, пан капитан, не так ли? Или что-нибудь покрепче?

— Благодарю, на этот раз у меня недолгий разговор, — Ольшак заметил, что клоун покоится на прежнем месте, и спросил прямо:

— Сколько вы платите ежемесячно?

— Что вы имеете в виду? Налоги?

— На худой конец можно и так назвать. Так сколько вы платите в месяц за клоуна?

Спавач тяжело опустился на стул, не пытаясь уже разыграть из себя лорда. В одно мгновение он осунулся так, как будто этот вопрос выпустил из него весь воздух.

— Пан капитан... — начал он неуверенно.

— Сколько? — почти выкрикнул Ольшак.

— Две.

— Каждый месяц?

— Вот уже три с половиной года.

— Так у вас уже довольно много этих игрушек?

— На полке сорок второй, — сказал Спавач хмуро. — А что было делать? Ведь меня шантажировали.

— Вы могли прийти в милицию. Мы поймали бы шантажистов, и все было бы в порядке.

Спавач молчал. И инспектор прекрасно понимал, что означало это молчание. Шантажистам было известно, что Спавач не пойдет в милицию, не может пойти, если не хочет, чтобы всплыли кое-какие его грешки. И грешки немалые, если он так послушно платил две тысячи злотых в месяц.

— Вы, конечно, не скажете, чем вам угрожали и что обещал шантажист сообщить в милицию, если вы вздумаете его выдать?

— Это была женщина.

— Брюнетка в темных очках?

— Да, она приносила клоунов. Она же пришла после ограбления. Но иногда звонил и мужчина.

— Значит, вас все-таки ограбили?

— Да, в мае. У меня были плохие обороты. Знаете, в это время года люди откладывают на отпуск, никто не покупает трикотажных вещей летом. Мертвый сезон. Я хотел платить меньше, но она не согласилась, и через несколько дней магазин обворовали. В ту ночь она позвонила, сообщила об ограблении и спросила, не изменил ли я своего решения. Я тотчас поехал в магазин, чтобы проверить: товара не хватало больше чем на двадцать тысяч злотых.

— И вы не подумали сообщить об этом в милицию?

Снова молчание. Спавач вынул из пачки американскую сигарету и, забыв о хороших манерах, не угостив Ольшака, глубоко затянулся.

— Утром женщина пришла и сказала, что мне все возвращают, а я заплачу десять тысяч «за науку», как она выразилась, и добавила, что они уважают аккуратных плательщиков.

— И все возвратили?

— Кроме двух или трех свитеров. Разумеется, я заплатил. А что оставалось делать?

— Недавно вы были в «Орбисе» со снабженцем завода искусственного волокна. Вы торгуете не только шерстяным трикотажем, не так ли?

Спавач съежился, как бы стараясь уменьшиться, оттянул бабочку, словно она его душила.

— У меня все накладные в порядке.

— И все же вы им платили. Скоро выясним почему. В ресторане с вами был еще кое-кто. Вы помните?

— Это мой старый знакомый.

— Который работает ревизором в ГТИ и зовется Тадеушем Роваком. Подумайте, кто мог знать о некоторых, скажем, нарушениях правил торговли, выявление которых причинило бы вам неприятности? Ваш магазин всегда ревизовал Ровак?

— О нет. Ревизоры ГТИ сменяются довольно часто. Только за последние два года это дело стабилизировалось, если можно так выразиться.

— Меня интересует как раз последнее время.

— Несколько лет назад приходил покойный Сельчик. Могу вас заверить, что он ни разу не обнаружил у меня никаких нарушений. Если бы вы были с ним знакомы, вы бы знали, что этот скрупулезный человек не пропускал ничего. Торговые работники боялись его как огня. Когда он начал работать, некоторые пытались делать ему подарки, но Сельчик пригрозил, что, если это повторится, он передаст дело прокурору. Кажется, раз или два он выполнил свою угрозу.

— А ревизор Ровак не сообщал в милицию о попытках делать ему подарки? Или ему подарков не предлагали?

— Об этом я ничего не знаю. Я говорил уже вам, что Ровак мой старый знакомый. — К Спавачу постепенно возвращались спокойствие и уверенность.

— Думаю, что мы еще встретимся, пан Спавач. Очевидно, с вами захотят поговорить работники отдела борьбы с хозяйственными преступлениями. На всякий случай прошу вас не выезжать из города без нашего на то согласия.

— В чем меня подозревают?

— Мы уже говорили об этом. Соккрытие преступления — тоже преступление; это предусмотрено уголовным кодексом. Естественно, многое зависит от вашей откровенности. Всего хорошего, пан Спавач, — невольно Ольшак впал в тон сидящего против него человека. — Мне очень неприятно, что пришлось отнять у пана столько времени...

Рывок поезда на повороте вывел Ольшака из задумчивости. Три снабженца понизили голоса, рассказывая что-то друг другу шепотом и разражаясь смехом. Содержание одного анекдота, рассказанного чуть громче остальных, дошло до Ольшака, и он улыбнулся: ему еще не приходилось его слышать. Официант, передвигающийся по вагону с ловкостью канатоходца, убрал тарелку из-под супа и сразу же принес отбивную. Ольшак задумался: может ли он позволить себе еще одну чашку кофе? День сегодня выдался исключительно трудный, и поэтому инспектор решил заказать.

Когда он вернулся от Спавача, в управлении его уже поджидал Келка, проверявший в гостиницах по списку пассажиров рейса Париж — Варшава. У сержанта было довольное лицо — значит, вернулся не с пустыми руками.

Только один из пассажиров рейса № 114 посетил их город и останавливался в гостинице «Центральная». Номер зарезервировал Конрад Сельчик за два дня до приезда французского подданного Жана Ромбе.

Француз появился третьего числа около половины десятого. Счет оплатил на следующее утро купонами «Орбиса». В тот же

день он покинул гостиницу. Портье припомнил, что вызывал для иностранца такси и что тот приказал отвезти его на вокзал.

Ольшак выслал срочную радиogramму в бюро регистрации иностранцев при Главном управлении в Варшаве и через два часа получил ответ, что Жан Ромбе остановился в гостинице «Европейская» и занимает № 37 на четвертом этаже...

Именно поэтому Ольшак едет сейчас в поезде. До отхода экспресса у него оставалось не более двадцати минут. Инспектор не успел даже позвонить Гражине, попросил только секретаршу сообщить ей, что вернется завтра утром.

Кофе, принесенный официантом-эквилибристом, неожиданно оказался хорошим. Ольшак пил его очень маленькими глотками, чтобы продлить удовольствие, и чувствовал, что с каждым глотком уходит сонное состояние, вызванное обильным обедом.

Что же общего у Жана Ромбе и Конрада Сельчика? Конечно, этот француз мог оказаться тем человеком в «смешных» ботинках, которые запечатлелись в памяти дворничихи, мывшей пол в лифте! Она видела эти ботинки в половине десятого, поезд приходит в 21.07. Все сходится. Впрочем, связь между этими людьми не вызывает сомнений, ведь Сельчик заказывал номер. Неужели француз приезжал специально к Сельчику? А если да, то почему он ночевал в отеле?

Правда, в квартире Сельчика была одна довольно-таки узкая тахта, но в таком случае польское гостеприимство обязывало принять гостя в доме, а самому переночевать у кого-нибудь, ну хотя бы у Иоланте.

Кстати, об Иоланте. Почему она не вспоминала о приезде иностранца? Только сказала, что Сельчик посмотрел на часы, сорвался и убежал, прихватив ключ от машины. Сельчик был неразговорчивым и скрытным. Так она его охарактеризовала. Скрытным. Но ведь приезд иностранца — исключительное событие в жизни магистра экономики, и уж невеста должна была об этом знать.

Инспектор вернулся в купе. У него было только два попутчика: ксендз, занятый чтением требника, и пожилая женщина, с увлечением поглощавшая потрепанный детектив. Инспектор узнал обложку серии «Серебряный ключ» и подумал, что было бы интересно когда-нибудь прочитать в книге о деле, которое он обязан распутать, хотя он прекрасно понимал, что в ней все выглядело бы совсем по-другому. Вместо него, Ольшака, наверняка выступал бы элегантный детектив с трубкой, который с самого начала имел бы несколько версий, из коих выбрал бы наиболее правдоподобную и ошеломил бы читателя неожиданной концовкой. У него же нет никаких версий, сплошные сомнения и туманы, факты не увязываются, никакой логической конструкции в них усмотреть невозможно. И вообще, следствие развивается помимо его воли. Кажется, что кто-то руководит его действиями, а он всего лишь марионетка, паяц, да, да, именно игрушечный клоун в чьих-то руках.

Когда он изучал обстоятельства смерти Сельчика, тряпичный клоун на тахте ничего ему не говорил. Правда, кукла выглядела какой-то лишней в вылизанной квартире магистра, но откуда могло быть известно, что у нее есть определенное назначение? Потом Козловский, необычное происшествие на вокзале и адрес:

«Солдатская, девятый этаж». Так получилось, что парень хотел говорить именно с ним, в то время когда инспектор мысленно был на девятом этаже дома по Солдатской улице. А потом оказалось, что в записке вовсе не адрес Сельчика, а, предположим, Баси Кральской. Но вместо прояснения новое осложнение. Козловский дает девушке снотворное и выходит с ее ключами. И происходит это именно в ночь убийства, ибо Ольшак уже не сомневается, что это убийство.

Теперь еще этот Бабуля, пожалевший часы, которые могут разбиться при падении с девятого этажа. Лясоцак решил, что Бабуля заговаривается. Кто станет выбрасывать часы с девятого этажа? Но Ольшак знает, что их могли выбросить вместе с владельцем. «Я отдал ключи Сташеку», — сказал Козловский, и больше инспектор ничего не успел от него узнать. Так кому же он передал эти ключи? Бабуле? Нет, имя Бабули — Зенон. Значит, кто-то, кого зовут Сташек, отдал их Бабуле. Тот вошел в квартиру и выбросил Конрада Сельчика из лоджии, предварительно сняв с него часы. Теоретически это возможно. Сельчик был довольно худощавый, весил шестьдесят пять — семьдесят килограммов, и Бабуля мог шутя перебросить его через барьер. Потом ему необходимо было выйти, но двери были заперты изнутри, даже цепочка заложена. Через лоджию и квартиру Кральской? Может, для этого ее и усыпил Козловский?

Это уже кое-как увязывается. Если бы не одна мелочь: прощальная записка самоубийцы. «Прошу никого не винить». И ошибки здесь быть не может — это почерк Сельчика. На большом листе бумаги вполне ясные буквы. Автор детективной повести облегчил бы себе дело, написав, что Сельчика, например, загипнотизировали. Ольшак не может себе этого позволить. У Керча и Стефаныка это не пройдет. Конечно, Сельчика можно было усыпить, тогда выбросить его на улицу не составляло бы труда, а обнаружить незначительную долю снотворного через несколько часов почти невозможно. Впрочем, опять эта записка. Выходит, что Сельчик написал ее, выпил снотворное и ждал, пока его кто-нибудь выбросит из окна? Чепуха!

Пожилая женщина напротив не выдержала и начала перелистывать последние страницы книги, чтобы узнать имя преступника. Ольшак много бы дал за такую же возможность. Но последний раздел детектива, в котором он участвует, еще не написан и, может статься, никогда не будет написан. В архивах полиции многих стран лежат тонны никому не нужных дел, дел, не раскрытых до конца. Иногда объяснение приходит само собой много лет спустя, но многие навсегда остаются загадкой. Может, и то дело, что ведет сейчас Ольшак, станет одним из таких?

Попробуем подойти к нему с другой стороны. Клоуны. Кто-то, очевидно, по роду своей службы, например работая в ГТИ, получил материалы, обличающие многих торговцев и директоров магазинов. По крайней мере, сорока девяти из них. Но ведь список, найденный в квартире Махулевича, может быть неполным. Пытались же шантажировать ювелира Броката, которого в списке не было. Шантажист установил месячную дань, а клоуны были своего рода распиской. Клоуны и список свидетельствуют против Махулевича, но мог ли этот плейбой, гонящийся за юбками и коллекционирующий пластинки битлзов, иметь матери-

алы, оглашение которых представляло в невыгодном свете частных торговцев и директоров государственных магазинов? Список был напечатан на машинке в комнате ревизоров ГТИ. След достаточно выразительный, значит, кто-то из них: Сельчик или Ровак. Любой из них знал довольно много, по крайней мере, мог знать такое, что приводило бы торговцев в трепет. Неужели неподкупный Сельчик начал что-то подозревать? Откуда у него клоун? А Ровак? Говорит, что хотел бы иметь большие деньги, а может, он уже имеет их? Почти пятьдесят коммерсантов, по полторы тысячи злотых с каждого — это около семидесяти пяти тысяч ежемесячно, около миллиона в год. Как долго это продолжалось? Спавач платил три с половиной года, а другие? Нужно проверить.

Ровак действовал в подполье, у него была группа преданных людей. Может, он хотел повторить эксперимент, действовать на этот раз на свой страх и риск? Козловский мог быть одним из подручных. Его непонятный страх, неубедительное объяснение случая на вокзале и одновременно признание в краже со взломом, о которой милиция даже не подозревала, неужели все это только для того, чтобы укрыться в тюрьме? Чего он боится? И Ровак был тогда на вокзале. Кому Козловский отдал ключи? И снова круг замыкается на Бабуле и швейцарских часах, которые ему было жаль выбрасывать с девятого этажа. Но все это не объясняет записки, которую Сельчик написал перед смертью.

Очевидно, инспектор задремал, так как вдруг увидел направленное на него дуло автомата, склонившегося Ровака и услышал его шепот:

— Я недолюбливаю типов с чересчур чистыми руками. Недолюбливаю, понимаешь?

Прошло несколько секунд, прежде чем Олышак понял, что это не Ровак, а проводник, который трясет его за плечо.

— Ну и крепко же вы спите, — сказал проводник с завистью. — Уже подъезжаем к Варшаве.

У вокзала, как он и просил в телефонограмме в Главное управление, его ожидала милицейская «варшава». Упитанного человека средних лет с головой лысой, как яйцо, Олышак знал. Они неоднократно сталкивались по работе.

— Привет, старик! — сказал капитан Беджицкий. — Я решил, может, на что-нибудь тебе пригожусь. Хочешь пощупать француза?

Беджицкий долгое время жил во Франции, его помощь могла оказаться неоценимой, ибо Олышак до сих пор не имел времени даже подумать, что его знания французского языка исчерпываются несколькими словами, которые он произносил с ужасным акцентом.

— Благодарю, — Олышак крепко пожал руку Беджицкого.

— Что же он у вас натворил? — спросил капитан. — Здесь он держится необычайно деликатно. Почти не выходит из гостиницы. Мы на всякий случай за ним незаметно наблюдали. Не знаем, зачем он тебе понадобился. Да, чуть не забыл! Пришли какие-то новые факты, установленные уже после твоего отъезда. Поезжай в «Европейскую», — обратился он к шоферу, одновременно протягивая Олышаку свернутую телетайпную ленту.

Там значилось: «Француз появился в «Центральной» около 21.30, оставил чемодан и вышел. Возвратился спустя полтора часа, портье проводил его наверх. В полночь француз позвонил администратору с просьбой прислать доктора, ибо почувствовал себя плохо. Вызвали «Скорую помощь», которая прибыла в 0.22, что проверено по регистрационной книге. «Скорая» пробыла у француза до 1.30. Врач определил у него почечные колики, сделал успокаивающий укол. В 9.00 француз заказал завтрак в номер и сразу после этого покинул гостиницу. Бабуля у нас, но с часами что-то крутит. Утверждает, что нашел их в трамвае за два дня до случая на Солдатской. Козловский пришел в себя в тюремной больнице, но доктор запретил с ним разговаривать. Машину высылаю к утреннему экспрессу. В случае перемен прошу уведомить. Поручик Кулич».

Деловой парень этот Кулич, времени зря не терял. Ольшак знает, сколько работы требует установление нескольких фактов, которые умещаются на полтора метра телетайпной ленты. А Куличу хватает собственных неслужебных хлопот. Хотя бы эти близнецы, которые ожидают поручика дома.

Шофер с шиком затормозил у подъезда гостиницы.

— Вот и приехали. Пошли, браток, сейчас проверим, не забыл ли я французский.

Беджицкий ввел Ольшака в мраморный холл отеля, обменялся несколькими словами с молодым человеком в замшевой куртке, с трубкой в зубах, склонившимся над «Нью-Йорк таймс», и вернулся к Ольшаку.

— Все в порядке, наш клиент у себя.

13

Ольшак проснулся с ужасной головной болью. За окном начало светать. Он посмотрел на часы — через полчаса будет дома. Инспектор выбрался из неудобной постели. Он не любил спальных вагонов, но вчера выхода не было: с утра его ждала напряженнейшая работа. Ольшак был сильно измучен поездкой в Варшаву, добил его ужин у Беджицких. Капитан, узнав, что до отхода поезда Ольшака еще четыре часа, затащил его к себе. Ужин был обильный, не обошлось без пары рюмок домашней смородиновой наливки. В результате Ольшак снова чуть было не опоздал на поезд, но зато уснул сразу и всю ночь проспал, чего ему никогда в спальном вагоне не удавалось. Инспектор быстро оделся, чтобы успеть выпить кофе у проводника. На вокзале, как и было договорено, его ждала машина из управления.

Домой он вошел на цыпочках, но осторожность оказалась ненужной, так как Гражина уже не спала, а сон Янека не прервала бы даже артиллерийская канонада. Ольшак чмокнул жену в щеку, погладил по волосам, выпил приготовленный кофе, принял душ, отметив, что колонка исправлена (вероятно, вчера жене удалось поймать слесаря), и только после этого проснулся по-настоящему.

Бреясь перед зеркалом, он вспомнил вчерашний разговор в 37-м номере варшавской гостиницы «Европейская».

Француз был небольшого роста, почти как Сельчик, с гладко прилизанными волосами и тонкими усами. Собственно, слово «француз» в данном случае не очень подходило. Капитан Беджицкий оказался ненужным, так как мосье Жан Ромбе родился в Сталевой Воле и звался Яном Ромбеком, пока еще ребенком не попал с родителями во Францию. Говорил он по-польски довольно прилично, только иногда вставлял французские слова. «Ни то ни се, — сказал потом капитан Беджицкий, — польский почти уже забыл, а французскому еще толком не научился. Такая уж у них судьба, братец, — добавил он. — Дети эмигрантов».

Они застали Ромбека сидящим в кресле. На ногах у него были только носки, и это сразу бросилось инспектору в глаза, ибо, помня показания дворничихи, он в первую очередь произвольно посмотрел на ноги французца. В следующее мгновение, однако, он увидел у дивана ботинки, о которых говорила дворничиха. Действительно, такой фасон в Польше не носили. По крайней мере, Ольшак таких не видел. Ничего удивительного, что дворничиха запомнила их. С двойной прошивкой и удивительной застежкой, они казались меньше, чем были на самом деле, если в них умещалась нога французца.

— О, пардон, — улыбнулся Ромбек, — забыл домашние туфли. Чем могу быть полезен?

Ольшак показал ему удостоверение. Ему было приятно, что с французом можно говорить без переводчика.

— Несколько дней назад вы посетили одного человека в N.

— Да, — ответил тот, — в этом городе я навещал своего кузена Конрада Сельчика. А в чем дело?

— Конрад Сельчик трагически погиб в ночь с третьего на четвертое сентября. Я веду следствие. — Инспектору не хотелось выкладывать этому человеку сразу все, что ему было известно, он решил дозировать информацию. В первый момент его поразило сообщение, что француз был кузеном Сельчика. Сейчас, присмотревшись к нему, Ольшак заметил даже какое-то сходство с фотографией покойного, которую он получил на следующий день после происшествия на Солдатской.

— Oh, terrible!.. Это ужасно, — поправился Ромбек. — Это ужасно, — повторил он, — хотя этого и можно было ожидать.

— Прошу вас, расскажите все, что вам известно.

— Сельчик — мой двоюродный брат. Мы переписывались в течение нескольких лет, хотя никогда не виделись. Встретились мы только третьего сентября, да, это было третьего, в день моего приезда. Еще в письмах мы договорились, что он будет ждать меня на вокзале. Конрад был с машиной. Я не знал, что у него есть автомобиль, и очень удивился, но он объяснил, что этот автомобиль, — Ромбек запнулся, подыскивая нужное слово, — его будущей жены, — нашелся он.

— Как вы узнали друг друга?

— Мы об этом тоже подумали и обменялись фотографиями. Вы сказали, — Ромбек посмотрел Ольшаку в глаза, — он трагически погиб. Что это было, самоубийство?

— Вы позволите сначала задать вам несколько вопросов?

— Bien, понимаю. Полиция везде одинакова. Предпочитает спрашивать, а не отвечать. — Ромбек слабо улыбнулся. Было

видно, что он взволнован, хотя старался взять себя в руки. Известие о смерти кузена потрясло его. Он вынул пачку сигарет («Галуаз», — заметил Ольшак), предложил их Беджицкому и инспектору и закурил сам.

— Вы говорите, что именно этого можно было ожидать. Правильно ли я вас понял? Невеста пана Сельчика и все, кто его знал, были удивлены его смертью.

— Он был очень взволнован, — Ромбек внезапно закашлялся, поперхнувшись дымом. — Я пытался понять, что его угнетает, — продолжал он через мгновение. — Думал даже, что мой приезд не ко времени, иногда это случается, не правда ли? — Он говорил медленно, старательно подбирая слова, и лишь иногда неправильно поставленное ударение действовало на слух, словно скрежетание металла по стеклу. — Он ничего не хотел мне говорить ни в машине, ни позднее, дома. Только за ужином совершенно неожиданно попросил у меня, нет, это не то слово, он потребовал, чтобы я дал ему тысячу долларов. Я не ожидал этого и был чрезвычайно удивлен. Конрад никогда и ни о чем не просил, напротив, присылал мне книги и пластинки, а когда однажды, желая его отблагодарить, я послал ему кое-какие мелочи, ну, знаете, нейлоновые рубашки, которые у нас очень дешевы, он был буквально оскорблен. Он написал мне, что у него все идет хорошо, он работает, купил квартиру и доволен жизнью. Именно поэтому меня удивило его требование. Тысяча долларов — это пять тысяч франков, куча денег, почти автомобиль, конечно, дешевый автомобиль. Я неплохо зарабатываю, и на моем текущем счету в банке лежит несколько тысяч долларов, однако это бесцеремонное предложение поразило меня. Естественно, я спросил, зачем ему столько денег. Сначала Сельчик не хотел отвечать. Но потом довольно туманно намекнул на какой-то шантаж, на то, что кто-то требует от него денег и, если он не заплатит, его карьера кончена.

— И вы дали ему деньги?

— Но, мосье инспектор, кто же носит при себе такую сумму? Перед поездкой в Польшу я купил в бюро путешествий купоны «Орбиса» на оплату отелей и ресторанов. У меня, конечно, было несколько сот франков и чековая книжка, но Конрад не смог бы реализовать в Польше этот чек. Я посоветовал ему пойти в полицию, то есть в милицию.

— И что он ответил?

— Сказал, что если не достанет этих денег, то ему остается только покончить с собой. Поэтому я и спросил вас, не была ли его смерть самоубийством. Моп Dieu, если бы я знал, что он это делает, я достал бы ему эти деньги и переправил бы их в Польшу... Но знаете, знакомые предупреждали меня перед отъездом, что некоторые наши земляки, не все, конечно, думают, что мы там, на Западе, гребем деньги лопатами. Я сказал Конраду об этом, вспылил, так как был на него зол, прошу простить мне это. Я уехал отсюда ребенком, и в первый же день приезда такая история! Расстались мы не прощаясь. Я чувствовал себя обиженным. Думал, что Конрад придет в гостиницу, чтобы извиниться, но он не появился. Все это подействовало на меня, я расстроился, и, как это иногда случается

со мной, у меня начался приступ, — Ромбек приложил руку к почкам, — забыл, как это называется, что-то вроде укола.

— Почечные колики, — вставил Ольшак.

— Да, именно так называл это доктор из «Скорой помощи». Очень симпатичный человек и очень сердечный. Просидел около меня несколько часов.

— До половины первого.

— Вы и это уже знаете? Ах, понимаю, иногда читаю детективы. У нас есть такой писатель — Сименон, вы слышали? Герой его произведений — комиссар Мегрэ. Мне кажется, что он похож на вас, только он курит трубку, по крайней мере в фильмах, — Ромбек остановился, как бы что-то припоминая. — Бедный Конрад, — сказал он, помолчав. — А вам неизвестно, почему он это сделал? Вы не обнаружили тех шантажистов? Это действительно ужасно! — Ромбек встал, подошел к окну и распахнул его.

— Вы вспоминали здесь о будущей жене Конрада Сельчика. Он вам говорил что-нибудь о ней?

— Конрад писал, что намеревается жениться. Я думал, что он представит ее мне. Так, наверное, и произошло бы, если бы не этот странный разговор между нами. Мне хотелось пробыть у него, по крайней мере, три или четыре дня и только потом посетить Краков, Закопане, Варшаву. Я приехал лишь на десять дней, так как мой шеф не отпускал меня на более долгий срок. Я работаю директором отдела рекламы большой фирмы электронного оборудования. Это очень хорошая работа, только на отпуск почти не остается времени.

— Значит, вы так и не увидели Иоланту Каштель?

— Да, действительно, ее звали Иоланта. Я уже, кажется, говорил, что не знаю даже, как она выглядит. А жаль. Конрад писал мне, что она замечательная девушка, что они хорошо понимают друг друга...

— Когда вы возвращаетесь во Францию?

— Через три дня. Я купил обратный билет еще в Париже. Но решил, что обязательно снова приеду в Польшу. Эта прекрасная страна сильно изменилась. Может быть, наша фирма будет с вами торговать. Жаль Конрада... Теперь у меня никого здесь не осталось.

— Давайте еще раз вернемся к вашему вечернему разговору. Прошу вас, попробуйте сосредоточиться и припомнить, не называл ли Сельчик каких-нибудь имен или не говорил что-либо о человеке, который его шантажирует. Может быть, это помогло бы нам.

— Попробую. Конрад сказал: «Это страшный человек, холодный и беспощадный». Да, вспомнил! — подскочил Ромбек. — Этот человек играет в шахматы. Конрад сказал: «Холодный, расчетливый шахматист, который умеет предвидеть на пять ходов вперед». И добавил еще: «Или он меня убьет, или я вынужден буду покончить с собой...»

Уходя, Ольшак попросил у Ромбека спички, объяснив, что его сын филуменист.

Как только они с Беджицким вышли из отеля, Ольшак старательно завернул коробок в приготовленную салфетку. Необходимо снять отпечатки пальцев с этого коробка и сравнить

с обнаруженными в квартире Сельчика. Хотя Ромбек и не отрицал, что был там, формальности необходимо выполнить.

...Ольшак побрился и уже надевал пиджак, когда зазвонил телефон. Звонил Кулич.

— Шеф, Бабуля раскалывается!

Действительно, Бабуля «раскалывался». Поручик ожидал Ольшака в его кабинете. Стенографист устроился за столом, Бабуля сидел, полуразваляясь, в кресле.

— Ничего вы мне не сделаете, — захихикал он, увидев входящего Ольшака.

— Расскажи еще раз, как все было, пану инспектору. Он тоже хотел бы послушать, — обратился к нему Кулич. Глаза поручика были припухшими, очевидно, близнецы снова не давали ему спать.

— Могу и повторить, почему же нет? Все равно вы ничего мне не сделаете. Значит, у него были ключи, и он остановил машину перед таким высоким домом. Ну, сами знаете перед каким, верно? Ну, в новом районе. Там не разобрать, какая где улица. Ну, значит, подъехали мы на машине, а потом поднялись на лифте на самый верх. Он дал мне ключи, приказал отпереть дверь, но перед этим проверил, есть ли у меня перчатки, и велел ни до чего не дотрагиваться. Потом приказал запереть дверь изнутри на цепочку и повернуть ключ, ну, я это и сделал, а он сам вошел в соседнюю квартиру, тут же рядом, от которой также имел ключи. А потом я увидел его уже на балконе, там был такой общий балкон, только стенка его разделяла. Ну, значит, я подтащил покойника, как он мне приказал, и положил его на барьер, а потом он подал мне руку, и я перелез на другой балкон. Боялся смотреть вниз, — снова захихикал Бабуля, — жутко высоко. У меня ноги дрожат, когда я с моста вниз смотрю. Значит, он велел мне не смотреть, держаться за стену и его руку. Кое-как перелез. А потом достаточно было немного высунуться, приподнять покойнику ноги, чтобы он грохнулся вниз головой.

— Покойнику? — только теперь спросил Ольшак. Еще раньше он хотел задать несколько вопросов, но знал, что такого оратора, как Бабуля, лучше не прерывать.

— Конечно, живого ведь я бы не выбросил. А покойнику все равно.

— Но прежде ты снял с него часы?

— Было дело. А вы бы удержались? Жаль мне их стало.

— Откуда ты знал, что он мертв?

— Он мне сказал.

— Кто он?

— Ну я же говорил. Пан Махулевич, который привез меня на машине.

— Человек, которого ты выбросил, стал мертвецом только на земле. А когда ты снимал с него часы, он был еще жив.

Ольшак рассчитывал, что эти слова испугают Бабулю и тот начнет доказывать, что не знал этого, или, наоборот, замолчит. Но такой реакции он не ожидал. Бабуля сдвинул брови, на лице его отразилось что-то вроде работы мысли.

— Может быть, — сказал он наконец спокойно. — Я сразу об этом подумал, когда были на балконе, а потом в квартире,

где спала такая красивая женщина. Пан Махулевич не позволил мне даже дотронуться до нее. И вообще, мы сидели тихо, как мыши, по крайней мере, два часа.

— Значит, ты сказал Махулевичу, что тебе показалось, будто тот человек жив...

— Да, он вроде дышал. Я так и сказал. Но Махулевич обозвал меня дураком. А я и сам знаю, что я дурак. И поэтому вы ничего мне не сделаете.

— Сколько ты получил за это?

— Пять, как и договаривались. Если бы я наверняка знал, что покойник еще живой, то Махулевичу пришлось бы раскошелиться на две тысячи.

— Но ты же получил пять, — вставил Кулич.

— Пять сотен, — терпеливо объяснил Бабуля. — Значит, он меня обманул и тот парень был еще жив? — Он задумчиво pokrutil головой. И все продолжал что-то бормотать, пока капрал выводил его из кабинета Ольшака.

— Ну и как? — спросил Кулич.

— Хорошая работа, — похвалил Ольшак. — Махулевича взять сейчас же. Если ты в состоянии, поговори с ним, прежде чем я вернусь. Потом я возьму его в оборот. Ты плохо выглядишь.

— Интересно, как бы ты выглядел, выстирав и выгладив сто двадцать пеленок? Вот если бы у нас родилась четверня, как под Познанию, мы бы хоть няньку получили, а так приходится мучиться самим.

14

По дороге к месту работы Иоланты Каштель Ольшак попытался мысленно привести в порядок полученные сведения. Интуитивно он чувствовал, что дело подходит к концу, что восстановление недостающих звеньев — вопрос ближайшего времени.

Итак, некто, имеющий доступ к материалам, компрометирующим многих здешних частных торговцев и директоров государственных магазинов, решает на этом заработать. Это расчетливый человек, шахматист, способный предвидеть на несколько ходов вперед. Он знает условия конспиративной работы и решает организовать банду шантажистов. Известно, что он склонил на свою сторону Махулевича. Может быть, и на него имел компрометирующие материалы.

Известно также, что в этой банде есть молодая женщина, брюнетка в темных очках. Непонятно, почему Ольшаку вдруг припомнилась девушка, с которой он как-то видел на улице Янска. Однако инспектор отогнал от себя эту нелепую мысль. Цвет волос ни о чем еще не говорит, женщине перекрасить волосы ничего не стоит. Остается лишь голос, который можно установить при очных ставках. Но сейчас не с кем устраивать очных ставок, это дело будущего, придется еще долго разбираться, прежде чем отправить кое-кого на государственное содержание. Итак, Махулевич входит в эту банду и наверняка играет в ней не последнюю скрипку, поставляя автору замысла трюпичных клоунов. Нужно выяснить, кому он их передает: главарю или этой жен-

щине. Знает ли он ее? Если организатор всего этого мероприятия человек расчетливый, то скорее всего он будет стараться, чтобы как можно меньше людей было посвящено в его настоящую роль.

Нет, что-то здесь не сходится. Сегодня утром звонил Лясочак с известием, которое представляет в совершенно ином свете показания ювелира Броката. Пропавшее серебро нашлось. К Брокату сразу же послали следователя. Ювелир сначала пытался отвертеться, однако вскоре признался, что действительно под задней дверью магазина нашел подброшенный сверток. Уверяет, что не платил за это никакого выкупа. Но тогда чем же вызван этот благородный поступок? Метод возвращения украденных вещей уже был проверен на Спаваче: доморощенному лорду это дорого стоило.

«А может, — зародилась вдруг у Ольшака почти абсурдная мысль, — возвращение серебра — оплата за услугу, которую оказал ювелир, раскрывая милиции весь механизм действия банды?» Это объясняло бы непонятный страх ювелира и то странное чувство, которое не покидало Ольшака с самого начала следствия, что кто-то направляет его усилия в поисках правды, более или менее ловко подсовывая материал для разоблачения банды. Неужели конкуренты? А может, кто-то поссорился с главарем и хочет выдать милиции всю шайку? Но зачем? А может, — снова совершенно абсурдная мысль — сам главарь ведет эту игру? Но опять же с какой целью? Или у него еще что-то за душой? Может, хочет отвести внимание от чего-то? Или его забавляет эта игра, или он маньяк, психопат, уверовавший, что ему все сойдет с рук?..

Ну и что из этого? Все это лишь домыслы, предположения, тени улик, и никаких доказательств. Он не может даже арестовать Ровака. Неужели тот шантажист так продумал детали, что, уничтожив весь старательно налаженный механизм, сам остался в тени? Но ведь есть Махулевич, против которого набралось столько, что можно уже предъявлять обвинение. Припертый к стене, он наверняка скажет о своем шефе, если только он его знает. Да и сам он был не простой пешкой в шайке...

Теперь Сельчик. Ромбеку он сказал о шантаже, а Иоланте нет. Отпечатки пальцев на спичечной коробке идентичны обнаруженным в квартире Сельчика, такие же были и на окурке, найденном в лоджии. Этого следовало ожидать. Что же дальше? От Ромбека удалось узнать только, что Сельчик боялся какого-то шахматиста. Может, Сельчик напал на след шантажистов и ему объявили шах, подсунув клоуна? То есть дело об убийстве по-прежнему остается невыясненным. Необъяснимо и прощальное письмо...

Только одно могло бы все объяснить: если предположить, что Сельчик, а не Ровак был главарем шайки. Ведь магистр экономики мог знать столько же, сколько и Ровак. Репутация неподкупного ревизора ему совсем не мешала, напротив, он был вне подозрений. Но вот в один прекрасный день Сельчик приходит к выводу, что жизнь ему надоела. Он пишет прощальное письмо, выпивает снотворное, разыгрывая перед Иолантой и ее приятельницей расстроенного человека, ведет идиотский разговор со своим кузеном. А перед этим по телефону договари-

вается с Махулевым о том, чтобы выбросить из окна человека, проживающего на Солдатской улице.

Махулевич, естественно, не подозревает, о ком идет речь, а если к тому же не знает Сельчика в лицо, то не догадывается, что шеф имеет в виду самого себя. Впрочем, Сельчик подстраховывается тем, что приказывает Махулевичу оставаться в соседней лоджии, в его же квартире действует Бабуля, который, конечно же, не имеет понятия, кто такой Сельчик. Потом он пишет прощальное письмо и, приняв снотворное, спокойно ожидает, когда Бабуля придет и выбросит его из окна. Ничего не скажешь, прелестный способ самоубийства. И какая головоломка для следствия! Но зачем такие сложности? Мало ли других способов лишить себя жизни?

«Вот до чего можно додуматься», — улыбнулся про себя Ольшак, но где-то в глубине души он понимал, что только эта совершенно идиотская версия объяснила бы прощальное письмо самоубийцы, не отвергая одновременно подтвержденного показаниями Бабули факта убийства.

Инспектор остановился перед высоким зданием, где помещалось несколько учреждений. В одном из них работала Иоланта Каштель. К сожалению, в секретариате директора, где Ольшак надеялся ее застать, он увидел пожилую полную даму, которая привела его в изумление скоростью, с которой она ударяла по клавишам машинки. Если бы можно было дать ей двойную ставку, Ольшак, не задумываясь, предложил бы ей работу у себя, но это практически было невозможно, ибо по смете машинистке полагается определенная зарплата и никто не вправе нарушать финансовую дисциплину. Так что шансы переманить эту даму в управление невелики. Женщина допечтала фразу и, не отрывая рук от клавиш, вопросительно взглянула на Ольшака. Она объяснила, что пани Каштель больна.

...Однако Иоланта в своем воздушном халатике больной не казалась. Девушка не удивилась приходу инспектора и пригласила его в свою комнату, извинившись за хаос, который там царил. На столе стоял чемодан, набитый разными тряпками.

— Прошу прощения, пап капитан, но сегодня я занялась зимними вещами.

Ольшак, в свою очередь, извинился за внезапный приход, о котором у него не было времени предупредить пани Каштель. Здесь он немного покривил душой, ибо на самом деле ему необходимо было застать Иоланту врасплох, чтобы не дать ей времени подготовиться к разговору, и удивился, что этого не достиг. Правда, Иоланта не выглядела больной, но, боже мой, Ольшак не собирался проверять ее служебную дисциплину и прекрасно понимал, что молодая женщина после всех выпавших на ее долю переживаний имеет право немного отдохнуть, а домашние дела, как известно, отличная разрядка для нервов. Но сейчас Иоланта не казалась и подавленной, напротив, она была спокойной, холодной, сдержанной.

На маленьком столике стояла фотография Сельчика, перевязанная черной ленточкой. Такая демонстрация траура показала Ольшаку несколько искусственной, фальшивой, но какое, в конце концов, ему дело, как Иоланта чтит память своего умершего жениха. Он взял в руки карточку и некоторое время

разглядывал ее. Он заметил, что с обратной стороны фотография подклеена плотной бумагой. Инспектор оставил ее и огляделся. На крючке висел клетчатый халат, под ним стояли большие домашние туфли. Иоланта заметила его взгляд.

— Я еще ничего не трогала, все осталось так, как было при Конраде. Очевидно, мне придется поменять комнату, а жаль, мне она нравилась. Вы ведь знаете, как трудно снять недорогое жилье, да еще с телефоном. Но пока я отсюда не уеду, не смогу дозвониться до его вещей.

— Понимаю, — проворчал Ольшак. — Вам очень тяжело.

У него вдруг появилось непреодолимое желание спросить ее, носит ли она черный парик, однако он с трудом от этого удержался.

— Пани Иоланта, — сказал он, — дело усложняется. Я вынужден задать вам несколько вопросов.

— Если я смогу вам чем-нибудь помочь... Скажите мне правду: вы считаете, что это не было самоубийством? — И, не дождавшись ответа, добавила: — Его убили? Но как же это возможно, ведь есть письмо...

— Я бы сам хотел это знать. В вашей машине — вы, наверное, помните — мне попался обрывок багажной бирки. Я спрашивал еще, что вы можете об этом сказать.

— Не имею понятия, — ответила Иоланта. — Может, Конрад кого-то подвозил?

— Мне известно даже кого: своего кузена из Франции, если мне не изменяет память, рекламного агента какой-то большой фирмы. Жан Ромбе, так его зовут, был в день смерти вашего жениха здесь. Пан Сельчик встретил его на вокзале и на вашей машине привез его к себе. Почему вы скрыли это от нас?

В ее глазах появилось удивление.

— Приехал Жан? Именно в тот день? Конрад мне ничего не говорил.

— Но вы знали, что у Сельчика во Франции есть кузен, который намерен его посетить?

— Я знала о существовании Жана, но даже не имела понятия, что он собирается в Польшу. Мне известно, что они переписывались с Конрадом и, — она задумалась, — пожалуй, больше ничего.

— Однако мы не нашли ни одного письма в квартире на Солдатской.

— Ох, я же говорила, что Конрад был педантичен до неестественности. Не принято говорить плохо об умершем, но меня всегда раздражала его чрезмерная аккуратность. Он выбрасывал все ненужные бумаги, даже мои письма.

— Вы говорите, что в тот вечер он очень спешил, смотрел на часы и, сказав, что в его распоряжении только двенадцать минут, убежал. И вас в самом деле не заинтересовало, куда он так спешил?

— Простите, но мы доверяли друг другу, — ответила Иоланта холодно. — Если кто-то из нас хотел сказать что-нибудь, то говорил. Конрад знал, например, что я люблю танцевать. Иногда я сообщала ему, что иду в «Спутник». Он же презирал такое времяпрепровождение, предпочитая работать над докторской диссертацией или читать толстые книги по экономике, названия которых я даже не понимала. Мы действительно любили друг друга и поэтому решили, что, поскольку у нас разные интересы, будем их взаимно уважать.

— Пан Сельчик не жаловался вам на денежные трудности? Не был ли в последнее время чем-то озабочен?

— Зарабатывали мы немного, но оба не любили расточительности. У меня есть тетка в Англии, которая присылает мне кое-какие тряпки, а я люблю хорошо одеться. Конрад же не заботился ни об одежде, ни о еде и поэтому очень мало тратил на себя. Когда он решил купить себе квартиру, я спросила, не нужно ли ему денег. Ведь она должна была стать нашей общей квартирой, а я как раз скопила на заграничную поездку несколько тысяч злотых. Конрад ответил мне, что деньги он уже внес, чтобы я не беспокоилась и отправлялась в свое путешествие, о котором столько мечтала.

— И вы поехали?

— Наша группа выезжает только пятнадцатого ноября, через два месяца, но теперь я не знаю, поеду ли. Всю жизнь мечтала побывать в Италии, увидеть Венецию, Падую, Флоренцию, а теперь, — она приложила платочек к глазам, — сама не знаю. Ничего мне не хочется, все утратило смысл. Вы даже не представляете, каким человеком был Конрад.

— Значит, у него не было финансовых затруднений, тогда зачем же ему понадобилась тысяча долларов? И притом срочно.

— Тысяча долларов? Это очень большие деньги. Я получу, — Иоланта улыбнулась впервые за время разговора, — всего двенадцать долларов на карманные расходы. Не знаю, в самом деле не знаю.

— Он просил у пана Ромбека тысячу долларов. Говорил о каком-то шантаже. Женщина должна была почувствовать что-то неладное, тем более любящая женщина...

— Конрад был какой-то беспокойный в последнее время, это правда. Боялся ли он чего-нибудь? Сейчас, когда вы об этом сказали, мне начинает казаться, что действительно боялся.

— Он ничего не говорил о том, что кто-то его шантажирует?

— Нет, об этом разговора не было, но кое-что я теперь вспоминаю. Не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение, но Конрад сказал как-то об одном знакомом: «Этот холодный негодяй меня ненавидит». Я еще спросила, кого он имеет в виду, уж не начальника ли. Он отрицательно покачал головой. Больше я ничего от него не добилась. Вечером, когда мы после ужина собрались спать, он спросил: «Разве не идиотизм носить к полосатой сорочке белый платок в кармашке пиджака?» Я удивилась, так как не совсем поняла его вопрос, и до сих пор не знаю, что Конрад хотел этим сказать. Я даже не пыталась расспрашивать, ибо знала, что ничего не добьюсь от него, и отделалась каким-то банальным ответом, вроде того, что если это кому-то нравится, то почему бы не носить. Но Конрад так мне ничего и не объяснил. — Иоланта смотрела в окно, словно избегая взгляда Ольшака.

Инспектор встал и молча пожал ей руку.

— Вы все же поезжайте в Италию, — сказал он уже в дверях. — Нужно уметь забывать, иначе нельзя жить.

И неизвестно почему ему вспомнилось вдруг лицо Баси Кральской.

15

На следующий день до трех часов о Махулевиче не было никаких известий. Ольшак приказал на всякий случай сообщить его приметы и номер его автомобиля всем милицейским постам воеводства и патрульным дорожной инспекции и подумывал уже, что придется через Главное управление объявить общий розыск. Но этого не потребовалось, так как Махулевич неожиданно появился у себя на квартире, где со вчерашнего дня его ждал Кулич со своими людьми. Махулевич был скорее удивлен, нежели испуган, арестом. Очевидно, Марыся Клея неплохо сыграла роль провинциалки, если Махулевич ничего не подозревал.

«Очень точно она его охарактеризовала», — решил Ольшак, когда к нему привели Махулевича.

— Не понимаю, пан капитан, что вам от меня нужно. Дела я веду честно. Мое предприятие приносит доход государству, недавно я снова заключил контракт о поставках продукции на экспорт.

— Вы собираетесь продавать за границу клоунов? — невинно спросил Ольшак, положив перед арестованным тряпичную куколку. — Их выпускает ваше предприятие, не так ли?

— Да, — ответил Махулевич, внимательно разглядывая игрушку. — Мы выпускали их год назад, а сейчас прекратили из-за отсутствия сбыта. У меня осталось еще несколько сот непроданных. Ну что же, торговля требует риска, — улыбнулся он спокойно. — Тайна покупательских вкусов. Сегодня клоуны идут нарасхват, а завтра на них никто не хочет смотреть. К сожалению, финотдел не хочет понять трудностей, с которыми сталкивается частный предприниматель и чем он ежеминутно рискует.

— Если судить по цене, которую вы назначили за это тряпичное безобразие, — сказал Ольшак, — риск должен быть большим.

— Не понимаю, о чем вы, — рассмеялся Махулевич. — Оптовая цена за клоуна, установленная комиссией цен, составляет, если мне не изменяет память, девятнадцать золотых. При закупке более пятисот штук я делал пятипроцентную скидку. К сожалению, только однажды у меня была такая приятная возможность. Я продал сразу две тысячи штук. Мне показалось, что клоуны пойдут хорошо, но я ошибся.

— Кому вы продали две тысячи?

— Ах вот вы о чем! Этим уже интересовались и ГТИ, и финотдел. Как-то появилась у меня молодая женщина. Сказала, что хотела бы приобрести две тысячи клоунов. Естественно, на складе у меня столько не было, поэтому мы заключили договор, вернее обговорили условия, ибо я избегаю ненужных формальностей, которые так нервируют нас в общественной торговле. И действительно, эта женщина приехала через неделю, заплатила мне все, что причиталось, минус скидка и забрала игрушки. Только я ее и видел. Я куда-то затерял копию счета, поэтому через несколько недель написал по адресу, который она мне оставила: «Варшава, улица Мархлевского, павильон № 49». Однако вскоре получил ответ, что в указанном месте адресат не значится. Меня это очень удивило, и при первом же посещении Варшавы я пошел в управление торговли, где мне сказали, что владельца магазина с фамилией, которую назвала мне эта женщина, в Варшаве нет. В итоге я так и не получил копии счета, что пронырливому ревизору Роваку из ГТИ сразу же показалось подозрительным.

— А вам бы не показалось? — спросил Ольшак. — Кто-то покупает две тысячи клоунов и исчезает без следа.

— Но мне заплатили наличными, пан капитан. Это меня несколько удивило, но я подумал: а вдруг у моей покупательницы две тысячи детей, — Махулевич опять улыбнулся, довольный своей шуткой.

«Он держится так, — подумал Ольшак, — будто ждал моих вопросов и заранее приготовил на них ответы».

— Та женщина — брюнетка в черных очках, не так ли?

— Конечно, — ответил машинально Махулевич.

— Почему «конечно»? — наступал Ольшак.

— Особа, таинственно исчезнувшая после приобретения двух тысяч клоунов, должна выглядеть таинственно, не правда ли? Пан инспектор прекрасно ее себе представил.

Махулевич явно издевался над ним, и Ольшак не выдержал.

— Приведите задержанного! — рявкнул он в трубку.

Но Махулевич не смутился, увидев Бабулю.

— Это он? — спросил Ольшак.

— А как же! — подтвердил Бабуля. — Кому же еще быть? Я ведь говорил — пан Махулевич.

Инспектор жестом попросил увести Бабулю.

— Вы знаете этого человека?

— Этого идиота? Разумеется. Иногда я использую его на складе, когда нужно перетащить какую-нибудь тяжесть. Сильный, бестия.

— И поэтому вы наняли его для того, чтобы сбросить Сельчика с девятого этажа?

Махулевич беспокойно заерзал на стуле.

— Что вы делали в ночь с третьего на четвертое сентября?

— Не помню. Сомневаюсь, чтобы и вы помнили, чем занимались в ту ночь.

— Я помню, — сказал Ольшак. — В ту ночь я осматривал тело человека, который выбросился с девятого этажа, то есть в то время я думал, что он выбросился, а оказалось, что его выбросил из лоджии Бабуля, которому вы заплатили пятьсот злотых и помогли перебраться из квартиры Сельчика в соседнюю лоджию Кральских, лани Барбары Кральской, — поправился инспектор неизвестно для чего.

— Прошу прощения, — Махулевич наклонился в его сторону, — на такое серьезное обвинение могу сказать только то, что готов привести к вам трех своих знакомых, с которыми провел ночь с третьего на четвертое сентября. Мы играли в бридж, пили водку, и они в случае нужды могут присягнуть, что я не выходил из дома. Что вы скажете на это? Что представите суду? Показания идиота, невменяемость которого подтверждалась неоднократно и которому можно внушить все, что угодно.

— Я постараюсь, — спокойно ответил Ольшак, — арестовать ваших приятелей по обвинению в даче ложных показаний. Кроме того, представлю суду Войцеха Козловского, который утверждает, что вручил вам ключи, украденные у Барбары Кральской, а также приведу показания соседки покойного, — здесь инспектор пошел на риск, — которая видела, как вы входили в квартиру Барбары Кральской около часа ночи.

Махулевич потянулся к пачке сигарет, лежавших перед Ольшаком. Капитан пододвинул ему спички и подождал, пока тот прикурит.

— Все ясно, — произнес наконец Махулевич. — Жить недолго, но интенсивно — таков мой девиз. Что вы хотите от меня услышать? Знаю, что чистосердечное признание суд примет во внимание. Я юрист, правда, без диплома.

— Зачем вы это сделали?

— Мне было приказано. Сельчик был мертв. Нужно было создать видимость самоубийства.

— Сельчик был жив. И это было убийство. И вы его участник. Кто вам приказал?

— Человек, который держал меня в руках, который мог... Впрочем, это ни к чему...

— Который мог посадить вас на несколько лет, что, кстати, вас и сейчас не минует. Соучастие в убийстве — это не шутка,

и жизнь ваша в тюрьме будет совсем не короткая и далеко не интенсивная.

— Могу поклясться, что я ничего не знал, думал, что Сельчик мертв. Так мне сказал... — Махулевич запнулся.

— Шеф, — докончил за него Ольшак. — Кто он?

— Не знаю. Я никогда его не видел в лицо.

— Он руководил вами по телефону? — с иронией спросил Ольшак.

— Иногда да, но обычно отдавал приказания при встрече.

— Значит, все-таки вы видели его?

— В лицо — никогда. Все происходило так. В назначенный день и час я останавливал машину с погашенными фарами на двадцатом километре Варшавского шоссе. Ждать приходилось несколько минут, потом появлялся шеф, открывал дверцу и садился на заднее сиденье прямо за мной. Мне нельзя было оглядываться. Перед каждым свиданием я должен был обвязывать зеркальце заднего обзора носовым платком. Мы все обговаривали, то есть он давал мне поручения и деньги.

— Много?

— Десять тысяч ежемесячно.

— Какие же были поручения?

— Запугать какого-нибудь торговца, организовать кражу. У меня была группа парней, таких, как Козловский.

— А что вы делали с украденными вещами?

— Передавали шефу.

— Когда вы получили приказание убить Сельчика?

— Я не убивал, — возмутился Махулевич. — Мне было поручено организовать выброс трупа из окна. На убийство я бы никогда не решился, и если бы знал... — он запнулся, как бы поняв, что пошел бы на все, поскольку шеф держал его в руках. — В прошлую среду, — сказал он, помолчав.

— Неделю назад, — констатировал Ольшак. — Немного же у вас было времени для приготовлений. Вы встретились опять на Варшавском шоссе в темной машине?

— Мы встречались там всегда каждую неделю. То есть шеф иногда не являлся, но я всегда должен был его ждать в двадцать два часа. Однажды он появился только через месяц.

Ольшак взглянул на часы. Шел пятый час. Еще есть время: ведь сегодня среда. Шеф, конечно, может не появиться, но все-таки..

— Ключи от вашей машины! Мы сегодня воспользуемся ею, надеюсь, вы не будете возражать? Помощь в поимке преступника также может быть принята судом во внимание.

— Знаю, — ответил Махулевич. — Ключи среди вещей, которые у меня отобрали при аресте.

Ольшак успел еще вздремнуть перед операцией, но сон не улучшил его настроения. Поездка на Варшавское шоссе — только формальность. Инспектор знал, кто будет ожидать его на двадцатом километре, но что-то мешало ему чувствовать себя победителем. Чересчур легко дается ему победа. Через час он поймает неуловимого шефа банды, терроризировавшей торговых работников их города, человека, который отдал приказ убить Сельчика... Во время дальнейшего допроса Махулевич показал, что знал ревизора ГТИ только понаслышке, сам к нему ни-

каких претензий не имел, а только исполнял приказ своего шефа. Но ведь и поимка главаря не объяснит последнего письма Сельчика. В беспокойном мозгу крутятся какие-то наблюдения, обрывки разговоров, которые Ольшак никуда не может пристроить, и все-таки они его беспокоят. Почему, например, француз сидел в одних носках? «Чушь! Просто я заработался», — решил инспектор.

Перед зданием управления уже стояла машина Махулевича, а в черной «Волге» Ольшак увидел Кулича и помахал ему рукой.

Инспектор с наслаждением развалился на мягком сиденье автомобиля. Едва он дотронулся до педали, как машина рванулась с места. Ольшак даже вздрогнул. Ему редко приходилось водить машину, а если он и садился за руль, то чаще всего старой миллийской «Волги», разболтанный ход которой напоминал трусцу стельной коровы. Уже через минуту он полностью освоился с управлением машины. Хорошо, что сейчас его не видит жена, мечтающая о собственном автомобиле! Едва выехав за черту города, Ольшак сильнее надавил на педаль. Машина шла почти бесшумно, дальний свет разгонял темноту и равномерный шелест шин нагонял дремоту. Инспектор бросил взгляд на спидометр: сто сорок километров в час! А ему казалось, что не больше восьмидесяти. Живи хоть сто лет, но никогда у тебя не будет подобной машины! А вот Махулевич мог позволить себе такую. Единственная разница в их положении, что Махулевич отправится на длительную отсидку, а он будет наслаждаться свободой. «И все-таки мы купим машину!» — решил Ольшак и сбавил скорость. Где-то здесь должен быть двадцатый километр. Ольшак развернулся: Махулевич всегда ставил машину, развернувшись к городу. Инспектор выключил фары и посмотрел на часы. Еще десять минут. Он знал, что не遠де, за поворотом, стоит «Волга» с Куlichem, а в ближайших кустах притаились его люди. Прождут ли они напрасно или этот тип все-таки появится? Тогда в «Спутнике» он говорил, что мечтает о миллионах... А может, ему нравится сама игра?

Инспектор переложил пистолет из кобуры в карман пиджака. Если тот заподозрит неладное, то пойдет на все. Махулевич показал на допросе, что во время бесед со своим шефом ощущал между лопатками прикосновение твердого предмета. Значит, у него есть оружие.

Больше всего инспектор хотел, чтобы незнакомцем, который сядет в машину, оказался не старший ревизор Государственной торговой инспекции Тадеуш Ровак. Ольшаку по-своему нравился этот человек. Но ведь сколько улик накопилось! Правда, никаких прямых доказательств, одни подозрения, но их такое множество, что это не может быть случайностью. Только почему все идет так гладко? Достаточно было забрать из квартиры Сельчика клоуна, и тогда сам черт не связал бы его смерть с действиями шантажистов, о существовании которых милиция даже не подозревала. «Просто повезло», — подумал инспектор, но и это его не успокоило. Ольшак взглянул на часы: оставалось еще три минуты.

«Ну хорошо, — продолжал размышлять инспектор. — Ровак

хотел иметь деньги и такую жизнь, как у Махулевича, хотя был совершенно другим человеком, ибо Махулевич наслаждался жизнью, так как слишком глуп, чтобы ею не наслаждаться. Но ведь Ровак — умный человек и умеет смотреть на себя со стороны. Он прекрасно понимает, что катание девочек на автомобиле не принесет ему того, о чем он мечтает. Если он, старший контролер ГТИ, зарабатывающий две с половиной тысячи злотых в месяц, начнет раскатывать по городу на шикарном автомобиле, то быстро перестанет быть работником ГТИ, а также, очевидно, и свободным человеком. Наверняка Ровак закрывает глаза на мелкие нарушения торговых операций. С этим Ольшак готов согласиться. Подтверждением тому мог быть, например, ужин в обществе Спавача. Но миллионы... Нужно не иметь воображения, чтобы серьезно мечтать о миллионах. К этой роли подходил бы только один человек, но его нет в живых, его сбросили с девятого этажа, и Ольшак до сих пор не знает почему. «А может, — мелькнула у него мысль, — он хотел сбежать с этими деньгами за границу?»

Недавно, припомнил Ольшак, на черном рынке был замечен усиленный спрос на доллары. Кто-то скупал исключительно крупные купюры, самые меньшие по пятьдесят долларов. Милицейский отдел борьбы с хищениями в народном хозяйстве не сумел установить, кого они интересовали. Во всяком случае, Ольшак помнит, что повышение курса прекратилось всего две недели назад, а перед этим доллары у них в городе шли на черном рынке по наивысшей в Польше цене. И это было, отметил про себя Ольшак, всего две недели назад, то есть незадолго до смерти Сельчика. «Заграница, — услышал он хорошо знакомый сигнал внутренней тревоги, — кто-то недавно говорил ему о выезде за границу. Ах да, Иоланта Каштель, которая мечтала о путешествии в Италию, но поездка откладывается». Почему она улыбалась с такой иронией, когда говорила о двенадцати долларах на карманные расходы? Поляки, впервые отправляющиеся за границу, вообще думают, что двенадцать долларов соответствуют, по крайней мере, стоимости злотых, которые платят за них на черном рынке.

Инспектор снова представил комнату Иоланты, ее халат и большие мужские домашние туфли, которые, как она утверждала, у нее не хватает мужества убрать. Что его во всем этом беспокоит?

Светящиеся стрелки часов показывали семь минут одиннадцатого. Если никто не появится в течение трех минут, можно будет уезжать. Махулевич говорил, что ждал обычно только десять минут. Значит, главарь сегодня уже не появится. Нужно ли повторять эксперимент в следующую среду? А может, преступник давно разгадал все действия Ольшака и решил поиграть с ним?

Инспектор включил фары и хотел уже дать газ, когда услышал плаги бегущего человека. Он быстро выключил свет и напрягся в ожидании. К его удивлению, человек открыл переднюю дверцу вместо задней и сел на сиденье рядом с ним. Незнакомец тяжело дышал и как будто не мог произнести ни слова. Ольшак включил свет в машине и увидел зажмурившегося Ровака.

— Вы не можете, — выдавил тот наконец из себя, — подбросить меня в город?

В первую минуту он не узнал Олышака.

— С удовольствием, пан Ровак, — ответил инспектор. — Я ждал именно вас. Игра окончена.

— Это вы, пан капитан? Я и не узнал. Увидал автомобиль и испугался, что вы уедете. Эта девка бросила меня в поле как собаку. Но я разыщу ее и скажу пару ласковых слов. Она иногда заходит в «Спутник».

— Обо всем вы расскажете у меня в кабинете.

— Я и сейчас могу рассказать, — Ровак тяжело хватал воздух. — Лучшая девушка в «Спутнике», да еще с машиной. Позволяет за собой ухаживать, весь вечер танцует только со мной, а потом предлагает поехать за город в машине и вдруг ни с того ни с сего выбрасывает человека на шоссе...

Снова эта идиотская тревога. Почему приходят ему в голову совершенно абсурдные мысли?

— В довершение всего, пан капитан, я надел сегодня новые ботинки, которые мне малы. Купил, так как понравился фасон, но жмут ужасно, и я боялся, что придется все двадцать километров топтать пешком. Понимаете, после танцев ноги у меня опухли, и, если вы позволите, я бы с удовольствием разулся. — Ровак вдруг замолчал, как бы вспомнив что-то. — Простите, — сказал он, — вы говорите, что именно меня здесь ждали? Или я не расслышал?

Ольшак не ответил. Он нажал на тормоз с такой силой, что Ровак чуть не ударился головой о стекло.

— Вы запомнили номер и марку той машины? — спросил инспектор.

— Да, — сказал Ровак, все еще держась за щиток. — Серая «сирена», две последние цифры — 19.

— Идиот, — произнес сквозь зубы Ольшак и, заметив удивленный взгляд Ровака, добавил: — Это не о вас. Я дал себя водить за нос, а все было так просто.

— Что? — не понял Ровак. Он уже успел снять один ботинок и массировал натертую ногу.

Не ответив, Ольшак нажал на клаксон. Через мгновение к ним приблизилась «Волга», из которой выскочил Кулич.

— Слушай, — сказал Ольшак, — я чуть не совершил ужасную ошибку, но, — он посмотрел на часы, — все еще поправимо, во всяком случае, мне так кажется. Мы вели себя как эти глупые тряпичные клоуны. Кто-то дергал нас за ниточки словно марионеток, но, кажется, пересоллил. Вот поедешь по этому адресу, — Ольшак подал Куличу бумажку. — Предварительно запроси ордер на обыск, но искать тебе ничего не нужно. На маленьком столике стоит фотография, обвязанная черной лентой. Забери ее. Она подклеена с обратной стороны, и там должна быть какая-то надпись. Отдай снимок в лабораторию, поставь всех на ноги, но мы должны прочитать эту надпись, даже если она замазана или выведена. Это очень важно. Со-

общии в Варшаву, чтобы приготовили мне оперативную группу. Было бы хорошо, если бы включили в нее Беджицкого. Я поеду на машине Махулевича, так будет быстрее. Понимаешь? Я должен быть там на рассвете!

Кулич кивнул головой и побежал к «Волге». Олышак дал газ, развернулся, и почти в ту же секунду стрелка спидометра подскочила к цифре 80.

— Что вы делаете? Куда вы меня везете? — спросил Ровак. Он ничего не понимал.

— Это прекрасно, что вы купили ботинки на размер меньше, — сказал Олышак и еще сильнее надавил на педаль. Не глядя на удивленного Ровака, он добавил:— Кажется, мы увидим шахматы, которые вам так нравились.

16

На варшавском аэродроме их уже ожидал Беджицкий со своими людьми. Он передал Олышаку радиogramму от Кулича. Как и предполагал инспектор, на обороте снимка была надпись. Кулич сообщал также, что Козловский рассказал санитарке в больнице, кто его спихнул на рельсы. Теперь все стало на свои места.

— Автобус сейчас подойдет. На всякий случай там едет наш человек.

— Он напрасно теряет время, — сказал Олышак.

Инспектор заметил серую «сирену», которая стояла перед зданием международного аэровокзала. В это время подъехал автобус аэродрома. Раздался голос диктора:

— Пассажиры, отлетающие рейсом Варшава — Париж, приглашаются для выполнения паспортных и таможенных формальностей.

Затем последовал текст на английском и французском.

Беджицкий что-то сказал Олышаку, тот кивнул, хотя на самом деле ничего не расслышал. Он смотрел, как мужчина, вышедший из автобуса, и молодая женщина, закрывшая дверцу серой «сирены», вошли в зал и смешались с толпой пассажиров.

— Пожалуй, мне пора, — сказал Олышак. — Твои люди на месте?

Беджицкий кивнул.

— Любишь ты эффекты!

— Все должно быть сделано чисто: и текст по радио, и появление моего человека. Впрочем, сам все увидишь.

Олышак медленно подходил к интересовавшей его паре. Мужчина и женщина разговаривали вполголоса. Собственно, говорила только Иоланта. Олышак увидел слезы на ее глазах. Мужчина стоял рядом с ней молча, серьезный и сосредоточенный.

— Рад вас снова видеть, мосье Ромбе, — произнес инспектор. — О, так вы разыскали невесту своего кузена? — Он сделал вид, что только сейчас увидел Иоланту. Она побледнела, зато мужчина даже не дрогнул. — Вы кое-что забыли, — инспектор опустил руку в карман.

— Я не понимаю, мосье инспектор.

Олышак раскрыл ладонь. Тряпичный клоун помялся в кармане и от этого казался еще уродливее.

И в это мгновение раздался голос диктора.

— Пан Конрад Сельчик, вас просят подойти к справочному бюро. Повторяю. Пан Конрад Сельчик, вас просят подойти к справочному бюро.

«Лицо бесстрастного картежника», — подумал Ольшак, но в этот момент Иоланта отшатнулась к балюстраде и испуганно вскрикнула. В их сторону направлялся, смешно подпрыгивая (тесные ботинки все еще продолжали жать), старший ревизор Ровак. И, прежде чем Ольшак успел сориентироваться, мужчина бросился в сторону двери. Теперь Ольшак мог понаблюдать за работой группы Беджицкого. Молодой человек, стоявший опершись о косяк двери и сонно сосавший сигарету, в одно мгновение утратил вялость и кинулся к беглецу, носильщик, сгибавшийся под тяжестью чемоданов, бросил их под ноги Сельчика, и тот упал. Ольшак зашелкнул наручники.

— Возьмите его, — сказал он. — И не забудьте о даме. Эта пара стоит друг друга. Я выпью кофе в аэропорту и возвращусь домой, так как-даже не успел предупредить жену об этом веселом путешествии.

— Ни за что! — воскликнул Беджицкий. — Я так просто тебя не выпущу. Сейчас поедешь завтракать ко мне. Выпьешь хорошего кофе и расскажешь все по порядку...

— ...Итак, — подводил Ольшак итог своего рассказа спустя два часа, допивая неизвестно которую по счету чашку кофе, — все было проделано очень ловко, и, если бы не несколько случайностей, мы никогда бы этого не распутали. Сельчик был бы сейчас уже на Западе. Естественно, под именем Жана Ромбе, французского подданного. Быть может, где-нибудь в Италии он встретился бы с Иолантой, которая наверняка «выбрала бы свободу», хотя я не исключаю возможности, что он мог оставить ее с носом. Таких людей, как Сельчик, чувствами не проймешь. Впрочем, мы уже никогда не узнаем, как все это было бы на самом деле.

Вероятно, чтобы не возбуждать ни чьих-либо подозрений, ни чрезмерного любопытства французской полиции, «мосье Ромбе» написал бы письмо своему патрону, конечно на машинке, в котором отказался бы от занимаемой должности, и сообщил, что едет в другое полушарие, где ему предлагаются лучшие условия. Чем бы он рисковал? Самое большее — патрон подумал бы, что его директор рекламы свихнулся, но в конце концов люди способны на большие глупости, и махнул бы рукой. А мы бы считали, что Сельчик покончил жизнь самоубийством или, в худшем случае, был убит. Обращаю твое внимание, что труп опознавала одна Иоланта, другим достаточно было увидеть белый свитер. Впрочем, кто опознает лицо человека, ударившегося головой о бетон при падении с девятого этажа? А письмо было написано, несомненно, рукой Сельчика. Та же самая рука написала автобиографию в ГТИ, заполнила там анкету, написала несколько разделов докторской диссертации. Можно ли иметь какие-нибудь сомнения?

Все началось несколько лет назад, подробности установит следствие, которое только теперь пойдет по-настоящему. Сельчик, работая в торговой инспекции и закрывая глаза на некоторые злоупотребления, мог бы иметь какие-то доходы от

торговцев. Но он не хотел торговать в розницу, его не устраивали мелкие подношения, он хотел быть богатым, очень богатым. Но, предположим, он имел бы большие деньги. Что бы он с ними делал, оставаясь в Польше? Ну купил бы малолитражку, домик в предместье... Сельчику этого было мало. По моим подсчетам, еще очень приблизительным, он, шантажируя торговцев, собрал около шести миллионов злотых. Покупая на черном рынке доллары в среднем по сто злотых за штуку, он собрал около шестидесяти тысяч.

И тут подворачивается случай. Стосковавшийся по родине кузен разыскивает Сельчика. А может, это Сельчик нашел Ромбе? И тут появляется идея инсценировать собственную смерть, влезть в шкуру француза и попробовать поискать счастья на Западе. Ты можешь спросить, зачем ему нужно было это убийство. Ведь он мог уехать под собственным именем, например, по приглашению того же кузена. Ромбе наверняка не отказал бы ему в этом. Но беглецов там годами держат в специальных лагерях, вербуют в шпионы, а такая перспектива едва ли улыбалась Сельчику. Затем деньги: беглец, располагающий огромной суммой денег, — это в глазах тамошней полиции и контрразведки скорее уголовник, нежели политический эмигрант. Кроме того, у москвита Ромбе был счет в банке. Несколько десятков тысяч франков дополняют имеющуюся сумму, и никто не удивится в Эквадоре или Перу, что французский подданный Жан Ромбе приехал, чтобы приумножить там свой капитал. Но чтобы облачиться в шкуру Ромбе, его нужно было сначала убить. Так зародился этот план.

Дело облегчало родственное сходство, о котором Сельчик знал по присланным фотографиям. Одна из них, подписанная с обратной стороны, стояла на столе Иоланты Каштель, перевязанная черной ленточкой. Фотографии подклеивают тогда, когда они погнуты или поломаны, но эта была целой. Впрочем, мы к этому еще вернемся. Добавлю только, что фотография Ромбе, как сообщил в радиোগрамме Кулич, имеет дату трехлетней давности. Это очень важная подробность. Три года назад Ромбе еще не носил усов. О них Сельчик узнал по снимкам, присланным позже. Я говорил тебе, что меня ужасно удивило, почему покойный брился перед самоубийством. Так вот, Сельчик должен был сбрить Ромбе усы, предварительно дав ему снотворное.

Таков был план. А теперь о его выполнении. Сельчик обменивает польские деньги на доллары — я уже говорил тебе, что всего две недели назад на черном рынке закончилась долларовая лихорадка, — и поджидает кузена. Конечно, Иоланта во все посвящена. Именно поэтому она приглашает в тот вечер подругу из провинции, чтобы та подтвердила, что Сельчик был чем-то взволнован, а затем смогла бы установить его личность, разумеется, только по свитеру, в котором видела его в первый и в последний раз.

Итак, Сельчик приезжает на вокзал, встречает кузена, грузит багаж в машину, а по дороге объясняет, что не может, к сожалению, принять его у себя, так как в квартире только одна тахта, но что он заказал номер в гостинице. Сельчик останавливает машину, вытаскивает чемодан Ромбе, очевидно, накидывает его плащ под предлогом, что на улице прохладно, берет паспорт француза и направляется в гостиницу. Машину он, вероятно, оставил на солидном расстоянии от входа, так что имеет возможность в какой-нибудь подворотне приклеить заранее приготовленные усики. Администратору он представляется как Жан Ромбе, оставляет чемодан, предупредив, что вернется позднее, и бежит к машине. Усики, естественно, прячутся в карман.

В лифте их видит дворничиха, которая замечает необычные ботинки и тем самым первая подтверждает наше предположение, что в тот вечер у Сельчика кто-то был. Наверное, он

всыпал снотворное уже в первую рюмку. Не забывай, что времени у него не так-то много, а он должен усыпить француза, поменяться с ним одеждой, отдать ключи Махулевичу, либо положить их в условленное место, подогнать машину к дому Иоланты и вернуться в гостиницу под видом Жана Ромбе. Будучи педантом, он на всякий случай устраивает алиби французу: симулирует приступ и держит возле себя врача до того времени, когда, согласно его плану, с Ромбе будет покончено. Не забудь, какую роль здесь играет фактор времени. Иоланта должна прибыть именно в тот момент, когда будет выброшено тело, поскольку только тогда никто даже на минуту не станет сомневаться в личности покойника. Все устраивается так, что и не подкопаешься.

— Нет, не совсем. Ведь Сельчик не предвидел, что Бабуля пожелает часы, которые могут разбиться.

— Он не мог этого предвидеть, и мне показалось подозрительным, что в доме такого педантичного человека, каким был Сельчик, нет ни одних часов. В конечном счете они привели меня к Бабуле.

— А шахматы? — спросил Беджицкий.

— Проверим его багаж, очевидно, они там. У каждого человека есть какая-нибудь вещь, с которой он не хочет расставаться... Но идем дальше. Следующим утром Сельчик, уже как мосье Ромбе, уезжает в Варшаву. Ему нужно переждать десять дней. Во-первых, у него в кармане обратный билет в Париж, во-вторых, он не должен привлекать к себе внимания. Если кузен приехал на десять дней, значит, он должен прожить здесь десять дней. Но на вокзале Сельчик неожиданно встречает Козловского, у которого, очевидно, вытягивается лицо, так как в утренней газете напечатано о самоубийстве ревизора ГТИ. В довершение всего Козловский причастен к преступлению, поскольку украл для Махулевича ключи от квартиры, соседствующей с квартирой самоубийцы. Реакция Сельчика мгновенна: он сталкивает Козловского под колеса приближающегося паровоза. Сельчик не знает, что парню повезло и он получил только легкие ушибы, не знает, что этот случай наведет нас в конце концов на верный след. Впрочем, он этого не боится.

— Не боится? — удивился Беджицкий.

— Совершенство его плана основано на том, что Сельчик неплохой шахматист и умеет предугадывать действия противника на несколько ходов вперед. Его противником был я, значит, он ставил себя на мое место. И тут выплывает история с клоунами.

— Я именно об этом и хотел тебя спросить. Зачем он оставил у себя клоуна, который должен был рано или поздно навести милицию на след?

— Он решил откупиться от меня своей бандой. У Сельчика была тройная система подстраховки. Сначала он подsunул мне самоубийство. Если я проглочу этот кусок — все в порядке, и мосье Ромбе может спокойно уехать. Помни, что он должен переждать десять дней и, следовательно, в течение этого времени чем-то занять меня. Ну, а если версия самоубийства покажется мне неправдоподобной? Сельчик понимал, что все предусмотреть невозможно. И действительно. Отсутствие часов

и бритье перед самоубийством не понравились мне с самого начала. Предвидя это, Сельчик подкинул мне клоуна как второй охранительный барьер. Показания Иоланты, что в последнее время он был сам не свой, неожиданный визит Броката, объяснявшего сразу механизм действия шантажистов, — скорее всего к этому визиту его принудил телефонный звонок Иоланты, угрожавшей чем-нибудь ювелиру, — плюс показания самого Сельчика, уже как Ромбе, должны были убедить меня, что магистр экономики стал жертвой шантажа. Этому служило и организованное им в «Спутнике» свидание Иоланты и Баси Кральской с Козловским и Махулевицем, встреча, которая, естественно, не могла ускользнуть от нашего внимания. Сельчик хотел навести нас на след Махулевича, которому предварительно подбросил известный нам список «покупателей» тряпичных клоунов, чтобы мы, избави боже, не имели никаких сомнений насчет причастности Махулевича к банде. Однако, если бы нам и этого показалось мало, Сельчик приготовил более солидную приманку — самого главаря шайки. Он знал, что лучше всех на эту роль подходит Ровак. Именно поэтому во время нашей встречи в гостинице «Европейская» мосье Ромбе как бы невзначай вспомнил о коллеге Сельчика — «шахматисте»; именно поэтому Иоланта упомянула в разговоре со мной о платочке в нагрудном кармане. Наконец, с этой же целью она отвезла незадачливого ухажера на двадцатый километр Варшавского шоссе. К счастью, у Ровака были тесные ботинки. И вот тогда я вспомнил, что у человека, лежавшего на бетонных плитах двора на Солдатской улице, была довольно маленькая ступня и один ботинок соскочил с ноги при падении. Вспомнил я и Ромбе в «Европейской», встретившего нас, как ты помнишь, в одних носках. И потом большие домашние туфли в комнате Иоланты Каштель. У Сельчика была большая ступня. И еще такая мелочь: Сельчик не курил, вообще не переносил табачного дыма. Помнишь, как Ромбе подавился дымом и вынужден был открыть окно? Этот факт я тогда не мог ни к чему прицепить. Потом, траурная ленточка на фотографии. У них все было предусмотрено. Иоланта каждую минуту могла ждать моего визита и подготовилась к тому, чтобы убедить меня, что человек на фотографии и есть Сельчик. Риск здесь был небольшой, поскольку фотографии в отделе кадров ГТИ и в дипломе Сельчика насчитывали добрый десяток лет. Но чрезмерная педантичность меня раздражает и, оказывается, не напрасно. — Олышак посмотрел на часы. — Ну, мне пора. У тебя еще есть вопросы?

— Да, — хитро улыбнулся Беджицкий. — Эта девушка, о которой ты говорил, Кральская, или как ее там...

— Время — чудесный исцелитель. Хочу надеяться, что она встретит человека более интересного, чем ее муж, и у них будут дети. Лучше всего — близнецы.

Перевод с польского С. СОКОЛОВОЙ

Морган РОБЕРТСОН

АРГОНАВТЫ

Несколько месяцев назад я был приглашен на банкет и ушел с него, как бывает в таких случаях, голодным. Зайдя в ночное кафе, я занял место и заказал ужин официанту, который, подав просимое, присел к моему столику. Было уже поздно, и официант мог немного отдохнуть.

— У вас сегодня прекрасный вид, — сказал он, окидывая взглядом мой костюм. — Вы прямо-таки шикарно одеты. Когда я последний раз видел вас на Велландском канале, вы были в грязи с головы до ног.

Я пристально взглянул на него. Этот седой человек, лет сорока пяти, с острым, умным лицом, видимо, еще не сдавался. Кожа у него была бронзовая, как если бы она подвергалась действию солнца и ветра всех широт. Его глаза, серые, решительные, с оттенком юмора, характеризовали его как человека инициативы и внезапного действия. В его голосе чувствовалась привычка повелевать, а между тем он носил короткую куртку официанта и, возможно, брал чаевые. Я никак не мог припомнить, где его встречал.

— У вас память лучше, чем у меня, — сказал я. — Я вас совсем не помню. Конечно, я хорошо помню Велландский канал, хотя и стараюсь забыть об этой несчастной канаве.

— Вы не можете его забыть, — рассмеялся официант, — трудно забыть тому, кто был в том рейсе. То путешествие было моим первым и последним, которое я совершил вместе с вами. Но я еще не раз выходил в море и после того, как старик расплатился со мной в порту Кольборн. Разве вы не помните, как ходили со мной в школу?

Он назвал свое имя, и я, напрягши память, вспомнил. Это был мой школьный товарищ, немного старше меня, который молодым парнем ушел в море и стал заправским моряком. Потом он занимал должность помощника капитана на шхуне, где я служил матросом. Большую неудачу он потерпел на Велландском канале, плавание по которому исключительно трудно и опасно. После того как он несколько раз посадил шхуну на мель, что вызвало настоящий мятеж со стороны команды, так как ей приходилось разрываться на части из-за его ошибок, капитан его уволил.

Когда я вспомнил обо всем этом, старая обида зашевелилась во мне, и мы тут же, за столом (он официант, а я писатель), припомнили в подробностях все, что случилось для меня плохого двадцать лет назад, когда я служил под его началом. Но все кончилось по-дружески: мы пожали друг другу руки.

— Недавно я узнал, — сказал он, когда мы опять спо-

койно уселись за столиком, — что вы принадлежите к тем, которые пишут эти глупейшие морские рассказы. Почему вы не пишете хороших морских рассказов?

— По той же причине, почему вы не подаете в своем кафе настоящих гренок с сыром, — отвечал я, ткнув вилкой в холодное блюдо, которое он мне подал. — Хороший рассказ трудно напечатать в наших американских журналах.

— Вот как, — сказал он задумчиво. — Кто мог бы подумать, что вы станете писателем, а я буду подавать котлеты?.. Хорошо зарабатываете?

— Не очень. Иначе я не сидел бы в этом кафе.

— Все мы, как видно, только пускаем пыль в глаза. Вы вот здесь, в этом дешевом кафе, в своем шикарном костюме. Я тоже... нет, не теперь. Теперь я подаю котлеты и доволен, что есть хоть такая работа. Но одно время я был миллионером. Правда, очень недолго. Однако, пока я был им, я строил планы и мечтал, много мечтал.

Я попросил его рассказать, как было дело, и он сразу согласился. Его рассказ часто нарушался возгласами: «ветчина с...» или «бифштекс и...», и мне пришлось просидеть за столиком до самого утра. Прежде чем начать свое повествование, он пожелал мне написать об этом настоящий морской рассказ, но просил не упоминать его имени. Он хотел собрать денег, чтобы уехать на Кубу, — у него

были какие-то планы, а это могло ему помешать... И сейчас, спустя несколько месяцев, в течение которых я вынашивал рассказ, я уверен, что никакое усилие творческого ума, никакой «полет фантазии» не могли бы создать столь захватывающий и жуткий рассказ, который я услышал от него в тот вечер.

— Вы, наверно, читали в газетах несколько недель назад, — начал он, — о группе молодых студентов, которые зафрахтовали старое парусное судно «Мейфлауэр», запаслись водолазными принадлежностями и динамитом и отправились на поиски сокровищ, похороненных на дне моря с судном «Санта Марге-

рита»? Видно, они тоже каким-то образом узнали место, где затонул этот корабль.

Я кивнул головой в знак согласия.

— Да, читал. На них налетел ураган, и они едва спаслись.

— Но они хранят все в тайне, — сказал он, — и думают попытаться еще раз. Однако это совершенно напрасно. Сокровища эти находятся в семистах милях на северо-восток, и я был последним человеком, который их видел. Они покоятся в трюме небольшой шхуны, лежащей на дне моря. Узнал я об этих сокровищах три года назад, когда бросил работу на барке в Седар Кийс и посту-

ОБ АВТОРЕ «АРГОНАВТОВ»

Литературная судьба талантливого английского писателя-мариниста Моргана Робертсона оказалась поистине трагичной.

В 1898 году лондонское издательство «Мэтьюз энд Компани Лимитед» выпустило в свет его роман «Тщетность». Фабула произведения сводилась к следующему. В Англии построили небывалой величины трансатлантический лайнер «Титан». Он считался непотопляемым, самым роскошным и самым быстроходным в мире. Право совершить на нем первое плавание через океан выпало на долю «сильных мира сего» — миллионеров Старого и Нового Света. Холодной апрельской ночью «Титан» со всего хода врезался в айсберг и затонул. Спасательных шлюпок на борту гигантского корабля не хватило, и большая часть пассажиров, — а всего их было около двух тысяч! — погибла... Северная Атлантика оказалась немим свидетелем героизма и подлости, великодушия и трусости...

Столь мрачная картина, нарисованная в романе, пришлась не по вкусу читателям, и о «Тщетности» вскоре забыли.

Прошло четырнадцать лет. Неожиданно имя мало кому известного писателя Моргана Робертсона появилось на первой полосе лондонской «Таймс», рядом с официальным правительственным сообщением, которое гласило: «Небывалое в морских лето-

пил официантом в бординг-хауз*. В этот бординг-хауз часто заходил один моряк по имени Глизон. У него была морская карта, о которой он часто говорил, но никому не показывал. Этот моряк и рассказал мне о старом испанском судне, которое со всей командой пошло ко дну еще в шестнадцатом веке, унеся с собой на семь миллионов долларов золота, серебра и драгоценных камней. Он точно знал место, где оно затонуло. Ему под пьяную руку рассказывал об этом во время одного из рейсов водолаз, который видел судно на дне моря и, как он уверял, разобрал да-

* Бординг-хауз — гостиница для моряков (англ.).

же надпись на корме; Глизон, выведав потом у шкипера широту и долготу этого места, держал это в тайне. К тому же следующее погружение оказалось для него последним — порвался шланг, и он задохнулся под водой. Глизон хотел набрать команду из отважных моряков, а также собрать нужный капитал, чтобы отправиться на поиски этих сокровищ.

Ни у кого из моряков, с которыми он вел переговоры, не было ни гроша за душой. Все мы были бедны, но в отваге нам нельзя было отказать. Первым надо упомянуть негра по имени Панго Пит, дегину шести футов ростом, который не мог подписать

писях несчастье произошло в Атлантическом океане. Пароход «Титаник» компании «Уайт Стар», выйдя 11 апреля 1912 года в свое первое плавание, столкнулся с айсбергом и затонул... Есть основания полагать, что из 2800 человек спаслось менее 700*.

Англичане были потрясены. Все, что придумал когда-то Робертсон, вдруг представало горькой правдой, вплоть даже до мелких подробностей. Сходными были названия вымышленного и настоящего пароходов. Схожи размеры и устройства кораблей: у обоих лайнеров по четыре трубы и по три винта. Длина «Титана» 260 метров, «Титаника» — 268 метров. А вот соответственно и другие данные. Водоизмещение: 70 тысяч тонн; 66 тысяч тонн. Мощность машины: 50 тысяч лошадиных сил; 55 тысяч лошадиных сил. Максимальная скорость: 25 узлов; 25 узлов. Причина, место и время года катастрофы — одни и те же. Как на «Титане», так и на «Титанике» находились представители высшего общества; на обоих судах не хватило шлюпок. Перечень совпадений оказался настолько велик, что газеты называли Моргана Робертсона мрачным гением, оракулом, ясновидцем. В адрес писателя шли сотни горьких писем от людей, чьи родственники погибли при катастрофе. Роман «Тишина» был предан проклятью, книга никогда больше не издавалась...

Как могло, однако, случиться, что писатель столь точно предсказал катастрофу «Титаника»?

свою фамилию, но был моряком с головы до ног. Затем идет итальянец Педро Паскалай. Оба отчаянные головорезы. Дальше — старик Сулливан, который всю жизнь проплавал таршиной рулевых, не добившись звания штурмана, так как не мог вполне овладеть знанием навигации. За ним — Питерс, молодой парень, которого увлекла романтика и красота жизни на море, — вздор и чепуха, как нам с вами известно, — но этот парень умел увлекаться, а этого уже достаточно. Мы взяли трех немцев: Вагнера, Вейса и Мейерса, — все трое стличные ребята. Португалец по имени Христо и два норвежца, братья Свенсоны, до-

полняли группу. Собравшись в порту, в том месте, где причаливают устричные шхуны и где собираются разные неудачники, чтобы за трубкой потолковать о прошлом, мы хорошенько все обсудили.

Мы мечтали о времени, когда станем богатыми. Семь миллионов долларов, утверждал Глизон, лежат на дне моря, вблизи «острова Турка», на глубине менее шестидесяти футов, и все, что нужно, чтобы достать это сокровище, — это какой-нибудь парусник, водолазный костюм и аккумулятор, чтобы зажечь лампу на дне моря. Однако все это было нам не по карману.

Но вот в порт зашла какая-то шхуна, чтобы пополнить

Робертсон давно уже следил за борьбой пароходных компаний Англии и Америки, оспаривающих «Голубую ленту Атлантики». Этот символический приз скорости присуждался судам за самый быстрый переход через океан. По мере того как развивалась техника мирового судостроения, скорости на море стремительно росли. В 1838 году колесный пароход «Грейт Вестерн» пересек океан за пятнадцать суток; полвека спустя винтовое судно «Сити оф Пэрис» затратило на переход из Ливерпуля в Нью-Йорк уже только шесть суток и шло со средней скоростью более двадцати узлов. Причем именно Северная Атлантика, место действия романа «Тщетность», была тем гигантским полигоном, где проверялись лучшие конструктивные решения в области судостроения, испытывались судовые котлы, паровые машины, турбины, винты.

Талантливый литератор предвидел, что ажиотаж на трансатлантических линиях неминуемо приведет к катастрофе, что азартные гонки на приз скорости «Голубая лента Атлантики» когда-нибудь явятся причиной человеческой драмы в океане. Так оно и случилось...

Предлагаемый вниманию читателей рассказ Морган Робертсона «Аргонавты» был написан им еще до выхода в свет романа «Тщетность». На русском языке рассказ был впервые опубликован в 1938 году в журнале «30 дней».

Л. СКРЯГИН

запасы продовольствия. Мы с завистью смотрели на эту шхуну, а Глизон прямо-таки не находил себе места, когда узнал, что она прекрасно оборудована. На ней были и водолазные костюмы, в которых мы так нуждались, и аккумуляторы, и запасные якоря, и насосы разной мощности, и прочие принадлежности водолазного дела. Все это открыто лежало на палубе. Команда этой шхуны состояла из людей, которые мало походили на настоящих моряков.

«Такая же компания, как и мы, — сказал Глизон, — но только у них есть деньги, и

возможно, что они тоже как-нибудь узнали эту тайну. Ну что ж, тот, кто может воспользоваться добычей, становится ее владельцем, и я, ребята, думаю, что наш единственный выход — захватить эту шхуну. Что вы на это скажете? Согласны?»

Конечно, все согласилось. Незаметно следили мы за шхуной, и, когда на нее было загружено продовольствие, уже были готовы совершить на нее налет и бросить за борт всю команду. Но в этом не оказалось необходимости. Команда слишком поздно управлялась с делом, не могла уйти в море с приливом, и под вечер все сошли на берег, чтобы весело провести время, оставив на судне лишь одного кока-японца. Когда темным вечером мы захватили судно, то вовремя вспомнили, что среди нас нет ни одного кока, и потому не стали бросать японца за борт, а просто заперли его в камбузе и тотчас снялись с якоря.

Глизон, конечно, был избран капитаном, поскольку он был зачинщиком всего дела, меня назначили штурманом, как знающего навигацию, а негра Панго Пита — подштурманом. Такое распределение казалось вполне удачным, так как прежде всего надо было подумать о дисциплине, ибо даже пираты признают ее необходимость, и тому, кто вздумал ее нарушить, пришлось бы иметь дело с Питом. Мы еще не успели обогнуть Флориду, а Пит уже задал кое-кому нахлобучку, в том числе и коку-японцу за грубость и плохое приготовление пищи, и это было большой ошибкой с его стороны. Этот японец был обра-

Рисунки С. ПРУСОВА

зованным человеком, окончившим университет, и принадлежал к классу самураев. Мы знали только, что кок из этого японца был плохой.

Когда мы обогнули Флориду, Глизон сообщил мне широту и долготу места, где было похоронено сокровище, и я повел туда судно. Мне потребовалось три дня очень точных наблюдений и вычислений, прежде чем я мог с уверенностью сказать, что мы находимся в шести секундах от места, которое нам было нужно, а большего нельзя требовать ни от какого моряка. Мы бросили якорь и начали исследовать дно. У нас были две шлюпки. Мы их поставили на некотором расстоянии одна от другой, протянули между ними тонкий стальной трос с системой грузов, получив таким образом подобие драги. Мы гребли до тех пор, пока наш трал драги за что-то не зацепился. Шлюпка подошла к месту, где зацепился на дне трос, и остановилась. Шхуна, которой управлял Глизон, тотчас подошла к шлюпкам и бросила якорь.

Я был единственным из всей команды, кому когда-либо приходилось иметь дело с водолазным костюмом, и потому мне пришлось спуститься на дно. Скажите, приходилось вам когда-нибудь бывать под водой в водолазном костюме, целиком доверив свою жизнь людям наверху, которые накачивают воздух в скафандр? Нет? Ну так знайте, что это не слишком приятное ощущение. У меня было такое чувство, когда я спустился на дно моря, что я лишний в этой компании и что достаточно им прекратить подачу воздуха, чтобы их стало

двенадцать, а не тринадцать. Но этого не случилось: они беспрерывно накачивали воздух, я дышал нормально и имел возможность осмотреть старый галеон «Санта Маргерита». Он лежал на дне моря, накренившись на левый борт, лежал покрытый морским илом и обросший раковинами.

Я подал сигнал, чтобы потравили шланги, и обошел вокруг судна, желая осмотреть его оснастку. Оно было трехмачтовое и с двумя башнями, очень похожими на крепостные, — с зубцами и бойницами. Его кормовая палуба была настоящим чудом: пять ярусов окон, один над другим, и три больших фонаря сверху, очень напоминающих обыкновенные уличные фонари. Конечно, все паруса и бегучий такелаж давно сгнили и рассыпались, но кое-где можно было видеть частицы оснастки, сохранившиеся благодаря смоле. Палуба и поручни на целый фут были покрыты илом, а небольшие пушки, стоявшие на юте, едва были различимы.

Я сразу увидел, что мне не обойтись без помощи, и подал сигнал, чтобы меня подняли наверх. Я рассказал все, что мне пришлось увидеть, и все на судне, даже японец, чуть с ума не сошли от радости. Мы снарядили еще два водолазных костюма, — я объяснил, как ими пользоваться, — взяли лампы, и Панго и Питерс вместе со мной спустились на дно.

Теперь я должен предупредить, что это рассказ не о том, как было найдено сокровище на дне моря. Все эти выдуманные рассказы кончатся благополучно, каждое действующее лицо становится

богатым, счастливым. Мой рассказ будет о людях, которые отыскивали сокровище, и о том, что с ними после этого случилось. Поэтому я должен сказать, что, когда мы спустились в трюм затонувшего судна, мы не нашли здесь ни скелетов, ни духов, как это обычно бывает в морских рассказах. Вся команда, надо полагать, была на палубе в момент гибели судна, и, когда судно погружалось, ее смыло водой. Мы отыскиали на судне семь больших сундуков, наполненных монетами и драгоценными камнями. Все это, конечно, было покрыто илом, но мы знали, что это настоящее золото и настоящие драгоценные камни. Нам пришлось поднимать сундуки по одному и каждый раз самим вылезать на палубу нашего корабля, так как сундук, поднятый из воды, становился настолько тяжелым, что без нашей помощи даже десять человек его не смогли бы втащить на судно. Наконец все сундуки были подняты талями и аккуратно расставлены на палубе. Осмотрев в последний раз судно, чтобы убедиться, что больше ничего ценного на нем не осталось, мы подняли якорь.

Мы были пиратами перед законом, но не знали, что все таможенные суда на побережье охотились за нами после того, как мы похитили шхуну. Однако, будучи владельцами семи миллионов долларов в виде золотых слитков, в которые мы собирались превратить всю монету, и драгоценных камней, которые можно было продать в каком-нибудь банке, мы не боялись обвинения в пиратских действиях. Вся беда заключалась в том, что все цен-

ности надо было реализовать, и, занимаясь обсуждением, как все это лучше сделать, мы взяли курс на восток, в открытую Атлантику. Питерс, молодой энтузиаст, который был когда-то ювелиром, уверял нас, что расплавить золото и серебро можно только при очень высокой температуре; надо было устроить хотя бы маленькую «доменную печь», но как мы могли это сделать, если у нас ни у кого не было ни гроша в кармане? Я внес предложение, поддержанное Глизоном, Питерсом и стариком Сулливаном: сосчитать наше богатство, отобрать все годные для продажи драгоценные камни, войти в какой-нибудь большой порт — Нью-Йорк, Ливерпуль или Рио-де-Жанейро, — продать эти камни и вырученные деньги употребить на то, чтобы сбить с рук остальное. Но нам пришлось иметь дело с такими людьми, как Панго, Христо, Педро и три немца, которые сами не знали, чего им надо. Они настаивали, чтобы немедленно все было сосчитано и поделено, тогда пусть каждый идет или едет куда хочет. Им не бросалась в глаза несуразность подобного требования: тринадцать человек должны были разделить между собой семь тяжелых сундуков, — каждый должен был взвалить на плечи семь тринадцатых груза, для поднятия которого даже с помощью блоков требовалось соединенное усилие всех тринадцати человек.

Довольно любопытно, как отдельные члены нашей команды собирались использовать свое богатство. Молодой Питерс мечтал о том, чтобы вернуться в родную деревню и жениться на девушке, кото-

рая смотрела на него свысока, так как он был беден. Панго, Педро и оба норвежца думали только о хорошей выпивке. Три немца хотели непременно открыть трактиры в Нью-Йорке. Глизон собирался учиться на юриста, а я хотел изучать медицину, чтобы стать доктором. Японец же ничем не показывал своих стремлений.

Итак, рыча друг на друга как звери в клетке, мы плыли на восток, не разрешив пока вопроса о нашем богатстве. Наконец мы склонили на свою сторону немцев, итальянца и португальца и решили взять курс на Нью-Йорк: здесь мы должны были войти в порт и продать брильянты в каком-нибудь ломбарде на Боуери-стрит, где нас не стали бы спрашивать, откуда мы их взяли. Мы пожали друг другу руки в знак примирения, хорошенько разделили японца за то, что он плохо нас кормил, — мы слишком были заняты взаимными распрями, чтобы уделить этому внимание раньше, — и взяли курс на Нью-Йорк.

Питая недоверие друг к другу, все спали в кают-компании, хотя было много отдельных кают. Никто не хотел оставаться в стороне от семи сундуков с сокровищами, и кок-японец, который мог бы спать в своей каюте рядом с камбузом, отдавал предпочтение кают-компании и тоже спал вместе с нами. Но во всем остальном теперь мы стали очень покладисты — мы ведь были миллионерами. Все несли вахты, ставили и убрали паруса без понуканий начальства, гораздо лучше относились друг к другу во время работы и старались все делать сообща.

Но вот однажды ночью, когда мы будили подвахту, которая должна была застучать, старик Сулливан был найден мертвым на своей койке. Никаких признаков насилия мы не обнаружили и не могли установить причину его смерти. Оставалось предположить, что старик умер от паралича сердца или просто от старости; мы похоронили его в морской пучине и на другой день уже забыли о нем. Но в другой раз мертвым был найден один из братьев Свенсонов. Он уже совершенно закоченел, и нигде на теле не было никаких признаков насилия. Спать он лег вполне здоровым и веселым и умер во время сна.

Второй Свенсон чуть с ума не сошел, оплакивая брата. Но его горе было кратковременным: когда мы попытались разбудить его в следующую вахту, он тоже лежал неподвижно, холодный как лед. Его похоронили, и эта смерть уже заставила всех нас задуматься. Разные мысли лезли нам в голову — вроде того, что человек не может поднимать со дна моря несправедливо добытое сокровище, имеющее отношение к мертвому прошлому, без того, чтобы самому не подпасть под влияние этого мертвого прошлого. Мы невольно вспоминали покоренных, поработанных туземцев, которые надрывались на работе, обогащая испанскую монархию, и погибали, не признаваемые за людей, забытые, в то время как их эксплуататоры, дети и родственники Фердинанда и Изабеллы, жили в роскоши и довольстве. Мы суеверно спрашивали друг друга: что убивает наших товарищей —

духи прошлого или яд? Естественно, что мы стали подозревать кока, и Панго, итальянец, норвежец и португалец настаивали на том, чтобы выбросить его за борт, но остальные были против. Не было никаких признаков отравления, и поскольку мы в своем пиратском предприятии до сих пор обходились без убийства, то решили обходиться без него и дальше. Совершив убийство, мы многое поставили бы на карту. Суд, который мог бы оправдать нас как искателей приключений, присвоивших себе на время шхуну, непременно приговорил бы нас к повешению как пиратов и убийц. Но мы стали зорко следить за японцем. Во время еды старались не подпускать его близко. Еду он подавал на двух или трех больших блюдах, и он не мог отравить одного без того, чтобы не отравить остальных.

Я внимательно осматривал труп второго Свенсона, прежде чем его похоронили, но не нашел никаких особенных следов на нем, если не считать двух небольших красных пятен немножко ниже одного и другого уха, но тогда я не обратил на это никакого внимания. Нигде не было ни следов крови, ни отпечатков пальцев на горле.

Питерс, романтически настроенный молодой парень, вбил себе в голову, что тут действуют духи, и это сказало на его нервах. Он совсем не мог спать после похорон и всю ночь ходил взад и вперед от кают-компаний к палубе и обратно. Свободные от вахты спали вместе внизу, и в эту ночь никто не умер. Но на другую ночь Питерс, истомившись от бессонницы прошлой ночи, свалился пря-

мо на полу кают-компаний среди сундуков. Его не могли разбудить в восьмую склянку и вдруг поняли, что все его беды кончены. При дневном свете я осмотрел тело. Никаких следов, кроме двух красных пятен внизу под ушами. Похоронили его без всяких церемоний. Дело принимало серьезный оборот.

Все это время мы плыли при пассатном ветре, но скоро погода изменилась, ветер стал легкий, неустойчивый, с дождем — настоящая гольфстримская погода. Все стали раздражительными, и у Панго с Глизом произошла драка. Это была ужасная схватка, и никто не мог их остановить. Оба были сильные парни, и, когда они, крепко сцепившись на палубе, случайно задели меня, я отлетел на шесть футов. Я тут же вскочил на ноги, но Панго уже сидел верхом на Глизоне и душил его. Схватив вымбовку от ппиля, я начал гвоздить им по голове Панго, но он не бросил Глизона и, пока подоспели другие на помощь, успел его задушить.

Мы в ужасе отступили прочь.

Со смертью Глизона команда должна была перейти ко мне или Панго, он теперь был в таком настроении, что мог потребовать себе и первое место. Он в состоянии был одолеть каждого из нас, но не мог справиться со всеми. Однако, пока мы спорили, и горячились, и остывали, подоспели другие беды, которые требовали нашего внимания. Несколько драгоценных сундуков были брошены на непрочный настил палубы; и вот пол вдруг провалился, и сундуки рухнули вниз, в трюм, оставив зияющую дыру в на-

стиле второго дна и пробив обшивку в двух местах. Теперь приходилось без конца откачивать воду, и никто не мог придумать никакого приспособления, чтобы отодвинуть сундуки подальше от течи. Панго был прекрасный работник, и ввиду свалившейся на нас беды, потребовавшей напряжения всех наших сил, все забыли о своих спорах. Я отказался от командного поста в интересах общего дела, и место шкипера было предложено Панго, а я согласился выполнять обязанности навигатора и помощника капитана. Панго тотчас прекратил работу у насоса, говоря, что это не дело шкипера. Но в ту же ночь он закончил все счеты с жизнью. Как шкипер, он не нес вахты, спал в кают-компании, и, когда его стали будить к завтраку, он был холоден как лед. Те же маленькие пятна были у него под ушами, но только на его черной коже они казались темно-коричневыми.

Когда Глизон был задушен, я осмотрел его шею, ища отпечатки пальцев Панго.

Но почти никаких следов не оказалось — никакого указания на то, что маленькие красные пятна появляются от нажима руки душителя. Кроме того, невозможно задушить человека без того, чтобы его не разбудить. Он так или иначе наделает шуму и привлечет внимание других.

Значит, причина всех этих смертей была иной.

Теперь нас осталось всего семь человек: три немца, итальянец, португалец, япо-

нец и я. Я решил поговорить с японцем. Он был образованный человек, окончивший университет в Америке, но он заявил, что и сам теряется в догадках. Все это продолжало оставаться таинственным и страшным — эти непонятные смерти во время сна. Что касается отравления, в чем его подозревали раньше и о чем японец уже знал, то это, конечно, был абсурд. Прежде всего на судне не было никакого яда, а затем, почему этот японец, совершенно незнакомый с Мореходным делом, должен отравлять людей, которые вели судно с ценностями в порт? Что он мог один делать на море? Такое рассуждение казалось вполне логичным, и так как японец был маленький, тщедушный, с кроткой физиономией, то я совершенно отбросил какие бы то ни было подозрения на его счет.

На следующую ночь отбыли в другой мир итальянец и португалец, Педро и Христо. Те же небольшие пятна под ушами — и больше ничего. Три немца, Вейс, Вагнер и Мейсер, уже давно стали похожи на полоумных. Работая у насоса, они все время лопотали на своем языке, а если кто-нибудь из них оставался один, то разговаривал сам с собой. Должен сознаться, что я тоже стал не совсем нормальным. Да и кто не стал бы им, живя в вечном страхе? Когда я не работал у насоса, то расхаживал по палубе и мечтал. Помню, как я строил планы открыть школу для стремящихся к образованию молодых матросов, где они могли бы изучать медицину и таким образом избавиться от тяжелой, грязной корабельной работы.

Потом я начинал мечтать о том, как построю бесплатные столовые для бездомных бродяг. Результатом всех моих беспорядочных мыслей была бессонница. Я уже не мог спать ни днем ни ночью, но все-таки старался поддерживать какой-то порядок на судне и заставлял трех немцев работать.

Мы добрались до широты Бермудских островов, и я уже начинал думать, что тяготившее над нами проклятие покинуло нас, — прошли уже три ночи, и никто не умер. Но вот в одно бурное утро, когда ветром была сломана фор-брам-стенга и унесены брамселя и вчетвером — японец был бесполезен на палубе — мы пытались взять пару рифов у грота, Вагнер, забормотав вдруг что-то на своем языке, бросился за борт. Я бросил ему веревку, но он оттолкнул ее и остался за кормой.

Теперь нас осталось только четверо, считая и японца, который продолжал плохо нас кормить, и пришлось потратить много времени и труда, чтобы взять на гроте два рифа. Воду в трюме мы уже не успевали откачивать — она все прибывала; мы откачивали, пока могли держаться на ногах, потом бросали и валились в изнеможении на пол, чтобы хоть немного поспать.

Однажды, смертельно усталые, мы повалились на палубе, приказав коку разбудить нас, когда посвежеет ветер или что-нибудь случится. Но он не стал нас будить, хотя случилось очень плохое дело. Я сам проснулся вдруг от холода и, поднявшись на ноги, глядел вокруг сонными глазами. Японец возился на кухне. Я потащился к нем-

цам, чтобы позвать их к насосам, но нашел обоих закоченевшими — у каждого под ушами были маленькие красноватые пятна.

Конечно, я чуть не сошел с ума. Схватив японца за горло, я потребовал объяснения. Он заявил, что ничего не знает: он видел, что мы, усталые, легли спать, очень жалел нас и решил приготовить для нас хороший обед. Он весь дрожал от страха, и я отпустил его. Мы сбросили оба трупа за борт и направились к насосам, но справиться с прибывающей водой не могли. Наконец я бросил насосы и приготовил на всякий случай шлюпку, запасшись водой и продовольствием на двух человек. А пока я взял курс на Бермудские острова, надеясь, что, быть может, удастся выброститься с судном на берег и в морском суде отстоять хоть некоторую часть тех семи миллионов, которые были в трюме.

Но мне приходилось и управлять судном, и смотреть за палубой, так как японец был бесполезен. Я держался на ногах до тех пор, пока не показалась земля, и затем свалился, вконец истощенный

работой. Но заснуть не мог. Лежа на люке, я чуть слышным голосом сказал коку, чтобы он как-нибудь управлял судном, держа направление к видневшейся на горизонте голубой точке, а сам впал в какое-то забытие, которое нельзя было назвать ни сном, ни бодрствованием. Я как будто и слышал, и даже видел из-под слегка приподнятых век, но в то же время мое сознание бездействовало, и я не мог даже защитить себя. Я видел, что японец ползет ко мне, видел, каким убийственным огнем горят бусинки его глаз, слышал тихое шарканье ног на мокрой палубе. Но не мог ни двинуться, ни говорить.

Он остановился рядом со мной. Затем нагнулся и тихонько нажал кончиками указательных пальцев на мою шею, чуть ниже ушей, за скулой, сначала тихонько, так что я почти не чувствовал нажима, потом сильнее, и какая-то слабость сразу разлилась по всему моему телу, слабость, совсем не похожая на ту, какую я чувствовал, когда свалился с ног и попытался заснуть. Казалось, дыхание мое остановилось.

Я не мог двигаться, но еще мог видеть, и более ненавистного, убийственного взгляда, какой был в глазах этого японского кока, я никогда не видел в жизни.

Он продолжал нажимать все сильнее и сильнее, и скоро я почувствовал, что уже не дышу.

И вдруг я очнулся. Я понял, что могу двигаться, и оттолкнул японца; он, пошатываясь, отступил назад, бормоча что-то на своем языке. Я поднялся на ноги, слабый, дрожащий, и он отскочил в сторону, но у меня не было сил преследовать его. Я был более чем слаб, был чуть жив, еле-еле дышал и совсем не мог говорить. Японец заперся у себя в камбузе, и я с большим трудом забрался в шлюпку, которая была уже подготовлена раньше, и убрал шлюпбалку.

У меня сохранилось лишь смутное воспоминание о том, как спал в шлюпке, как иногда просыпался, чтобы отогнать веслом этого подлого труса-японца. Помню также, что я совсем не мог говорить и мне было трудно глубоко дышать.

Но тот момент, когда шхуна наконец скрылась под водой, отчетливо сохранился в моей памяти. Японец был на палубе, которую уже заливала вода. Я знал, что шхуна сейчас затонет, и вынул нож, чтобы обрезать веревки, когда шлюпка коснется воды. Для меня не представляло труда сделать это — хотя я и не мог говорить, но мог дви-

гаться; и когда шхуна погрузилась в воду и слух мой прорезал ужасный крик японца, я обрезал кормовые, потом носовые тали, и шлюпка оказалась на воде...

Несколько дней спустя меня подобрало транспортное судно с грузом фруктов, направляющееся в Нью-Йорк. Волосы мои поседел. С тех пор я все время работаю официантом в надежде, что мне удастся встретиться с кем-нибудь, кто заинтересовался бы возможностью поднять со дна моря шхуну, но дело не клеится. И я решил уехать на Кубу. Там я знаю место, где спрятано золото. Хотите ехать со мной?

— Нет, — ответил я. — Вы лучше скажите мне, что погубило всю вашу команду?

— Конечно, японец-самурай. Он, видимо, был большой знаток джиу-джитсу, очень распространенной в Японии борьбы. С тех пор я порядком познакомился с медициной и кое-что знаю. Пневмогастрический нерв был причиной смерти. Этот нерв идет от головного мозга к сердцу и легким и кончается около желудка. Он одновременно выполняет функции моторную, чувствующую и симпатическую. Легкий нажим на него задерживает дыхание, длительное давление парализует голосовые связки, ведет к потере сознания, а сильное давление приостанавливает действие сердца, и тогда наступает смерть.

Перевод с английского
П. ОХРИМЕНКО

**На 1-й стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА
к роману Александра Казанцева «Фаэты
(Гибель Фаэны)»**

**На 2-й стр. обложки — рисунок Г. НОВОЖИ-
ЛОВА к повести Анджея Збыха «Слишком
много клоунов»**

**На 3-й стр. обложки — рисунок С. ПРУСОВА
к рассказу Моргана Робертсона «Аргонавты»**

**Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ**

**Редакторы выпуска: О СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА**

**Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.**

**Сдано в набор 7/IV 1971 г. Подп. к печ. 25/V 1971 г. А08126.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж
150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 833.**

**Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.**

Цена 20 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦИ ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

Мало кто подозревал о том, что средневековый цех бродячих мастеров сохранился до наших дней. Так и ходят они из страны в страну — в широкополой островерхой шляпе, сапогах с растрюбами и мешком за плечами, словно ожившие персонажи из легенды.

ЧИТАЙТЕ В № 6 ЖУРНАЛА
«ВОКРУГ СВЕТА»

ОЧЕРК В. ДРУЖИНИНА

Татбулукский плотник

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА